

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

Юридический институт

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени Питирима Сорокина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**VIII Всероссийская научно-практическая конференция
студентов, магистрантов и аспирантов**

г. Сыктывкар, 20–21 ноября 2024 г.

Сборник статей

Текстовое научное электронное издание на компакт-диске

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2024

ISBN 978-5-87661-944-0

© ФГБОУ ВО «СГУ имени Питирима Сорокина», 2024
© Оформление. Издательство СГУ им. Питирима
Сорокина», 2024

[Титул](#)

[Об издании](#)

[Производственно-технические сведения](#)

[Содержание](#)

УДК 34; 28; 29
ББК 67.0; 86.3
А43

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за организацией-разработчиком.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Издается по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» (протокол № 8 от 28.11.2024)*

Редколлегия:

- В. Д. Потапов**, д-р юрид. наук, профессор, директор Юридического института
СГУ им. Питирима Сорокина;
- А. Е. Новикова**, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права
Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»);
- К. И. Коробко**, д-р юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- В. В. Воробьев**, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- И. С. Чалых**, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина (отв. ред.);
- К. В. Черкасов**, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- О. С. Иванова**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- Т. Л. Курач**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- Н. Н. Курова**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- Л. В. Осипова**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- Д. А. Земсков**, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина;
- И. В. Федорова**, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина

А43 **Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации**
[Электронный ресурс] : VIII Всероссийская научно-практическая конференция студентов, магистрантов
и аспирантов (20–21 ноября 2024 г., г. Сыктывкар) : сборник статей / отв. ред. И. С. Чалых ; Федер. гос.
бюдж. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». — Элек-
трон. текстовые дан. (2,4 Мб). — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. — 1 опт. ком-
пакт-диск (CD-ROM). — Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III; 256 Мб RAM; не менее
1,5 Гб на винчестере; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше; ви-
деокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек; 4-скоростной дис-
ковод (CD-ROM) и выше; мышь. — Загл. с титул. экрана. — ISBN 978-5-87661-944-0

В издании систематизированы статьи участников VIII Всероссийской научно-практической конференции сту-
дентов, магистрантов и аспирантов, ежегодно проводимой Юридическим институтом СГУ им. Питирима Сорокина.
В сборник включены результаты научно-практических исследований авторов, представляющих различные универ-
ситеты страны, посвященные анализу и оценке становления, состояния, актуальных проблем и тенденций развития
российской правовой системы.

Материалы адресованы всем, кто интересуется актуальными теоретическими и практическими вопросами
юриспруденции.

Материалы сборника подготовлены к опубликованию с использованием СПС «КонсультантПлюс».

*Редколлегия не несет ответственности за содержание и достоверность информации, публикуемой в данном
сборнике.*

УДК 34; 28; 29
ББК 67.0; 86.3

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абакаров Р. М.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО АУДИТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	7
<i>Абросимов Г. К.</i> ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С ДВОЙНОЙ ФОРМОЙ ВИНЫ, СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ.....	10
<i>Александрова М. А.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	15
<i>Альмахрук А. М., Саперкина Е. Л.</i> ФИНАНСОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ	20
<i>Антропова Ю. С.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЧЕЛОВЕКА	26
<i>Артамонова А. Ю.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО РОЛИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ АВТОРСКИХ ПРАВ.....	32
<i>Афонин М. Н., Барбир Е. П.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ АБСЕНТЕИЗМ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	39
<i>Баданов Н. М.</i> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА.....	45
<i>Бокова А. О.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ СУДОВ	50
<i>Бородин А. А.</i> ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ РЕКЛАМНЫМИ ОБЪЯВЛЕНИЯМИ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМИСЯ ПУБЛИЧНОЙ ОФЕРТОЙ.....	56
<i>Бурцева С. С.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ НАРУШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕИ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ	60
<i>Васильева Е. А.</i> ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОГО ДЕЯНИЯ	66
<i>Власова А. В.</i> ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ КАК ПРИЗНАКА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ.....	71
<i>Вяткина В. А.</i> ВЕДЕНИЕ АДВОКАТАМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ СРЕЗ	77
<i>Гайдамашко Я. В.</i> ВОПРОСЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИГОВОРА, ПОСТАНОВЛЕННОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ.....	81
<i>Губарева В. Р.</i> ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ	87

<i>Давидова Л. В.</i> ОКОНЧАНИЕ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	92
<i>Дорохов Д. А.</i> ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	96
<i>Завьялов А. С., Косыгина А. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД.....	101
<i>Заколюдкина А. С.</i> СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА — ЗА И ПРОТИВ.....	106
<i>Зиновьева А. В.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В ОБЛАСТИ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	111
<i>Зуева А. А., Рязанцев Е. В.</i> ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С УПЛАТОЙ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ	116
<i>Иванова Я. А.</i> ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	122
<i>Изъюрова Е. А.</i> РИСК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	129
<i>Калбаева Р. Р.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ МОНИТОРИНГА СОБЛЮДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ	135
<i>Кожина Л. А.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ».....	140
<i>Кожухова К. Д.</i> АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	145
<i>Козлов К. А.</i> ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО	150
<i>Кривых А. Р.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЗЫСКАТЕЛЯ, ПРИЗНАННОГО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ), В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	155
<i>Кулалаева Ю. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА	160
<i>Лавриненкова Е. В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИИ.....	165
<i>Лобова А. А., Тетерина Д. А.</i> ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	173
<i>Лысенко И. Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДДЕЛКИ ДОКУМЕНТОВ СОГЛАСНО СТ. 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ	178
<i>Макаров Д. А.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС АПАРТАМЕНТОВ.....	183
<i>Мамедова А. Д.</i> СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ УСМОТРЕНИЯ СУДА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	187

<i>Маракулина Д. С.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ.....	191
<i>Мардаровский Н. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	196
<i>Мусанова Д. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ.....	201
<i>Мухамадеева К. Р., Мотыгуллина Э. М.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ КАК ОБЪЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	208
<i>Мучкаева Д. М.</i> ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ.....	213
<i>Мышьяков С. В.</i> ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	219
<i>Надырова Р. Н.</i> К ВОПРОСУ О ТРЕБОВАНИЯХ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СВЯЗИ С ОБОРОТОМ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ.....	224
<i>Носова Р. Н., Жиделева В. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖЕНЩИН, РОДИВШИХ ДВУХ И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ И ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 50 ЛЕТ, В РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ МЕСТНОСТЯХ	230
<i>Осипов В. С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	235
<i>Острикова А. Ю.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ РОССИИ: ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ.....	240
<i>Пахомов В. Н.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ФАКТОР АВТОРСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАННЫХ С ЕГО УЧАСТИЕМ.....	244
<i>Пашнина Е. М.</i> СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ.....	248
<i>Переслыцких Ю. С., Монахова Е. А.</i> УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ	254
<i>Пилюгина Е. В.</i> ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ (АКЦИИ) В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА.....	258
<i>Поваров А. А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ИЗ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	263
<i>Рашев Д. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЛКОЙ БЫТОВОЙ СДЕЛКИ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ	269

<i>Савченко М. А.</i> ВОПРОС ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	272
<i>Скоскина Д. Г.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ХРАНЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ	277
<i>Соколова Е. А.</i> ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	282
<i>Сукач А. Н.</i> ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	289
<i>Суслов В. И., Петрова А. С.</i> ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	293
<i>Сухорослова Е. Д.</i> АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ	298
<i>Хаирова С. М.</i> ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЦЕЛИ	301
<i>Чеботарева Н. В.</i> ОКАЗАНИЕ УСЛУГ И ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 238 УК РФ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	308
<i>Черкасова Е. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА ВИРТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	312
<i>Черникова Д. Н.</i> КАТЕГОРИЯ «РИСК» В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	320
<i>Черных П. Л.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	324
<i>Чуякова Ю. Д.</i> К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	331
<i>Эюбова Т. М. к.</i> МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	335
<i>Юсупова А. А.</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 226 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	340

УДК 347.73

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО АУДИТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Р. М. Абакаров,

студент 3-го курса Института прокуратуры (бакалавриат)

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель — А. А. Исайчева,

ассистент кафедры финансового, таможенного и банковского права

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу финансового аудита в Российской Федерации и Китайской Народной республике. Автором проведен анализ в зависимости от субъектов осуществления финансового аудита (внутреннего и внешнего), объекта, нормативной базы, регулирующей общественные отношения, возникающие в ходе осуществления аудиторской деятельности, нормативной базы, приближенности к международным стандартам и др. Также проанализированы определения финансового аудита, данные учеными-правоведами, в том числе представителями Саратовской правовой школы — Н. И. Химичевой и Е. В. Покачаловой.

Ключевые слова: финансовый аудит, Счетная Палата РФ, бухгалтерский отчет, контрольно-счетные органы, Министерство финансов РФ, Госсовет КНР

Финансовый аудит в Российской Федерации является составной частью государственного финансового контроля, предполагающего анализ финансового состояния организации, соответствия ее отчетности фактическим обстоятельствам, правильности бухгалтерской отчетности и эффективности развития организации [1, с. 12]. Государственный финансовый аудит представляет собой независимую систему финансово-контрольных мер, направленных на анализ состояния предприятия и проверку достоверности имеющихся данных в финансовой отчетности.

Сравнительно-правовой анализ финансового аудита Российской Федерации (далее — РФ) и Китайской Народной Республики (далее — КНР) необходим для выявления сходств и отличий между соответствующими процессами, так как экономическая деятельность данных государств на сегодняшний день идет по пути высокого уровня интеграции, что подтверждается многочисленными

договорами и соглашениями Китая и России, в том числе в сфере развития экономических взаимоотношений. Так, например, 24 мая 2023 года между РФ и КНР был заключен меморандум об углублении сотрудничества в сфере торговли услугами [2]; 29 января 2024 года в рамках Конференции по российско-китайскому торгово-экономическому сотрудничеству организации, участвовавшие в данной конференции, заключили множество договоров о сотрудничестве в сфере экономического взаимодействия [3, с. 115].

Понятие финансового аудита в РФ представлено в различных вариациях учеными-правоведами и экономистами. Н. И. Химичева, основоположник Саратовской правовой школы в области финансового права, определяет аудиторский финансовый контроль как независимый вневедомственный контроль, осуществляемый в качестве предпринимательской деятельности — аудиторской деятельности [4, с. 164]. Е. В. Покачалова разделяет понятия финансового аудита и аудиторской деятельности. Так, под финансовым аудитом подразумевается независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности [5, с. 160].

В соответствии с ч. 2 ст. 157 Бюджетного кодекса РФ (далее — БК РФ) Счетная Палата РФ, контрольно-счетные органы субъектов РФ и муниципальных образований осуществляют полномочия по аудиту эффективности, направленному на определение экономности и результативности использования бюджетных средств [6].

Финансовый аудит в Китайской Народной Республике, начиная с 1995 года, приближает национальные стандарты аудиторской деятельности к международным стандартам [7, с. 107]. Финансовый аудит в КНР, как и в России, имеет своей целью контроль за исполнением и использованием государственных бюджетных средств посредством проведения независимой оценки состояния финансовой отчетности. Это необходимо для того, чтобы повысить интерес инвесторов, кредиторов и других лиц.

Субъектами внешнего финансового аудита в РФ являются Счетная палата РФ и контрольно-счетные органы субъектов РФ, а также Федеральное казначейство и органы исполнительной власти субъектов Федерации. Финансовый аудит в КНР проводится департаментами Госсовета, государственными корпорациями и предприятиями, прочими юридическими и физическими лицами.

Кроме того, финансовый аудит в КНР и в России осуществляется в безусловном соответствии с положениями международных стандартов аудиторской деятельности [8, с. 88]. Аудиторская деятельность регулируется национальным законодательством: в РФ таким актом выступает Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» [9], в КНР — Закон о дипломированных бухгалтерях, Законы об аудите и бухгалтерском учете, Правила применения Закона об аудите, Стандарты аудита [10, с. 220–222].

Требования к аудиторам в РФ и КНР несколько отличаются. Так, в КНР, чтобы иметь возможность заниматься аудиторской деятельностью, необходимо получить сертификат СРА, подтверждающий наиболее высокий уровень подготовки бухгалтера к аудиторской деятельности [10, с. 220]. В РФ в соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» для осуществления аудиторской деятельности физическому лицу необходимо получить сертификат аудитора и входить в саморегулирующую организацию аудиторов [9].

Резюмируя все вышеизложенное, следует сделать следующий вывод: финансовый контроль в РФ и КНР имеет определенные сходства и различия. Среди сходных начал следует выделить: нормативную базу, осуществление полномоченными государственными органами надзора за финансовым аудитом; к различиям необходимо отнести: централизованность/децентрализованность финансового аудита, содержание отчетности.

1. Лаврова, Д. А. Государственный финансовый аудит как разновидность финансового контроля / Д. А. Лаврова // Карельский научный журнал. 2022. Т. 11. № 4 (41). С. 12–14.

2. Россия и Китай подписали меморандум о расширении торгового сотрудничества // Социальный фонд России. 24.05.2024. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2023/05/24/250190?ysclid=m09124nvdw860870064 (дата обращения: 16.11.2024).

3. Лю, Сюнь. Российско-китайская цифровая торговля: состояние, потенциал, тенденции / С. Лю // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 9. С. 112–129.

4. Финансовое право / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Норма, 2005. 800 с.

5. Финансовое право / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. М.: ИНФРА-М, 2020. 800 с.

6. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

7. Козлов, Л. Е. Специфика финансового аудита в современном аудите / Л. Е. Козлов // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2015. № 4. С. 106–116.

8. Инюцина, Е. А. Международные стандарты аудиторской деятельности / Е. А. Инюцина // Вестник магистратуры. 2018. № 1 (76). С. 88–89.

9. Об аудиторской деятельности: федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 20.

10. Харисова, Ф. И. Некоторые вопросы регулирования внутреннего аудита в Китае / Ф. И. Харисова, Х. Хайкэфу, А. И. Сабирова // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 220–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-regulirovaniya-vnutrennego-audita-v-kitae> (дата обращения: 16.11.2024).

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С ДВОЙНОЙ ФОРМОЙ ВИНЫ, СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ

Г. К. Абросимов,

студент 1-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматривается проблема назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии, которые по уголовно-правовым признакам относятся к преступным деяниям с двойной формой вины. Обосновывается несоответствие правил назначения наказания и в целом института двойной формы вины принципу справедливости, а также необходимость либо отказа от двойной формы вины как таковой с внесением необходимых изменений в статьи Особенной части УК РФ, либо установления в нем института неосторожного сопричинения вреда.

Ключевые слова: преступление, двойная форма вины, назначение наказания, соучастие, эксцесс, неосторожность, умысел, ст. 27 УК РФ, принцип справедливости

В современном уголовном праве России особое внимание уделяется понятию вины как одному из основных элементов уголовной ответственности. Термин двойной формы вины относится к ситуации, когда субъект преступления направ-

ляет умысел своих действий на один преступный результат, а в итоге его действий получается другой преступный результат, на который его умысел не распространился [1, с. 280].

Положение о двойной форме вины закреплено в ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ). Сложная форма вины отражает разное отношение преступника к полученным результатам. Другими словами, умысел преступника был на одни общественные отношения, а вред причинен более тяжкий и другим общественным отношениям. Назначение наказания за преступления с двойной формой вины будет строже, чем за преступления с одной формой [3, с. 14].

Большинство ошибок при квалификации преступлений с двойной формой вины связано с трудностями интерпретации характеристик субъективной стороны. В зависимости от формы вины определяется уголовная ответственность и назначается соответствующее наказание.

Актуальность исследуемой темы подчеркивается отсутствием унифицированного подхода в уголовно-правовой теории к определению этой категории: получается, что в теории такой институт есть, а на практике его не применяют. Правомерное применение наказания в зависимости от степени вины является важным элементом правовой системы, направленным на обеспечение законности и защиту общества от преступных посягательств.

Важно отметить, что наказуемость преступлений с двумя формами вины должна соответствовать принципам справедливости и пропорциональности. Назначение наказания должно быть обоснованным и соответствовать характеру совершенного преступления, учитывать все обстоятельства дела.

Так, на сегодняшний момент исследователи выделяют проблему в назначении наказания за преступления, совершенные с двумя формами вины, которые были совершены в соучастии. Соучастие в уголовном праве определяют как умышленную общественно опасную деятельность нескольких лиц; такое определение закреплено в ст. 32 УК РФ [4, с. 24].

В преступлениях с двойной формой вины присутствует «неосторожный» элемент, следовательно, соучастия в таких преступлениях с точки зрения теории уголовного права быть не может (потому что соучастие предусматривает только «умышленный» элемент субъективной стороны). Однако законодатель предусмотрел такое положение и в ст. 27 УК РФ [2] закрепил, что все преступ-

ления, совершенные с двумя формами вины, являются в целом умышленными. Данная статья Уголовного кодекса является спорной, и многие ученые до сих пор ведут дискуссии на предмет ее актуальности. Однако следует обратить внимание на тот факт, что двойная форма вины — это сложная субъективная сторона, со своими нюансами, и правоохранительным органам необходимо четко это понимать. При назначении наказания важно учитывать характер и степень тяжести совершенного преступления, а преступления с двойной формой вины имеют еще и специфический элемент, а именно — неосторожное последствие. Возникает вопрос: как оценить степень виновности каждого участника, если их умыслом не охватывалось наступление неосторожных последствий.

Двойная форма вины в преступлениях является квалифицирующим признаком, который увеличивает степень общественной опасности преступления и, следовательно, влечет более строгое наказание, чем то же преступление, но без квалифицирующего признака.

Многие исследователи предлагают оценивать преступления с двойной формой вины, совершенные в соучастии, по правилам эксцесса исполнителя. Они отмечают, что неосторожное причинение последствий не охватывалось умыслом соучастников. Следовательно, имеет место эксцесс исполнителя, который и должен нести ответственность за наступившие по неосторожности последствия [5, с. 6].

Другие авторы, наоборот, полагают, что ст. 27 УК РФ прямо указывает на неосторожное отношение субъекта преступления к тяжким последствиям [6, с. 22]. Также считается, что неосторожные последствия стали результатом умышленных совместных деяний, поэтому неосторожное последствие вменяется в вину всем участникам [7, с. 137].

Также исследователи отмечают, что при совершении преступления в соучастии все члены могли предвидеть более тяжкое последствие, хотя и не желали его наступления, но подобный исход им должен был представляться возможным [8, с. 35].

Говоря о принципе справедливости при назначении наказания за преступления в соучастии с двойной формой вины, можно отметить, что для реализации этого принципа необходимо оценивать действия каждого участника и в зависимости от участия назначать соразмерное наказание [9, с. 96].

Принимая во внимание положения ст. 27 УК РФ [2], предлагается уточнить положения о назначении наказания за преступления с двойной формой вины, совершенные в соучастии.

С одной стороны, такие преступления отражают различные уровни умысла и неосторожности среди соучастников, что усложняет процесс квалификации и определения степени ответственности каждого из них. С другой стороны, необходимо учитывать, что каждый участник вносит свой вклад в совершение преступления и поэтому должен нести ответственность согласно своей роли и степени вины.

При рассмотрении преступлений, совершенных с двумя формами вины, важно применять дифференцированный подход, который позволит точно определить степень виновности каждого участника. Это обеспечит справедливое наказание, соответствующее как общим принципам уголовного права, так и индивидуальным обстоятельствам дела. Такой подход способствует не только правильной квалификации действий участников, но и укреплению правовой системы в целом, поддерживая принципы справедливости и законности.

Необходимо определить соразмерность назначения наказания за преступления, совершенные с двумя формами вины в соучастии, потому что возможность совершения данного преступления стала возможна только при помощи соучастников, и в случае умышленной вины все участники несут соразмерное наказание. Если же преступление совершено в соучастии, когда нет эксцесса исполнителя и умысел всех участников был направлен на посягательство в отношении одного объекта, а наступивший результат нанес тяжкие последствия другому объекту, не охватываемому умыслом, то следует назначать соразмерное наказание каждому из участников.

Важно понимать, что при назначении наказания за преступления с двойной формы вины, совершенные в соучастии, необходимо квалифицировать преступление как единое, а не по совокупности.

На законодательном уровне не закреплено, как именно назначать наказания за преступления с двойной формой вины, совершенные в соучастии: как правило, судья принимает решение на основании своей оценки и по аналогии назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии с одной формой вины. Однако в России не англо-саксонская правовая система, где основным источником права является судебный прецедент; в романо-германской право-

вой семье, к которой относится российское уголовное право, основным источником права являются нормативные правовые акты.

Таким образом, предлагаем закрепить определение неосторожного причинения вреда в преступлениях с двойной формой вины и дополнить ст. 34 УК РФ частью 6 в такой редакции: «Неосторожным причинением вреда в преступлениях с двойной формой вины признается совместное участие двух или более лиц в совершении деяния, повлекшего по неосторожности наступление единых общественно-опасных последствий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Также считаем необходимым установить критерии индивидуализации ответственности посредством изложения абзаца 2 части 6 ст. 34 УК РФ в такой редакции:

«Ответственность соучастников в преступлениях с двумя формами вины определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления».

По аналогии предлагаем дополнить ст. 67 УК РФ частью 1.1: «При назначении наказания за преступление с двумя формами вины, совершенное в соучастии, учитывается характер и степень влияния действия (бездействия) лица на наступление общественно опасного последствия».

Законодательное закрепление определения ответственности и назначения наказания за преступления с двойной формой вины, совершенные в соучастии, необходимо для того, чтобы унифицировать подход и сделать единой судебную практику в данном вопросе.

Совершенствование института вины в уголовном праве требуется для более точного и справедливого определения степени ответственности преступника. Это позволяет учитывать мотивы, цели и психологическое состояние лица в момент совершения преступления, а также обстоятельства, которые могли повлиять на его поведение. Также это необходимо для того, чтобы соответствовать принципам назначения наказания, а также реализовывать цели наказания, а именно — восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

1. Полякова, О. В. Двойная форма вины и ее значение в российском уголовном праве / О. В. Полякова // Наука и современность. 2010. № 3–3. С. 280–284.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Никитина, Н. А. Преступления с двумя формами вины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Никитина. СПб., 2011. 32 с.
4. Харьковенко, В. В. К вопросу о формах вины / В. В. Харьковенко // Вестник науки и образования. 2024. № 3 (146). С. 23–26.
5. Арутюнов, А. А. Экссесс исполнителя преступления, совершенного в соучастии / А. А. Арутюнов // Уголовное право. 2003. № 1. С. 5–7.
6. Сорочкин, Р. А. Правила квалификации преступлений с двумя формами вины / Р. А. Сорочкин // Российский следователь. 2007. № 4. С. 22–24.
7. Иванова, Л. В. Отличие эксцесса исполнителя преступления от стечения нескольких лиц в одном преступлении / Л. В. Иванова // Молодой ученый. 2010. № 1–2 (13). С. 138–141.
8. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении : монография / М. И. Ковалев. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад, 1999. 202 с.
9. Янина, И. Ю. Преступления с двумя формами вины, осуществленные групповым способом: соучастие или неосторожное причинение? / И. Ю. Янина // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 96–99.

УДК 346.15

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. А. Александрова,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

Научный руководитель — А. А. Белецкая,

старший преподаватель кафедры

трудового и предпринимательского права

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

Аннотация. Предпринимательская деятельность является важным элементом экономической системы Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года, закладывает основы для правового регулирования предпринимательства, что делает ее ключевым документом в этой области. В данной статье анализируются конституционные основы предпринимательской деятельности в Российской Федерации, включая основные принципы и нормы. Рассматриваются положения Конституции, касающиеся прав и свобод граждан. Рас-

крыта роль государства в поддержке и развитии предпринимательства. Обоснованы выводы о влиянии конституционных основ на развитие бизнеса и разработку специальной законодательной базы в данной сфере, о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, конституционные основы, предпринимательство, государство, Конституция Российской Федерации

Предпринимательство является объектом комплексного правового регулирования ввиду своей значимой роли в социально-экономической системе общества. Оно охватывает различные аспекты общественных отношений, которые регулируются нормами множества правовых отраслей, включая как публичное, так и частное право. Особенно важную роль в данном процессе выполняют нормы конституционного права.

Отметим, что конституционные основы предпринимательской деятельности включают в себя фундаментальные правовые нормы, которые создают необходимую правовую базу для ведения бизнеса, определяют общие рамки, условия и порядок осуществления предпринимательской деятельности, а также гарантируют защиту прав предпринимателей и определяют основу их правового статуса. Кроме того, они закрепляют принципы свободы экономической инициативы и защиты частной собственности, что является основой для развития рыночных отношений в стране [1, с. 17–18].

Список нормативных установлений Конституции Российской Федерации, которые многогранно регулируют предпринимательскую деятельность в нашей стране, достаточно обширен:

- право на использование своих способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности (ч. 1 ст. 34);
- право на защиту своего доброго имени (деловой репутации) (ст. 23);
- право на частную собственность (ст. ст. 35, 36);
- право свободно выбирать свою профессию и род деятельности (ст. 37);
- право на свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (ст. 8);
- право на возмещение ущерба государством за вред, причиненный незаконными действиями или бездействием органов власти или их должностных лиц (ст. 53);

– иные права и конституционные гарантии предпринимательской деятельности (ст. 27, ч. 2 ст. 34, ст. 44, ч. 1 ст. 74, ч. 2 ст. 75) [2; 3, с. 76].

Итак, одним из ключевых конституционных положений является норма, закрепляющая принцип свободы предпринимательства (ч. 1 ст. 34) [2], который подразумевает отсутствие каких-либо произвольных ограничений на ведение бизнеса как со стороны государства, так и со стороны физических, юридических лиц.

Эту норму органично дополняет ст. 8 Конституции, гарантирующая свободу экономической деятельности и равную защиту всех форм собственности [2]. Во-первых, проанализировав данное положение, можно заключить, что ни одна форма собственности не имеет преимущества перед другими, а, соответственно, предприниматели, использующие различные виды имущества, находятся в равных условиях [4, с. 392]. Во-вторых, это положение, в том числе, создает разумные правовые рамки для функционирования различных форм бизнеса, включая индивидуальное предпринимательство или же создание юридического лица. В-третьих, свобода экономической деятельности подразумевает отсутствие дискриминации и равные условия для всех участников рынка, а также соразмерность, адекватность и пропорциональность возможных ограничений, вводимых федеральным законодателем в данной сфере [3, с. 76–77].

Весьма ярко целесообразные и необходимые ограничения можно проиллюстрировать наличием естественных и государственных монополий в определенных экономических секторах. И хотя существует положение о недопустимости монополизации рынка (ч. 2 ст. 34 Конституции) [2], тем не менее его нельзя трактовать буквально, так как есть некоторые изъятия: например, естественная монополия в секторе услуг почтовой связи или же государственная монополия на эмиссию денежных средств [4, с. 394].

Не менее значимой в рассматриваемом контексте представляется защита частной собственности, право на которую зафиксировано в ст. 35 Конституции [2]. Защита частной собственности является необходимым условием для развития предпринимательской деятельности, поскольку она способствует обеспечению стабильности и созданию благоприятных «климатических условий» для развития бизнес-среды.

Разумеется, не последнюю роль в совершенствовании современного российского предпринимательства играет также социальная направленность экономи-

ки, что подчеркивается ст. 7 Конституции [2]. Это означает, что на государство возложена обязанность по созданию комфортных, достойных условий для роста качественных и количественных показателей в области предпринимательства и улучшения его благосостояния, включая поддержку малого и среднего бизнеса, соблюдение прав граждан на здоровье, на отдых, на безопасные условия труда, а также предоставление разного рода льгот [5, с. 23–24].

Необходимо также упомянуть, что конституционные установления создают прочную правовую основу для разработки специального законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность. Например, Федеральный закон «О государственной регистрации...» [6] реализует конституционные положения о свободе экономической деятельности и защите прав собственности; регламентирует процедуру государственной регистрации создания, реорганизации и ликвидации юридических лиц, а также государственную регистрацию физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей; устанавливает требования к документам, необходимым для регистрации, порядок их подачи и сроки принятия решений регистрирующими органами [1, с. 44–46].

Помимо этого можно назвать Федеральный закон «О защите конкуренции» [7]. Он регулирует отношения, возникающие в связи с защитой конкуренции на товарных рынках, и направлен на предотвращение монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции и иных действий, ограничивающих «здоровую» честную конкуренцию. Закон устанавливает полномочия антимонопольного органа (в частности, Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации), определяет порядок рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства и меры ответственности за такие нарушения [4, с. 391–392].

Можно привести еще один пример — Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [8]. Цель этого закона — защитить права и интересы субъектов предпринимательской деятельности при проведении проверок со стороны государственных и муниципальных органов. Он предусматривает процедуры проведения проверок, права проверяемых лиц, обязанности контролирующих органов, а также меры защиты прав предпринимателей в случае нарушений со стороны контрольных органов [1, с. 156–157, 179].

Эти и многие другие законы, регламентирующие предпринимательскую деятельность в России, базируются на Конституции и играют важную роль в регулировании различных аспектов предпринимательства. Кроме того, Конституция является базой для обеспечения защиты прав предпринимателей в суде, закрепляя за каждым право на судебную защиту (ст. 46) [2], благодаря чему предприниматели тоже могут защищать свои интересы при нарушении их прав.

Подведем итоги. Конституционные основы предпринимательской деятельности в России имеют первостепенное значение в формировании правовой среды для ведения и развития бизнеса. Они обеспечивают свободу экономической деятельности, защиту частной собственности, изолирование от недобросовестной конкуренции, право на свободный выбор профессии и рода деятельности. Эти и ряд других гарантий способствуют созданию и поддержанию нормальной благоприятной бизнес-среды, что, в свою очередь, стимулирует положительную динамику в развитии предпринимательства в стране. Тем не менее, несмотря на наличие довольно широкой и содержательной нормативной базы, регулирующей сферу предпринимательской деятельности, требуется постоянный мониторинг имеющихся пробелов и проблем в законодательстве с целью их последующего эффективного и грамотного устранения.

1. Шашкова, А. В. Предпринимательское право : учебник для вузов / А. В. Шашкова. М.: Юрайт, 2024. 234 с. URL: <https://urait.ru/bcode/537626> (дата обращения: 09.11.2024). Доступ: по подписке НИУ «БелГУ».

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

3. Ручкина, Г. Ф. Конституционные основы предпринимательской деятельности в Российской Федерации / Г. Ф. Ручкина // Избранные труды научно-педагогических работников департамента правового регулирования экономической деятельности финансового университета при Правительстве Российской Федерации. М.: Прометей, 2019. С. 75–80.

4. Пикинерова, О. А. Конституционные основы предпринимательства в Российской Федерации / О. А. Пикинерова, В. В. Колесник // Е-SCIO. 2019. № 11 (38). С. 389–394.

5. Садовникова, Г. Д. Комментарий к Конституции РФ постатейный / Г. Д. Садовникова. М.: Юрайт, 2024. 244 с. URL: <https://urait.ru/bcode/535409> (дата обращения: 10.11.2024). Доступ: по подписке НИУ «БелГУ».

6. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Российская газета. 2001. 10 августа.

7. О защите конкуренции : федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Российская газета. 2006. 27 июля.

8. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

УДК 34

ФИНАНСОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

А. М. Альмахрук, Е. Л. Саперкина,

студентки 5-го курса юридического института (специалитет)

Российский государственный университет правосудия,

Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель — Е. П. Антипова,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Российский государственный университет правосудия,

Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений в финансовой сфере. Проведен анализ действующего уголовного и административного законодательства, научных подходов к решению указанного вопроса. На основе произведенного исследования обозначены основные проблемы квалификации и предложены пути их решения.*

***Ключевые слова:** преступления, финансы, уголовное право, проблемы квалификации, ответственность*

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за январь-декабрь 2022 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано 111 429 экономических преступлений, из них чуть меньше половины — 51

855 преступлений — были раскрыты, то есть были выявлены лица, совершившие эти преступления [1].

Детерминантами такой низкой раскрываемости всех преступлений и финансовых (экономических) их видов, в частности, являются:

- во-первых, дефицит информации для установления подозреваемых и изобличения соучастников;
- во-вторых, несовершенство приемов и методов сбора информации;
- в-третьих, неэффективное использование систем учета, пробелы в уголовном законодательстве Российской Федерации, которые в целом порождают проблемы квалификации преступлений.

Для успешной борьбы с преступностью необходима разработка унифицированных подходов к уголовно-правовой квалификации однородных преступных деяний, установление точного понятия финансового преступления и определения конкретных черт уголовно наказуемого деяния.

«Сравнительный анализ уголовно-правовых норм с нормами финансового права выявляет отсутствие системного подхода законодателя в установлении ответственности за правонарушения в финансовой сфере» [2, с. 88].

Легального определения понятия «финансовые преступления» законодателем не установлено, однако, изучив массив юридической научной литературы, можно прийти к заключению, что финансовые преступления необходимо рассматривать как общественно опасные деяния, которые посягают на отношения по формированию, распределению и использованию денежных фондов государства и частных хозяйствующих субъектов [3, с. 17].

Относительно классификации финансовых преступлений подходы разных авторов расходятся. Одним из наиболее близких для нас подходов является классификация финансовых преступлений, основанная на главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее — УК РФ) и предложенная Б. В. Волженкиным в виде укрупненных 7 групп в зависимости от сферы общественных финансовых отношений, на которую направлено посягательство. К ним относятся: преступления, нарушающие порядок осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; преступления против интересов кредиторов, добросовестной конкуренции, порядка обращения денег и ценных бумаг, порядка внешнеэкономической деятельности, порядка обраче-

ния драгоценных металлов и камней, иностранной валюты, порядка уплаты налогов и сборов [4, с. 51].

Почти ежегодно в главу 22 УК РФ [8] законодатель вносит изменения, что может свидетельствовать о его намерении обладать действенными инструментами для привлечения к ответственности лиц, наносящих урон общественным отношениям в области финансового права, ибо как субъекты преступлений, так и сами преступные деяния становятся все изощреннее в условиях технологического развития и глобализации.

Финансовые преступления — это тихая угроза процветанию государства. Например, казалось бы, что может быть проще, чем платить налоги? Но эта простая обязанность имеет глубокие последствия, выходящие далеко за рамки пополнения государственного бюджета. Неуплата налогов подрывает основы стабильности и процветания, нанося удар не только по экономике, но и по каждому члену общества. В первую очередь неуплата налогов лишает бюджетную систему необходимых средств для финансирования важных социальных программ [5, с. 20] в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения. Это значит, что каждый из нас, в конечном итоге, ощущает нехватку качественных услуг, необходимых для достойной жизни. Предприниматели, добросовестно уплачивающие налоги, вынуждены конкурировать с недобросовестными коллегами, которые с помощью уклонения от налогов получают нечестное преимущество. Это дестабилизирует рынок, тормозит экономическое развитие и, в конечном счете, ведет к ухудшению жизни каждого. В данной связи устранение проблем в квалификации финансовых преступлений будет способствовать эффективному их раскрытию и искоренению факторов, препятствующих развитию государства и общества.

К проблемам квалификации финансовых преступлений можно отнести неправильное определение элементов преступления, неправильную квалификацию смежных преступлений и отграничение от административных правонарушений.

Финансовые преступления по своему составу ничем не отличаются от классической модели, включающей объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. При этом проблемы квалификации здесь проявляются в части определения объективной стороны, то есть действия или бездействия. Объективная сторона преступления является важным элементом, отграничивающим

один состав преступления, за который предусмотрена ответственность по УК РФ [8], от другого состава преступления.

Сложность квалификации преступного деяния связана с тем, что большинство диспозиций уголовно-правовых норм по своему существу являются бланкетными, в них неясно описаны признаки объективной стороны преступления, что вызывает необходимость обращаться к источникам других отраслей права — гражданскому, налоговому, таможенному законодательству, регулирующие конкретные (предметные) общественные отношения, несмотря на то, что сущность других видов преступлений ясна либо из самой диспозиции статьи, либо из разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [6, с. 71].

Перечень нормативных правовых актов, к которым приходится обращаться правоохранительным органам, огромен, в него часто вносятся изменения. К тому же, например, налоговое право по своей структуре и пониманию очень специфичное, поэтому требует специальных знаний и определенной квалификации в данной области.

Проблема квалификации может возникнуть в связи с тем, что части финансовых преступлений предшествуют предикатные преступления. Суть их состоит в том, что совершение основного преступления невозможно без предшествующего, одновременного или последующего преступления [7, с. 255]. Ответственность за преступления по статьям 174 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем), 174.1 (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления), 175 (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) Уголовного кодекса Российской Федерации не применяется к лицу без установления предикатного преступления [8].

Раскрытие подобного рода преступлений представляется еще более сложным, так как предполагает установление «цепочки» из двух или более преступлений. В данном случае невозможно выработать какой-либо правовой механизм, который бы смог устранить проблемы квалификации и увеличил бы эффективность расследования данных финансовых преступлений, потому что законодателем установлена ответственность именно за такие сложные по своей структуре составы преступлений.

Современная правовая система России, особенно регулирование в сфере экономики, характеризуется сложным и неоднозначным балансом между уголовной и административной ответственностью. Процесс декриминализации, направленный на снижение количества уголовных дел, привел к возникновению существенной разницы в правовых последствиях совершения деяния в зависимости от того, квалифицировано оно как преступление или правонарушение. Не обошла эта проблема и финансовые противоправные деяния. Ярким примером дисбаланса является ситуация с осуществлением предпринимательской деятельности незаконным путем.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусматривает штрафы за незаконный бизнес. Физическому лицу — в размере до двух тысяч рублей, юридическому лицу — до двухсот тысяч рублей при нарушении лицензии (ч. 4 ст. 14.1) [9]. Уголовное законодательство предусматривает ответственность за «незаконное предпринимательство» (ч. 1 ст. 171 УК РФ). Максимальное наказание — арест на шесть месяцев или штраф в размере до трехсот тысяч рублей [8]. Одно и то же действие в разных случаях может квалифицироваться по-разному — как административное правонарушение или как преступление. Проблема заключается в том, что КоАП РФ определяет характер правонарушения, а УК РФ — размер ущерба, дохода или задолженности. Мнения ученых разделились.

Согласно позиции Л. Л. Кругликова критерии разграничения должны основываться на степени общественной опасности деяния [10, с. 309]. Однако в современном мире, где экономические показатели играют ключевую роль, определение «характера вредности» становится все более сложным. Если мы попытаемся выразить вредность в денежном эквиваленте, то неизбежно столкнемся с субъективностью. Во-первых, денежный эквивалент ущерба может быть субъективно оценен. Например, кража дорогостоящей вещи может быть расценена одним человеком как серьезное преступление, а другим — как незначительное нарушение. То же самое относится и к оценке собственных доходов: для одних 100 000 рублей — это значительная сумма, а для других — «мелочь». Во-вторых, денежная оценка не всегда адекватно отражает общественную опасность деяния. Например, незаконное хранение оружия может не принести никакого материального ущерба, но представляет иную угрозу для общества. В то же время мошенничество на крупную сумму может выглядеть более серьезным

с точки зрения денежного эквивалента, но фактически не нести столь значительной общественной опасности, как, например, убийство.

В статьях главы 22 УК РФ [8] определен значительный материальный вред. Он выражается в денежном эквиваленте и не зависит от имущественного состояния субъекта предпринимательской деятельности. В связи с этим необходимо отметить, что для разграничения уголовной и административной ответственности недостаточно применение одного денежного показателя. С одной стороны, уголовная ответственность действительно преследует цель восстановления социальной справедливости, компенсации ущерба и искупления вины. С другой стороны, использование только материальных критериев в качестве основы для выбора между уголовной и административной ответственностью может привести к неравенству и непропорциональности в применении мер ответственности.

Для устранения пробелов в части квалификации деяния как преступления или правонарушения в финансовой сфере необходимо провести реформу административного и уголовного законодательства в этой области с учетом принципов справедливости и пропорциональности санкций. Следует разработать более четкие критерии для определения степени общественной опасности преступления и правонарушения с учетом не только материальных факторов, но и характера деятельности, мотивов совершения правонарушения, последствий для общества.

Задача состоит не только в том, чтобы устранить заявленную проблему, но и в том, чтобы создать более справедливую и эффективную систему правоприменения в экономической сфере, которая будет гарантировать стабильность и предсказуемость в развитии бизнеса.

1. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Показатели преступности России. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 07.11.2024).

2. Арсланбекова, А. З. Понятие и классификация финансовых преступлений / А. З. Арсланбекова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 2. С. 87–90.

3. Алибекова, А. М. К вопросу о необходимости совершенствования системы мер противодействия преступлениям в финансовой сфере / А. М. Алибекова, А. З. Арсланбекова // European science. 2018. № 8 (40). С. 16–21.

4. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России: авт. коммент. к уголовному закону / Б. В. Волженкин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 202 с.

5. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3. С. 18–23.

6. Кузнецов, П. О. Бланкетные диспозиции: отдельные проблемные вопросы теории и практики / П. О. Кузнецов // Государство и право: теория и практика : материалы III Международной научной конференции (20–23 июля 2014 г., г. Чита). Чита: Молодой ученый, 2014. С. 70–72.

7. Ашин, Д. А. Виды предикатных преступлений в уголовном праве России / Д. А. Ашин // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 251–260.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

10. Кругликов, Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения / Л. Л. Кругликов // Lex russica. 2014. № 3. С. 305–313.

УДК 34.04

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Ю. С. Антропова,

студентка 3-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — И. С. Чалых,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматривается необходимость принятия закона о генной инженерии для регуляции и безопасного использования быстроразвивающихся технологий в данной области. Анализируются текущие тенденции в области генной инженерии, включая редакцию генома, биотехнологические разработки и их потен-

циальное влияние на современное законодательство. Обсуждаются этические и правовые аспекты, связанные с использованием генной модификации, а также необходимость создания достаточной правовой базы для защиты жизни и здоровья человека. Приводятся примеры зарубежного опыта в регулировании генной инженерии и рекомендации по разработке отечественного законодательства.

Ключевые слова: генная инженерия, этика, закон, права человека, ДНК

В последние десятилетия развития генной инженерии достигнуты значительные успехи, которые открыли новые горизонты в медицине, агрономии и других областях. Однако наряду с возможностями, которые предоставляют технологии редактирования генома, появляются серьезные социальные и правовые вопросы. Эксперты в сфере биотехнологий регулярно сталкиваются с задачами этического характера, учитывая, что пробелы в правовых нормах данной сферы регулирования усложняют идентификацию потенциальных рисков [1, с. 524]. Соответственно, законодательство, традиционно консервативное, должно эволюционировать и закреплять механизмы для своевременной реакции на общественные трансформации, включая те, что спровоцированы прогрессом в генной инженерии.

Сегодня генная инженерия уже не просто экспериментальная наука — она активно применяется для создания новых лекарств, лечения генетических заболеваний, исследования стволовых клеток, изменения ДНК человека и т. д. С каждым новым открытием становится ясно, что развитие в данной сфере весьма стремительно. В. Брызгалина [2, с. 29] утверждает, что в результате непрерывного прогресса в области технологических наук наблюдается усиливающееся влияние на человека и его телесность. Вследствие этого можно предположить, что в ближайшее время именно человек станет главным объектом исследования генной инженерии, и этот процесс уже нельзя будет остановить. Поэтому необходимо искать баланс между инновациями и этическими, правовыми нормами, стараясь использовать достижения науки во благо человечества.

Несмотря на успехи в области генной инженерии, использование этих технологий в отношении человека вызывает определенные опасения. В частности, эксперименты, проведенные без соответствующего контроля, уже спровоцировали международную обеспокоенность. История генной инженерии начинается с открытия структуры ДНК, что стало основой для дальнейших исследований и манипуляций с геномами живых организмов [3, с. 36]. В 1970-х годах появи-

лись первые методы рекомбинантной ДНК-технологии, которые позволили ученым изолировать и изменять гены. Ретроспективно, в 1990-х годах отмечается вековой рубеж, когда ретровирус был впервые успешно применен для интеграции функционирующего гена в организм молодых пациентов, страдающих от тяжелого комбинированного иммунодефицита — достижение, «открывшее двери» для дальнейшей генотерапии [4, с. 85].

Научное сообщество наблюдало за прогрессом генотерапевтических методик с оптимизмом, однако трагедия с Джесси Гелсингером в 1999 году, умершим в результате иммунной атаки на модифицированный вирус, выявила риски и сложности, связанные с этим подходом. Тот инцидент значительно пошатнул уверенность общественности в безопасности геномных технологий [5].

В 2012 году разработка технологии CRISPR-Cas9 открыла новую эпоху в генной инженерии, предоставив возможность точного редактирования генома. Именно эту технологию использовал китайский ученый Хэ Цзянькуй в 2018 году, когда отредактировал гены у нескольких эмбрионов, которые впоследствии стали первыми «детьми на заказ». Эксперимент проводился с определенной целью: обезвреживание гена CCR5 для предотвращения заражения ВИЧ. Проникновению ВИЧ в организм человека помогает ген CCR5, и, если он в организме отсутствует, вирус самостоятельно нейтрализуется. Научный руководитель проекта использовал методы редактирования генов эмбрионов в период экстракорпорального оплодотворения. Участниками эксперимента стали пары, где мужчины имели положительные тесты на ВИЧ, а целью эксперимента стало предотвращение передачи заболевания их детям. Эти действия вызвали множество этических вопросов, дискуссий и критики среди общественности и специалистов всего мира, а Хэ Цзянькуй в итоге был приговорен к трем годам тюрьмы за незаконные эксперименты над людьми [6].

Этика генной инженерии — одна из главных предпосылок для разработки актуального законодательства. Вопросы, касающиеся «игр с природой», изменений человеческого генома, а также возможного создания «дизайнерских детей» активно обсуждаются в научных и общественных кругах [7, с. 110–111]. Этические нормы должны учитывать влияние генной инженерии на субъективные права, личность и общество в целом. Это говорит о необходимости создания четких правовых «рамочек», регулирующих генно-инженерную деятельность.

На сегодняшний момент законодательство в области генной инженерии непоследовательно и разрозненно. В различных странах существует разнообразие подходов к вопросам регулирования данной сферы. Некоторые страны уже приняли ряд законов, ограничивающих или полностью запрещающих генно-инженерные эксперименты на людях, в то время как в других странах наблюдается отсутствие четкой законодательной базы. Например, в Великобритании соответствующие уголовно-правовые нормы содержит Закон о репродуктивном клонировании человека 2001 года. Санкция — 10 лет лишения свободы. При этом терапевтическое клонирование человека разрешено [8].

В США в 2003 году Палата представителей Конгресса приняла закон о запрещении клонирования человека. Согласно его положениям клонирование, нацеленное как на размножение, так и на медицинские исследования и лечение, рассматривается как преступление, совершение которого карается 10-летним тюремным заключением и штрафом в 1 млн долларов [9]. Также в США в 2008 году был принят закон GINA («О недискриминации генетической информации»). Он направлен на защиту американского населения от генетической дискриминации в сферах медицинского страхования и занятости [10, с. 148].

В свою очередь, федеральный закон ФРГ о защите эмбрионов 1990 года также относит к преступным деяниям создание эмбриона, генетически идентичного другому эмбриону, происходящему от живого или мертвого лица [11, с. 482].

В современной России разработку комплексного законодательства о государственном регулировании генно-инженерной деятельности в отношении человека, включая права пациентов, обязанности исследователей и санкции за нарушение норм права, следует признать актуальной необходимостью. Этот закон должен быть основан на международных принципах и стандартах, обеспечивая не только безопасность, но и этическую приемлемость проводимых манипуляций.

На данный момент действует Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», в котором, однако, указано, что «порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма, за исключением генодиагностики и генной терапии (генотерапии), не является предметом регулирования настоящего Федерального закона» [12]. Действующее российское законодательство в рассматри-

ваемой области также не закрепляет полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере геномной инженерии. Связано это в том числе с отсутствием специализированных органов, призванных обеспечить реализацию предметной государственной политики.

С целью защиты прав человека в эру масштабных генетических исследований на первое место выходит разработка законодательства с акцентом на общих принципах уважения прав человека при применении генетических технологий, неприкосновенности естественной генетической информации и недопущения ее принудительного изменения, коммерциализации, что в целом должно воспрепятствовать таким практикам, как генетический аудит и систематический геномный анализ общества [13, с. 263–264]. Новый федеральный закон о государственном регулировании геномной инженерной деятельности в отношении человека призван нивелировать обозначенные пробелы и впоследствии способствовать развитию комплексного (междисциплинарного) правового института.

Таким образом, создание в России закона о государственном регулировании геномной инженерной деятельности в отношении человека является актуальной задачей. Данные технологии имеют огромный потенциал для улучшения качества жизни, но без надлежащих правовых и этических рамок они могут привести к серьезным негативным последствиям. Разработка такого законодательства не только обеспечит защиту прав и интересов человека, но также позволит создать безопасную и этически оправданную инфраструктуру для дальнейших исследований и разработок в области геномной инженерии.

1. Пилькина, Н. Н. Правовая охрана и этические проблемы в сфере биотехнологических изобретений в рамках Европейской и Евразийской патентных организаций / Н. Н. Пилькина // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 524–531.

2. Брызгалина, Е. В. Технонаука и перспективы улучшения человека: «Я уже вижу наш мир, который покрыт паутиной лабораторий» / Е. В. Брызгалина // Epistemology & philosophy of science. 2016. Т. XLVIII. № 2. С. 28–33.

3. Вазерханова, З. М. Геномная инженерия и ее основные методы / З. М. Вазерханова // Мировая наука. 2017. № 9 (9). С. 36–39.

4. Voelkel, Ch. Retrovirus mediated hematopoietic gene therapy: A European regulatory perspective with special focus on the situation in Germany / Ch. Voelkel, A. Lührmann, Ch. Baum, H. Von Der Leyen // Cellular Therapy and Transplantation. 2010. № 4. С. 84–92.

5. The Biotech Death of Jesse Gelsinger. URL: <https://www.nytimes.com/1999/11/28/magazine/the-biotech-death-of-jesse-gelsinger.html> (дата обращения: 11.11.2024).

6. Китайский Франкенштейн: что не так с экспериментами ученого, который редактировал ДНК детей. URL: <https://mel.fm/zhizn/razbor/5693207-istoriya-budet-namoyey-storone-chto-ne-tak-s-eksperimentami-uchenogo-kotory-redaktiroval-dnk-detey> (дата обращения: 13.11.2024).

7. Летов, О. В. Этические проблемы генно-инженерных технологий (обзор) / О. В. Летов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2023. № 1. С. 110–129.

8. Клонирование человека. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Клонирование_человека (дата обращения: 08.11.2024).

9. В США запретили все формы клонирования человека. URL: <https://ria.ru/20030228/330730.html> (дата обращения: 11.11.2024).

10. Сахипгареева, А. Р. Правовое регулирование геномных исследований в Соединенных штатах Америки / А. Р. Сахипгареева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 4 (56). С. 146–150.

11. Белов, О. А. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования / О. А. Белов, Ю. Н. Спиридонова, А. И. Одинцов // Пенитенциарная наука. 2020. № 4. С. 479–485.

12. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

13. Тужилова-Орданская, Е. М. Проблемы гражданско-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации / Е. М. Тужилова-Орданская, Е. В. Ахтямова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52. С. 262–280.

УДК 347.788.5

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО РОЛИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ АВТОРСКИХ ПРАВ

А. Ю. Артамонова,

студентка 2-го курса юридического института (бакалавриат)

Вятский государственный университет, г. Киров

Научный руководитель — Я. О. Кукреш,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Вятский государственный университет, г. Киров

Аннотация. В настоящее время законодательство Российской Федерации не определяет точный правовой статус искусственного интеллекта в гражданском и интеллектуальном праве. В научной среде выдвинуты концепции, касающиеся права искусственного интеллекта на произведения. Они содержат в себе такие варианты обладания искусственным интеллектом авторских прав, как полное авторство нейросети, полное авторство человека, обозначение искусственного интеллекта как инструмента человеческой деятельности и другие. Но судебная практика РФ и зарубежных стран показывает разные подходы к наделению искусственного интеллекта авторскими правами. Автором предложены концепции и подходы, которые необходимо использовать для развития российского права, а также определение правового статуса искусственного интеллекта в российском законодательстве.

Ключевые слова: гражданское право, интеллектуальное право, авторские права, искусственный интеллект, авторское право РФ, правовой статус ИИ, авторские права ИИ

В настоящее время область интеллектуального права стремительно развивается не только на территории Российской Федерации, но и во всем мире: сфера использования искусственного интеллекта (далее — ИИ) постоянно расширяется, затрагивая новые области деятельности человека и общества. Соответственно, правовое пространство необходимо расширять пропорционально развитию нейросетей, устанавливать правовые регуляторы деятельности создателей искусственного интеллекта и определять рамки его применения.

В российском законодательстве термин «искусственный интеллект» впервые был юридически закреплен в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Федерации» [1], откуда позднее перешел в Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"». В статье 2 указанного закона дается следующее определение: «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [2].

Искусственный интеллект (ИИ) в настоящее время характеризуется неопределенным правовым положением в области гражданского права, так как он не относится ни к физическим, ни к юридическим лицам. Это ограничивает его возможность выступать полноправным участником гражданских правоотношений и не позволяет ему нести ответственность за правонарушения. В связи с этим одной из важнейших задач гражданского права является установление правового статуса ИИ.

В рамках отечественного законодательства разработано несколько подходов к решению данной проблемы.

Одним из первых предложений было приравнять статус ИИ к статусу физического лица, что позволило бы распространить на него все права и обязанности, предусмотренные действующим законодательством для данного рода субъектов. Сторонники второй концепции полагают, что необходимо приравнять статус ИИ к гражданско-правовому регулированию статуса животных. Третья концепция основывается на идее, предлагающей использовать для решения этой проблемы аналогию правового регулирования статуса юридического лица в гражданско-правовых отношениях [3].

Анализируя эти концепции, автор пришел к выводу, что две из них, предполагающие регулирование правового статуса ИИ по аналогии с регулированием физического лица и животного, не подходят для российского законодательства. ИИ не может признаваться полноценным субъектом права, так как не может обладать полной правоспособностью и правосубъектностью физического лица. Его юридически значимые действия будут основаны не на субъективном вос-

приятии окружающей действительности, что является главным признаком физического лица, а на определенном алгоритме заложенных в нем функций и действий по их реализации для достижения какой-то определенно обозначенной цели.

С другой стороны, наиболее осуществимой моделью для российского законодательства автор считает концепцию «искусственный интеллект — юридическое лицо». В гражданском праве физические и юридические лица обладают разным правовым статусом, что делает эту модель более подходящей для интеграции ИИ в правовую сферу России. Ярким примером попытки реализации данной концепции стал проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники».

В конце 2016 года юристы из питерского офиса фирмы Dentons по заказу Grishin Robotics разработали законопроект, касающийся изменений в Гражданском кодексе. Однако основная цель авторов заключалась не в изменении законодательства, а в начале экспертного обсуждения по вопросам системного правового регулирования в области робототехники. В соответствии с законопроектом робот-агент определяется как робот, который по решению владельца и с учетом его конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. При регистрации модели робот-агент получает правоспособность, а в зависимости от того, является ли он субъектом договора или объектом сделки, к его участию могут применяться как нормы о юридических лицах, так и нормы о праве собственности [4].

Автор полагает, что наиболее вероятным решением проблемы определения правового статуса ИИ станет внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ряд других федеральных нормативных правовых актов, выражающихся во введении новой главы в ГК РФ, посвященной ИИ, его правам, обязанностям и ответственности под названием «роботизированный агент», как и предполагалось в вышеупомянутом проекте федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники».

При реализации концепции правового статуса ИИ важнейшим вопросом будет являться определение правосубъектности ИИ в гражданских правоотноше-

ниях. В частности, наиболее остро этот вопрос стоит в сфере интеллектуального права, куда современные технологии проникают все более активно.

В научной среде сформировались определенные теоретические подходы к проблеме определения правосубъектности ИИ. Автор, изучив научные доктрины по этому вопросу, выделил основные теории, которые подразумевают:

- «авторство искусственного интеллекта»;
- «абсолютное авторство человека» (авторами признаются создатели ИИ или иные лица, участвующие в его «обучении», эксплуатации и др.);
- «теория служебного произведения» (ИИ здесь выступает как «наемный работник, создающий произведение»);
- «теория соавторства» (в данном случае ИИ и человек выступают соавторами);
- «теория общественного достояния» (немедленный переход данных произведений в общественное достояние) [5].

В современной российской и зарубежной практике реализуются различные концепции, так как общемирового стандарта определения правосубъектности ИИ в гражданском праве нет. Дела по установлению авторских прав ИИ при создании объектов творчества под контролем человека появлялись в разных странах: США, Англия, Китай, Россия и так далее. Судебная практика по этим делам разнообразна и необходима для определения наиболее подходящей реализации определенной научной концепции [6].

В 2023 году к разрешению подошло дело об определении статуса ИИ при реализации патентного права в Верховном суде Великобритании. Истцом выступал Стивен Талер, который создал нейронную сеть под названием DABUS. Он неоднократно выступал за присвоение ей патента на произведения, якобы созданные этим искусственным интеллектом, в частности, в списке изобретений упоминались «нейронный каркас» и «фрактальный контейнер». Верховный суд Великобритании по делу Стивена Талера официально постановил, что автором произведений и изобретений может считаться лишь человек [7]. Этим решением суд не разрешал вопрос патентоспособности искусственного интеллекта и необходимости защиты этих прав, но определял применение и толкование соответствующих положений Закона 1977 года. В частности, указывалось, что изобретателем может считаться лишь физическое лицо, к которому ИИ в этой правовой системе не приравнен. К тому же Стивен Талер не имел права

подавать иски на получение патента на основании права собственности на систему DABUS, так как искусственный интеллект, созданный им, не может являться автором изобретений. Но решение Верховного суда Великобритании не помешало Стивену Талеру подавать схожие иски в судебные органы других стран, такие как ЮАР и Австралия. В ЮАР Стивену Талеру официально удалось зарегистрировать патент своей «творческой машины» DABUS на фрактальный контейнер, а в Австралии суд постановил, что за ИИ могут закрепляться авторские и патентные права [7].

Противоположная Великобритании ситуация произошла в Китае. В январе 2024 года Пекинский суд вынес решение о признании авторских прав за нейросетью и обозначении продукта ее деятельности как произведения искусства. Суд признал, что картинка, созданная нейросетью Stable Diffusion на основе текста, является произведением искусства, и ее авторство должно быть закреплено за ИИ. Правовой прецедент возник на основе иска Ли против блогера Лю за незаконное размещение в социальной сети, принадлежащей Baidu, картинки, сгенерированной нейросетью Stable Diffusion по заказу Ли. Судья Пекинского суда Цзю Ге вынес решение в пользу истца: приговорил Лю к публичному извинению перед Ли, выплате тому компенсации размером в 500 юаней и покрытию судебных издержек размером в 50 юаней [8]. Подобный судебный прецедент является предметом оживленной дискуссии в научном мировом сообществе, но свидетельствует и о развитии права Китая в области искусственного интеллекта, что в дальнейшем отразится на экономической и правовой системе страны.

В Российской Федерации судебная практика не придерживается концепции наличия авторских прав у искусственного интеллекта, закрепляя их наличие за правообладателем ИИ и нейросети [5].

Для начала следует установить, как российский законодатель определяет понятие «автор произведения». Этот термин указывается в статье 1257 ГК РФ: «Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано» [9]. Следовательно, ИИ не может признаваться автором произведений. Это доказывается российской судебной практикой.

11 июля 2024 года Арбитражный суд города Москвы вынес решение по делу о незаконном показе цветной версии фильма «Берегись автомобиля», созданной

при помощи нейросети. Заявление в суд подало ЗАО «Киновидеообъединение “Крупный план”» к АО «Москва Медиа», и иск был частично удовлетворен решением суда [10]. В решении Арбитражного суда города Москвы, помимо установления исключительных прав на цветную версию художественного фильма «Берегись автомобиля» (истец утверждал, что это право принадлежит ему и компании «Формула цвета», осуществившей колоризацию, ответчик — что это право принадлежит компании «GLOBAL 3 PICTURES Inc.»), решался вопрос об авторстве цветной версии фильма. Суд постановил, что при колоризации фильма с использованием нейросетей не требуется непосредственное участие автора сценария и композитора. Следовательно, единственным автором цветной версии художественного фильма «Берегись автомобиля» является режиссер-постановщик Эльдар Александрович Рязанов, с которым истец заключил договор на создание цветной версии художественного фильма «Берегись автомобиля» [10].

Данная судебная позиция совпадает с позицией Верховного суда Великобритании: в обеих правовых системах искусственный интеллект не рассматривается как полноценный субъект интеллектуальной собственности, на который могут распространяться авторские и патентные права. Это соответствует концепции полного авторского права, где ИИ рассматривается лишь как инструмент, используемый человеком.

В связи с этим автор приходит к выводу о необходимости внесения поправок в законодательство Российской Федерации, а именно о введении новой главы в Гражданский кодекс РФ, касающейся искусственного интеллекта и роботизированных агентов. Это предложение заложено в проекте федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации для улучшения правового регулирования отношений в области робототехники» [4]. Автор считает эти поправки актуальными, поскольку не согласен с другими подходами к определению авторских прав в отношении ИИ, ведь его невозможно сравнить с физическим лицом и наделить полными правами и правосубъектностью.

Согласно этим изменениям ИИ не будет признан полноценным субъектом гражданских правоотношений, а займет позицию агента-посредника в простейших делах. Что касается его правосубъектности в интеллектуальном праве, ИИ не признается законодателем автором произведений и создателем изобре-

тений. Его статус ограничивается ролью инструмента в процессе деятельности человека, и он не может расширяться, согласно нормам ГК РФ. Но эта концепция не является единственной: судебная практика зарубежных стран имеет прецеденты наделения искусственного интеллекта авторскими и патентными правами, как это было сделано в Китае, ЮАР и Австралии.

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

3. Афанасьевская, А. В. Правовой статус искусственного интеллекта / А. В. Афанасьевская // Вестник СГЮА. 2021. № 4 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 30.10.2024).

4. Гаджиев, Г. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhet-li-robot-byt-subektom-prava-poisk-pravovyh-form-dlya-regulirovaniya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 30.11.2024).

5. Васильева, А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта / А. С. Васильева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729119/> (дата обращения: 30.10.2024).

6. Кудинов, М. А. К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом / М. А. Кудинов // Новый юридический вестник. 2022. № 2 (35). URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/218/7171/> (дата обращения: 01.11.2024).

7. Решение Верховного суда Великобритании № USCC 2021/0201 «Thaler (Appellant) v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks (Respondent)». URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2021-0201.html> (дата обращения: 02.11.2024).

8. Beijing court's ruling that AI-generated content can be covered by copyright eschews US stand, with far-reaching implications on tech's use / Iris Deng / South China Morning Post, 01.12.2023. URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-trends/article/3243570/beijing->

courts-ruling-ai-generated-content-can-be-covered-copyright-eschews-us-stand-far-reaching (дата обращения: 09.11.2024).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

10. Решение № А40-88118/2023 от 19.04.2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/100c9fdd-71fd-44e7-846d-bbb6b87de48f> (дата обращения: 05.11.2024).

УДК 342.8

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АБСЕНТЕИЗМ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

М. Н. Афонин,

студент 1-го курса Юридического факультета (бакалавриат)
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Е. П. Барбир,

студентка 2-го курса Юридического института (бакалавриат)
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — И. С. Чалых,

канд. юрид. наук, доцент,
зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме политического абсентеизма в России. В работе с разных сторон общественной жизни рассматриваются причины такого явления. Тезисно раскрываются предлагаемые пути преодоления абсентеизма, анализируется зарубежный опыт. Сделан вывод о значимости вовлечения граждан в политическую сферу жизни.*

***Ключевые слова:** политическое участие, абсентеизм, причины абсентеизма, способы преодоления, выборы*

Политически активное население страны — одно из необходимых условий достижения такой модели государства, которая построена на демократических принципах. Формы политического участия граждан могут быть разнообразны, но такая тенденция, как абсентеизм, иначе говоря — политическое неучастие, приобретает все более широкое распространение в современном обществе.

«В целом политический абсентеизм определяется как уклонение избирателей от участия в электоральных процессах, или, в более широком смысле — уклонение от участия в любых политических процессах (например, партийная деятельность, участие в митингах и демонстрациях и т. д.)» [1, с. 7].

Если говорить о причинах абсентеизма в России, то такое явление можно объяснить рядом социально-экономических, культурных и политических факторов.

Во-первых, низкий уровень жизни и экономическая нестабильность отвлекают граждан от политических процессов. Многие сосредоточиваются на выживании и решении повседневных проблем, что снижает их интерес к выборам и иным политико-правовым институтам. Социальное неравенство также играет свою роль: люди из менее обеспеченных слоев населения могут чувствовать, что их голос не имеет значения, особенно когда решения принимаются элитами.

Во-вторых, на политическую активность влияют культурные и исторические аспекты. Глубокая историческая память о репрессиях и недоверие к власти передаются из поколения в поколение, создавая барьеры для участия граждан в политической жизни общества и государства. «Недоверие формирует негативное отношение не только к отдельным политическим деятелям, но и к сфере политики в целом, что увеличивает степень политического отчуждения» [2, с. 217].

В-третьих, низкая политическая и правовая культура граждан, которую многие ученые относят к основным причинам абсентеизма [3, с. 92–94], порождают у граждан безразличие к политической жизни страны.

Наконец, политические условия, такие как отсутствие реальной конкуренции на выборах или злоупотребление должностным положением («административным ресурсом»), снижают мотивацию граждан участвовать в голосовании.

Для того, чтобы попытаться снизить уровень абсентеизма, необходимо внедрить ряд эффективных методов в общественное и политическое развитие страны.

Первым шагом в преодолении высоких показателей абсентеизма является установление доверительных отношений между гражданами и государственными институтами. Этого можно достичь через увеличение прозрачности в принятии решений и вовлечение граждан в обсуждение важных вопросов. От-

крытость и доступность информации помогут создать атмосферу доверия. К примеру, публикация открытых данных о деятельности государственных органов и создание платформ для обратной связи с гражданами повышают уровень доверия и степень вовлеченности граждан, однако данный способ в нынешнем его виде обладает низкой эффективностью. Пример из Перми: «Выявленная непопулярность основного информационного ресурса органов местного самоуправления города Перми (сайт администрации) требует масштабного пересмотра информационной политики муниципальной власти, модернизации и совершенствования данной системы» [4, с. 64–75].

Вторым важным аспектом является создание устойчивой системы политического, электорального и гражданского образования. Каждая из этих составляющих имеет свои особенности и значимость, и для создания системы необходимо их гармоничное сочетание. Включение тем гражданской ответственности в учебные программы поможет молодежи осознать свои права и обязанности, а также важность участия в выборах. Проведение семинаров и тренингов по политическим процессам тоже может повысить уровень информированности молодого населения. Кроме того, внедрение образовательных инициатив в учебных заведениях и создание молодежных советов помогут гражданам быть услышанными и участвовать в принятии решений. Устойчивость этой системы должна проявляться в постоянном обновлении учебных материалов, адаптации к изменениям в политической ситуации и активном вовлечении молодежи в процесс обучения.

Инновационные решения в использовании мобильных источников информации также могут стать мощным инструментом для повышения вовлеченности населения. К примеру, мобильные приложения и социальные сети способны обеспечить быстрый доступ к информации о выборах и кандидатах. Именно государство в лице государственных органов должно брать на себя инициативу по разработке подобных инструментов, поддерживать их стабильность и широкое распространение среди населения, а политическим партиям и инициативным гражданам, в свою очередь, следует активно пропагандировать их использование.

Некоторые ученые предлагают использовать так называемый метод стимулирования [5, с. 17–20]. Выборам необходимо придать статус «праздника», что

повысит интерес граждан к подобному мероприятию. «Несмотря на всю серьезность избирательного процесса, предполагается, что его нужно сопровождать развлекательными мероприятиями, парадами, концертами. Немаловажной позитивной составляющей является появление самих кандидатов в избирательных участках, общение с населением» [1, с. 8]. Актуальным остается и поощрение избирателя, исполнившего свой гражданский долг: например, гражданам дарят брелок и календарь, как на выборах Президента Российской Федерации в 2024 году. Этот метод довольно успешно показал себя в этой избирательной кампании, где явка составила 77,49 % [6].

Важно отметить и значительную роль адаптации методов борьбы с абсентеизмом к региональным особенностям. Локальные инициативы и сотрудничество с местными некоммерческими организациями могут помочь решить специфические проблемы региона и активизировать гражданское участие.

Изучение некоторых зарубежных практик в исследуемом вопросе может помочь в борьбе с абсентеизмом и в России. Так, в Канаде проводятся активные кампании по повышению явки на выборах, включая использование социальных медиа и привлечение молодежи через креативные форматы. В Бельгии установлено, что «голосование является обязательным и тайным» (ст. 62 Конституции Бельгии), и за уклонение от участия в голосовании избиратель подвергается различным санкциям [7, с. 55], хотя это может быть неприменимо в Российской Федерации, поскольку участие политической жизни в целом и участие в избирательном процессе в частности является правом, а не обязанностью граждан [8].

Необходимо заметить, что именно комплексный подход, включающий доверие, образование, технологии и активное участие граждан, является ключом к снижению абсентеизма и укреплению демократических институтов в стране.

Вовлечение граждан в демократические (социально-политические) процессы является важным аспектом для укрепления общественного доверия и повышения эффективности выборов.

В России, к примеру, уже реализовано несколько успешных инициатив, направленных на активизацию участия граждан. Одним из таких примеров являются онлайн-платформы для обсуждения местных проблем. В некоторых регионах страны были созданы специальные ресурсы, где граждане могут делиться своими мнениями и предлагать решения актуальных вопросов [9, с. 59–60].

Эти платформы не только способствуют открытому диалогу между жителями и местными властями, но и позволяют людям ощущать свою значимость в процессе принятия решений. Участие в обсуждениях помогает формировать общественное мнение и создает атмосферу доверия к власти. Другим важным аспектом вовлечения граждан стали общественные наблюдатели на выборах. В последние годы фиксируется рост числа граждан, желающих стать наблюдателями на избирательных участках. Общественные организации активно обучают людей, как выполнять эту роль, что, в свою очередь, способствует повышению прозрачности избирательных процедур [10]. Наличие независимых наблюдателей помогает укрепить доверие к выборам и гарантирует, что голосование проходит честно и открыто.

Подобные успешные примеры вовлечения российских граждан показывают, что участие населения в обсуждении местных проблем, в наблюдении за выборами и в социальных кампаниях может значительно повысить уровень доверия к демократическим процессам. Эти инициативы служат важным шагом к созданию более открытого и ответственного общества, где голос каждого гражданина имеет значение.

Таким образом, абсентеизм — явление, которое характерно и для других стран, однако его природа в России несколько иная: неучастие граждан порождается в большей степени недоверием к политическим институтам и недостаточным уровнем знаний о демократических процессах. Абсентеизм, не имея массового характера, не представляет серьезной опасности для государства, но снижение его уровня путем применения совокупности различных методов, направленных на разные аспекты общественной жизни, может помочь в достижении успешного взаимодействия между властью и населением страны. Кроме того, снижение уровня абсентеизма повышает степень легитимности власти. В современной России уже есть успешные примеры преодоления абсентеизма, и важно продолжать совершенствование политики государства в этом направлении.

1. Бобровский, Г. Ю. Проблема политического абсентеизма молодежи и пути её преодоления / Г. Ю. Бобровский // Правовая культура молодежи: сущность и пробле-

мы формирования : материалы научно-практической конференции студентов. Томск, 2020. С. 6–9.

2. Аринина, К. И. Абсентеизм в политике: причины и последствия / К. И. Аринина // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. 2014. Т. 156. Кн. 1. С. 214–219.

3. Матюхин, А. В. Политический абсентеизм как часть мировоззрения студенческой молодежи города Москвы / А. В. Матюхин, Ю. А. Давыдова // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 91–105.

4. Дубровская, Ю. В. Информационная открытость органов власти как важнейший критерий эффективности государственного и муниципального управления / Ю. В. Дубровская, К. С. Жаворонкова // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 55. С. 58–75.

5. Логунова, В. П. Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентеизма посредством государственной политики / В. П. Логунова // Вопросы управления. 2017. № 5 (48). С. 17–20.

6. ЦИК озвучил официальные итоги выборов Президента. URL: <https://ria.ru/20240321/itogi-1934648636.html> (дата обращения: 08.11.2024).

7. Граф, И. В. Правовые способы преодоления абсентеизма в зарубежных странах / И. В. Граф, Д. Г. Жаромских // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 2. С. 54–59.

8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

9. Ужовский, В. С. Цифровое (электронное) политическое участие в России: проблемы и перспективы / В. С. Ужовский. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/43245/2/NIR._Uzovskij_V..docx (дата обращения: 05.11.2024).

10. Памфилова Э. А.: общественные наблюдатели должны зависеть от интересов гражданского общества // ТААС. URL: <https://tass.ru/politika/5032129> (дата обращения: 05.11.2024).

11. Суханова, М. И. Анализ феномена электорального абсентеизма на примере выборов в органы местного самоуправления Удмуртии / М. И. Суханова, Ю. Г. Шестакова // Политическая наука. 2019. № 1. С. 90–108.

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Н. М. Баданов,

студент 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье проанализированы вопросы, которые возникают в процессе предварительного расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Рассмотрена специфика определения формы вины субъекта преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, следственные действия, которые необходимо произвести для установления виновного лица.*

***Ключевые слова:** квалификация, субъект преступления, безопасность движения и эксплуатации транспорта, технологическая экспертиза*

Дорожно-транспортные происшествия наносят экономике России значительный ущерб [1, с. 277]. Свыше 30 тысяч человек ежегодно выступают как потерпевшие от указанных происшествий. Эти данные свидетельствуют о серьезных проблемах в обеспечении безаварийности сотрудниками в сфере транспорта [2, с. 3]. Нередки случаи, когда последствия таких происшествий настолько велики, что признаются общественно опасными, что, в свою очередь, влечет вынесение сотрудником следственного органа постановления о возбуждении уголовного дела по факту конкретного происшествия в отношении неустановленного лица. При этом многие проблемы при предварительном расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта остаются дискуссионными, в частности, проблемы определения субъекта таких преступлений.

Если обобщить преступления главы 27 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), то можно дать следующее определение транспортно-

му преступлению: это противоправное деяние, совершаемое в сфере взаимодействия человека с транспортом, нарушающее безопасность движения или эксплуатации транспорта либо условия обеспечения безопасности транспорта, влекущее предусмотренные законом общественно опасные последствия [1, с. 277].

К указанным преступлениям относятся:

– «нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена» (ст. 263 УК РФ);

– «нарушение требований в области транспортной безопасности» (ст. 263.1 УК РФ);

– «нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (ст. 264 УК РФ);

– «нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 264.1 УК РФ);

– «недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями» (ст. 266 УК РФ);

– «приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения» (ст. 267 УК РФ);

– «нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» (ст. 268 УК РФ);

– «нарушение правил при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов» (ст. 269 УК РФ);

– «неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие» (ст. 270 УК РФ);

– «нарушение правил международных полетов» (ст. 271 УК РФ);

– «нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации» (ст. 271.1 УК РФ) [3].

Проблемным вопросом является квалификация преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Первостепенное значение для правильной квалификации здесь имеет определение отношения субъекта к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, которое необходимо для установления наличия состава преступления. Отсутствие хотя бы одного из элементов состава преступления является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения [4].

Например, вызывает споры уголовно-правовая квалификация таких происшествий, как сходы вагонов с железнодорожного полотна, в результате которых причиняется крупный имущественный ущерб собственнику, смерть или вред здоровью различной тяжести пассажирам поезда. К примеру, общественно резонансным стал сход девяти вагонов пассажирского поезда № 511 сообщением «Воркута — Новороссийск» на перегоне железнодорожных станций «Инта-1 — Угольный», который произошел 26 июня 2024 года в период с 18 часов 12 минут до 19 часов 00 минут. В результате схода девяти вагонов с опрокидыванием шести вагонов указанного поезда наступила смерть трех человек, а более сотни других пассажиров получили повреждения и вред здоровью различной степени тяжести [5]. В данном случае следователем было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 263 УК РФ, в отношении неустановленного лица. В дальнейшем по данному происшествию была дана иная квалификация в связи с получением информации о наступлении смерти более двух лиц — по ч. 3 ст. 263 УК РФ [6].

Для установления субъекта преступления необходимо дать оценку действиям:

- машиниста и помощника машиниста в части порядка управления локомотивом и соблюдения скоростного режима;
- осмотрщика-ремонтника вагонов в части технического состояния вагонов;
- начальника железнодорожной станции, дистанции пути, их заместителей в части, например, организации проведения качественных комиссионных осмотров и допущения эксплуатации сооружений и устройств железнодорожного транспорта, не соответствующих утвержденной проектной документации;
- контролера состояния железнодорожного пути, дорожного мастера в части содержания железнодорожного пути и его элементов;
- начальника и заместителя начальника дистанции пути, иных лиц.

При оценке действий или бездействия указанных лиц следователь обращает внимание на должностной регламент (должностную инструкцию) указанных лиц, исходя из содержания которых устанавливает, были ли выполнены должностные обязанности указанными лицами.

На наш взгляд, серьезные трудности при расследовании подобных происшествий создает то, что таковые происходят не вследствие умысла определенного лица, а вследствие того, что лицо предвидело возможность наступления

общественно опасных последствий (в виде имущественного ущерба, причинения вреда здоровью, смерти лиц) своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия [3].

При расследовании подобных происшествий большое значение имеет расследование, проводимое комиссией ОАО «РЖД», по факту нарушения безопасности движения, допущенного на определенном участке железнодорожных путей. Результаты расследования фиксируются в техническом заключении, в котором отражаются обстоятельства нарушения безопасности движения, характеристика места нарушения безопасности, последствия нарушения безопасности движения, меры незамедлительного характера, которые были приняты на месте транспортного происшествия, результаты проведенного расследования и выявленные нарушения нормативных документов, допущенные причастными лицами, причинно-следственные связи, выводы и рекомендации, а также иные сведения, описывающие состав поезда, вагоны которого получили повреждения, стаж и образование лиц, которые имеют отношение к указанному составу поезда и к участку железной дороги, на котором имело место происшествие [7].

Решающее значение при расследовании сходов вагонов, помимо взятия показаний причастных лиц, имеет проведение экспертизы, итоговым документом которой является экспертное заключение. Для проведения экспертизы следователь выносит постановление о назначении технологической экспертизы, которая представляет собой комплекс исследований, проводимых специалистами с целью оценки технического состояния, функциональных возможностей, соответствия стандартам и другим требованиям объектов технологического характера, либо о назначении железнодорожно-технической экспертизы — комплекса исследований, направленных на выявление неисправностей состава поезда или железнодорожного пути, различных приборов и устройств, причин таких неисправностей, а также на решение вопроса о соответствии нормативным актам действий либо бездействия лиц, отвечающих за безопасность на железнодорожном транспорте [8].

В случае возникновения противоречий между выводами, представленными в экспертном заключении, и полученными показаниями либо выводами, представленными в акте расследования, проведенного комиссией ОАО «РЖД», следователю следует допросить эксперта, проводившего назначенную экспертизу, для устранения противоречий. Выводы из экспертного заключения позволят установить, какое нарушение, повлекшее наступление общественно опасных последствий, было допущено сотрудниками в сфере транспорта, а изучение должностных инструкций сотрудников позволит установить конкретного сотрудника, который допустил указанное в экспертном заключении нарушение.

1. Телегина, Е. Г. Проблемы правоприменительной практики в вопросах квалификации преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта / Е. Г. Телегина, О. В. Екимова // Бюллетень науки и практики. 2017. № 6 (19). С. 276–285.

2. Пожарский, А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие) : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Пожарский. М., 2016. 224 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

5. Российская газета — Столичный выпуск: № 139 (9381). URL: <https://rg.ru/2024/06/26/reg-szfo/sostav-v-kiuvete.html> (дата обращения: 06.11.2024).

6. Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://zmsut.sledcom.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

7. Об утверждении Положения об организации расследования и учета транспортных происшествий и иных событий, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта на инфраструктуре железнодорожного транспорта, принадлежащей ОАО РЖД : распоряжение ОАО РЖД от 20.07.2021 № 1560/р. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-oao-rzhd-ot-20072021-n-1560r/> (дата обращения: 10.11.2024).

8. Железнодорожно-техническая экспертиза. URL: <https://www.sud-expert.ru/Ekspertiza-i-ocenka/Zheleznodorozhno-tehnicheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 342.565; 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ СУДОВ

А. О. Бокова,

студентка 4-го курса юридического факультета (специалитет)

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Научный руководитель — Е. А. Романенко,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры уголовного права

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

***Аннотация.** В статье представлены основные этапы становления и перспективы развития электронного правосудия и информатизации судов, а также раскрыто значение информатизации для судебной системы.*

***Ключевые слова:** судебная система, электронное правосудие, этапы развития, информатизация, перспективы*

Согласно положениям статьи 118 Конституции России, «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом..., а судебная власть — посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства» [1]. Правосудие — важная функция государства. Своевременное и комплексное решение проблем реализации правосудия является одной из приоритетных задач; его эффективность включает в себя степени достижения соответствующих целей, социальной ценности полученных результатов, а также морального совершенства применяемых в процессе функционирования органов государства средств [7, с. 265].

Согласно Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», предусматривающей создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных [3], формирование правовых условий в сфере судопроизводства относится к числу наиболее приоритетных задач. Представляется, что формирование и развитие системы электронного правосудия и его отдельных элементов коренным образом улучшит качество работы суда, его

открытость, гласность, доступность, эффективность и многие другие показатели деятельности судебной системы.

Актуальность совершенствования и внедрения в судебную систему современных инфокоммуникационных систем и технологий несомненна, поскольку цифровизация процессов оптимизирует и делает их более доступными [5, с. 329–330]. Информатизация судебной системы происходила поэтапно и активно продолжается по настоящее время. Этот процесс еще далек от завершения, поскольку появляются новые технологии, оборудование, программные продукты, которые должны быть внедрены в деятельность судов. Стимулом для начала работы по информатизации явилось повсеместное распространение компьютеров и проникновение сети Интернет во все сферы коммуникации.

При этом позиции ученых-правоведов по периодизации развития электронного правосудия не совпадают. По мнению А. И. Зазулина, следует выделять три этапа цифровизации гражданского судопроизводства: подготовительный (2006–2012 гг.), частичный (2013–2020 гг.) и полный переход к электронному обороту и доказыванию (с 2021 г.) [9, с. 111–112].

На основании анализа мнений ученых-правоведов полагаем наиболее удачной позицию Р. А. Шарифуллина, предлагающего выделять с учетом основных тенденций в происходящих в судебной системе процессах четыре основных этапа развития электронного правосудия в России [8]:

1990-е гг. — 2006 г. — зарождение электронного правосудия в России (появление в судах компьютеров, Интернета, подготовка документов на компьютерах и распечатка их на принтерах и др.);

2006–2021 гг. — формирование и внедрение элементов электронного правосудия (появление государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), смс-информирование, аудиопротоколирование, видеоконференцсвязь, направление исполнительных документов в электронном виде и др.);

2021 г. — по настоящее время — унификация отдельных элементов электронного правосудия и налаживание межведомственного взаимодействия в части сопряжения с программами других государственных органов (функционирование элементов электронного правосудия в рамках Единого портала государственных и муниципальных услуг, межведомственное электронное взаимо-

действие с другими государственными и негосударственными органами и организациями);

этап будущего — разработка и создание программного продукта, включающего в себя все элементы электронного правосудия.

Итак, что же можно отнести к становлению электронного правосудия и информатизации судов. Рассмотрим основные этапы становления.

Начало информатизации было положено появлением в судах в конце 90-х годов компьютерной техники, ставшей катализатором для создания баз данных документации суда, судебных дел и разработки программного обеспечения.

Система видеоконференцсвязи была применена в России в уголовном судопроизводстве 18 ноября 1999 года, впервые в мировой практике; проведенное 9 апреля 2000 года первое слушание в Верховном Суде Российской Федерации послужило началом формирования федеральной системы видеоконференцсвязи по всей стране [6, с. 220].

30 ноября 2006 года утвержден акт Государственной комиссии по приемке работ по созданию системных и программно-технических решений 27 подсистем ГАС «Правосудие» [4]. Обмен информационными потоками осуществляется по каналам электронной почты. 22 декабря 2008 года принят Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [2], имеющий решающее значение для становления открытости судов в современных реалиях, создания необходимых организационно-технических условий для реализации права граждан и юридических лиц на доступ к информации о деятельности судов общей юрисдикции.

Федеральными законами о федеральном бюджете были предусмотрены средства на планомерное введение специалистов по информатизации. Организовано обеспечение ежедневного приема обращений работников федеральных судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента по телефону «горячей линии» и по адресу электронной почты, а также их консультирование по вопросам эксплуатации подсистем ГАС «Правосудие» с осуществлением технической поддержки [11].

К комплексу используемых информационных технологий добавляются:

- оборудование судов информационными киосками (первый информационный киоск — новация в судебной системе страны — был установлен в Челябинском областном суде в 2004 г.);
- создание сайтов судов общей юрисдикции и управлений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (2006 г.);
- внедрение системы аудиопотоколирования хода судебного заседания (с 2007 г.; позже в ст. 204 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации установлена обязательность аудиопотоколирования);
- смс-оповещение участников процессов (с принятием Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством смс-сообщений 25 декабря 2013 г.);
- электронное архивирование документов для ускорения и упрощения работы суда (повсеместно с 2013 г.);
- работа с различными модулями ГАС «Правосудие» (с 2015 г.);
- разработка и внедрение суперсервиса «Правосудие онлайн», позволяющего на одной платформе использовать механизмы дистанционной подачи различных документов через личный кабинет, а также получения информации о судебных заседаниях и участия в них в формате веб-конференции:
 - возможность подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (регламентируется Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ);
 - межведомственное электронное взаимодействие (наиболее эффективная работа, включая разработку дорожных карт, программных продуктов — с 2018 г.);
 - оптимизация почтовых отправок, перевод их в электронный вид (с 26 марта 2020 г. первым в стране перешел на электронный вид рассылки судебных документов Липецкий областной суд);
 - автоматизация процедуры возмещения процессуальных издержек (2020 г. — начало полномасштабного использования УКОП (учет и контроль оплаты постановлений), переход на автоматизированную систему возмещения процессуальных издержек — пилотный проект в Республике Татарстан);
 - 21 апреля 2020 г. — проведение Верховным Судом Российской Федерации первого судебного процесса в режиме веб-видеоконференцсвязи, причем стороны по делу приняли участие в данном заседании из дома;

– 9 января 2023 г. — возможность участия посредством системы веб-конференции в судах любой инстанции для граждан и юридических лиц при условии использования единой системы идентификации и аутентификации для установления личности участника судопроизводства, а также при наличии в судах технической возможности;

– ноябрь 2023 г. — рассмотрение Василеостровским районным судом г. Санкт-Петербурга уголовного дела с участием подсудимых, находящихся под домашним арестом в г. Краснодаре, по видеоконференцсвязи;

– 4 марта 2024 г. — запуск на портале Госуслуг сервиса «Электронная подача документов в суд»; граждане могут присоединиться к судебной веб-конференции со своего смартфона/компьютера через общедоступные платформы [10].

Приведенный краткий анализ внедрения цифровых технологий в деятельность судов позволяет выделить исторические этапы и ключевые события развития электронного правосудия, а также сделать вывод, что современное электронное правосудие и каждый из его элементов развивается как качественно (внедрение новых технологий, программного обеспечения и др.), так и количественно (обеспечение техническими средствами, технологиями и программным обеспечением каждого суда в России). Развитие и совершенствование судебной ИТ-инфраструктуры включает: разработку специализированных решений систем ВКС для судебных заседаний, усиленную техническую поддержку, создание реестра аккредитованных ИТ-экспертов, изготовление и направление в электронном виде документов судов, использование формата общения по видеоконференцсвязи защитника и подозреваемого/обвиняемого для обеспечения права подсудимых на получение квалифицированной юридической помощи. Это и многое другое, на наш взгляд, представляется крайне важным, поскольку использование цифровых технологий позволяет оптимизировать работу судов, способствует повышению эффективности системы исполнительного правосудия.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ // Российская газета. 2008. 26 декабря.

3. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 11.11.2024).

4. О реализации мероприятий федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» : постановление Совета судей от 30.11.2006 № 170. URL: <https://apkrfkod.ru/zakonodatelstvo/postanovlenie-soveta-sudei-rf-ot-30112006-n-170/> (дата обращения: 11.11.2024).

5. Бокова, А. О. К вопросу об информатизации уголовного процесса / А. О. Бокова // IV научно-педагогические чтения молодых ученых им. проф. С. В. Познышева : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции курсантов и студентов, 17 апреля 2024 года / ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИИ России. Воронеж, 2024. С. 329–333.

6. Бокова, А. О. К вопросу о реализации принципов процессуального права при использовании систем видеоконференцсвязи/ А. О. Бокова, Р. Р. Палеха // Вестник Воронежского института высоких технологий. Правовые и социальные проблемы современного общества. 2022. № 2 (41). С. 225.

7. Бокова, А. О. К вопросу об обеспечении информационной интеграции судебной деятельности в России / А. О. Бокова // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : сборник статей по результатам III-ей международной научно-практической конференции, 15 декабря 2023 года : в 2 т. Симферополь: ФГБОУВО «РГУП», Крымский филиал, 2023. Т. 1. С. 264–271.

8. Информатизация судебной системы России: генезис, содержание и будущее : монография / под ред. Р. А. Шарифуллина. М.: Проспект, 2022. 272 с.

9. Электронное правосудие : монография / Е. В. Бурдина [и др.]; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.

10. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49596> (дата обращения: 11.01.2024).

11. Перспективы развития информатизации судов общей юрисдикции. URL: <https://www.garant.ru/interview/422072/> (дата обращения: 11.11.2024).

УДК 347.4

ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ РЕКЛАМНЫМИ ОБЪЯВЛЕНИЯМИ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМИСЯ ПУБЛИЧНОЙ ОФЕРТОЙ

А. А. Бородинов,

студент 2-го курса Межрегионального юридического института
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель — М. А. Кондрашова,

старший преподаватель кафедры гражданского права
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. Статья посвящена рекламным объявлениям, содержащим все признаки публичной оферты. Согласно нормам гражданского законодательства, которые дают право продавцу товаров или услуг самостоятельно определять свое коммерческое предложение в качестве публичной оферты или, наоборот, не определять его в качестве таковой, имеет место возможность со стороны продавца как профессионального участника рынка вводить в заблуждение потребителя, тем самым злоупотребляя своим правом. Автором предлагается законодательная инициатива, которая поспособствует исключению факта «обмана» потребителя.

Ключевые слова: гражданское право, рекламные объявления, публичная оферта, акцепт, потребитель, продавец

Каждый из нас регулярно сталкивается с рекламными объявлениями, в которых рекламируется тот или иной продукт. Данные объявления мы можем встретить на рекламных щитах вдоль проезжей части, а также на различных сайтах в пространстве сети Интернет. Схема очень проста: предлагается выгодное предложение, по которому движимое или недвижимое имущество определяется продавцом на 15–30 % ниже рыночной стоимости, а в некоторых случаях — и на 50 %; впрочем, данный фактор зависит и от воли недобросовестного продавца, который любыми способами пытается «заманить» невнимательных потребителей. В науке гражданского права существует понятие «злоупотребление правом», закрепленное в ст. 10 Гражданского кодекса РФ [1] (далее — ГК РФ). Считаем, в указанном выше случае продавцы злоупотребляют правом, нанося своими действиями вред покупателям.

Законодатель установил понятие «публичной оферты» в п. 2 ст. 437 ГК РФ как предложение, содержащее все существенные условия договора, из которого обнаруживается воля лица, делающего предложение о заключении договора на

указанных в данном предложении условиях с любым, кто отзовется, которое и будет признаваться офертой (публичной офертой) [1]. Потребитель предполагает, что перед ним находится рекламное предложение, и пытается акцептировать его, готовит денежные средства для передачи их продавцу с целью приобрести данный продукт по выгодному предложению. Однако продавец отказывается совершить сделку и указывает покупателю на примечание к рекламному объявлению, написанное очень мелким шрифтом: «Предложение не является публичной офертой и носит информационный характер» (или любые иные формулировки, схожие по смыслу).

В п. 1 ст. 437 ГК РФ законодатель *de facto* наделяет продавца правом самостоятельно определить, является его предложение публичной офертой или нет: «Реклама и иные предложения, адресованные неопределенному кругу лиц, рассматриваются как приглашение делать оферты, если иное прямо не указано в предложении» [1]. На наш взгляд, данная норма создает условия, при которых продавец может злоупотреблять своим правом и безнаказанно вводит невнимательных потребителей в заблуждение.

Также п. 1 ст. 494 ГК РФ, именуемой «Публичная оферта товара», вносит разъяснения, в каких случаях рекламное объявление признается публичной офертой: «Предложение товара в его рекламе, каталогах и описаниях товаров, обращенных к неопределенному кругу лиц, признается публичной офертой, если оно содержит все существенные условия договора розничной купли-продажи» [2]. Однако продавцы обходят данную норму, указывая, что представленные условия носят информационный характер и не являются публичной офертой, в связи с чем потребители не могут выразить акцепт, ссылаясь на п. 1 ст. 437 ГК РФ.

М. А. Зинковский, С. В. Тычинин утверждают, что предприниматель, руководствуясь ч. 1 ст. 437 ГК РФ, как бы снимает с себя ответственность перед потребителем в случае отсутствия нужного товара по нужной цене, при этом на практике это выглядит как рекламное или разовое (акционное, дисконтное, иное) предложение о продаже товаров, работ и услуг, не являющееся публичной офертой [3, с. 114–115].

На данную проблему также обратили внимание и депутаты Государственной Думы, внося законопроект № 450056-8 «О внесении изменений в статью 494 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]. Данный законопроект предполагает: «...признать публичной офертой любую информацию, которую застройщик предоставляет потенциальным покупателям в ре-

кламных буклетах, изображениях и видеороликах» [5]. Однако данный законопроект направлен только на сделки, предметом которых выступает недвижимое имущество, а продавцом выступает застройщик.

Согласно экспертному заключению, принятому по проекту федерального закона № 459956-8 «О внесении изменений в статью 494 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 21 декабря 2023 г., «...введение правила о признании публичной офертой рекламы, распространяемой исключительно застройщиком, вступило бы в противоречие с принципом равенства участников гражданских отношений (статья 1 ГК РФ)» [6]. В связи с этим считаем, что необходимо признавать все рекламные объявления, содержащие существенные условия договора розничной купли-продажи, публичной офертой, вне зависимости от того, указал продавец, что данное предложение носит справочный характер и не является публичной офертой, или нет.

В данной связи предлагается изменение действующего гражданского законодательства посредством внесения дополнения в ст. 494 ГК РФ в следующей редакции:

«1. Предложение товара в его рекламе, каталогах и описаниях товаров, обращенных к неопределенному кругу лиц, признается публичной офертой (пункт 2 статьи 437), если оно содержит все существенные условия договора розничной купли-продажи, независимо от того, указал продавец, что данное предложение является публичной офертой, или нет.

2. Выставление в месте продажи (на прилавках, в витринах и т. п.) товаров, демонстрация их образцов или предоставление сведений о продаваемых товарах (описаний, каталогов, фотоснимков товаров и т. п.) в месте их продажи или в сети Интернет признается публичной офертой независимо от того, указаны ли цена и другие существенные условия договора розничной купли-продажи, за исключением случая, когда продавец явно определил, что соответствующие товары не предназначены для продажи».

Обоснованность предлагаемых изменений подтверждает судебная практика: суды общей юрисдикции признают рекламные объявления, не являющиеся публичной офертой, если об этом сказано в рекламном объявлении. Данное обстоятельство подкрепляется Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 января 2024 года №4-КГ23-90-К1 по рассмот-

рению гражданского дела по иску Мишина Д. А. к ООО «Экспресс Офис Мск» о возложении обязанности исполнить условия договора купли-продажи. В частности, гражданином от 06 ноября 2021 г. был оформлен заказ через указанный сайт продавца на приобретение двух письменных столов, а также произведена оплата товара и его доставки. 26 ноября 2021 г. истцом в адрес ответчика была направлена досудебная претензия об осуществлении доставки заказа либо предоставления возможности его самовывоза. В ответном письме от 01 декабря того же года ООО сообщалось, что цена товара, указанная на сайте интернет-магазина на момент оформления заказа, не являлась актуальной в связи с технической ошибкой, а также, что вся информация на сайте носит справочный характер и не является публичной офертой. Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции пришел к выводу, что права истца действиями ответчика не нарушены, поскольку предложения о продаже товаров, размещенные на сайте Общества, не являются публичной офертой. Кроме того, истец принял условия продавца о наличии у него права аннулировать заказ в случаях отсутствия соответствующего товара и / или наличия технической ошибки при указании цены товара. С указанными выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций. Позиция же Верховного Суда РФ была иной: он не согласился с доводами нижестоящих судов и определил спорное рекламное объявление публичной офертой [7].

Считаем, что реклама не должна вводить потребителя в заблуждение. Ст. 494 ГК РФ в предлагаемой редакции не позволит продавцам «обманывать» потребителя рекламными объявлениями. Суды же не смогут иначе толковать данную норму гражданского законодательства, что в разы снизит нагрузку на судебную систему.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 10 февраля.

3. Зинковский, М. А. Некоторые аспекты института публичной оферты в сделках с потребителем / М. А. Зинковский, С. В. Тычинин // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 1. С. 113–116.

4. Проект Федерального закона № 459956-8 «О внесении изменений в статью 494 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.11.2024).

5. Правительство РФ: рекламные обещания застройщиков нельзя считать публичной офертой // Новости ЕРЗ.РФ. URL: <https://erzrf.ru/news/pravitelstvo-rf-reklamnyye-obeshchaniya-zastroyshchikov-nelzya-schitat-publichnoy-ofertoy?search=правитель&ysclid=m3dcjwn5n5357663423> (дата обращения: 11.11.2024).

6. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 459956-8 «О внесении изменений в статью 494 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято Советом 21.12.2023 № 236/оп-7/2023). URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/47b/odwzqwqhp07mdar511w4jxvmzdqaadyj/7.%20%20заклучение%20_статья%20494%20ГК%20РФ.pdf?ysclid=m3hdv2bfxb559331953 (дата обращения: 11.11.2024).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № 4-КГ23-90-К1 (УИД 50RS0031-01-2022-003678-42). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=798552&ysclid=m3g9tt653y552011195#T7KM2UUuUJQ4mqXQ1> (дата обращения: 11.11.2024).

УДК 342.56

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ НАРУШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕИ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С. С. Бурцева,

аспирант 4-го курса Юридического факультета

Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Научный руководитель — А. Н. Костюков,

д-р юрид. наук, профессор,

зав. кафедрой государственного и муниципального права

Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Аннотация. Законодательное усмотрение является не только средством устранения правовой неопределенности, но и может быть фактором, приводящим к ней. Изучение практики Конституционного Суда РФ, анализирующей норму на предмет ее соответствия Конституции России, в том числе с точки зрения законодательного

усмотрения, является важным с целью определения допустимых граней такого усмотрения с тем, чтобы не нарушалась правовая определенность.

Ключевые слова: законодательное усмотрение, Конституционный Суд РФ, правовая определенность, усмотрение в праве

Наличие неопределенности в праве, связанное с дефектами правового регулирования, так или иначе влечет за собой необходимость применения каких-либо средств ее устранения. Одним из таких средств является правовое усмотрение, под которым понимается результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта, выбранный на основе представлений и (или) знаний о предписаниях правовых норм решением по вопросу, имеющему юридическое значение, и выраженный в определенных деяниях в правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной сферах, либо в общей модели правового поведения данного субъекта [1, с. 9–10].

С одной стороны, необходимо согласиться с Н. А. Власенко в том, что усмотрение является способом перехода от неопределенности к определенности [2, с. 99]. Вместе с тем приходится констатировать, что применение публичным субъектом права усмотрения может, наоборот, повлечь за собой еще большую неопределенность в понимании правовых норм. В таком случае данный институт уже не может рассматриваться как средство, устраняющее неопределенность правового регулирования, а является одной из причин ее возникновения.

Сложность осуществления правового усмотрения заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что субъект усмотрения берет за основу свои знания, опыт, представления о праве. Даже руководствуясь при формировании, принятии или применении норм права теми или иными основополагающими принципами, такими как справедливость, равенство, гуманизм, каждое лицо воспринимает их содержание по-разному и осуществляет правовое усмотрение сквозь призму данной им оценки. Фактически осуществление усмотрения может превратиться в выражение субъектом права своего мнения, становящегося обязательным для определенного или неопределенного круга лиц, хотя оно не всегда является правильным и, соответственно, может стать причиной правовой неопределенности.

Законодательное усмотрение само по себе является малоизученным в юридической науке. В литературе лишь отмечаются некоторые ограничения в осу-

ществлении законодательного усмотрения: например, законодательное усмотрение свободно в вопросе дифференциации видов ответственности за проступки и преступления [3]. В частности, устанавливая нормы-запреты, нормы-санкции, законодатель вправе формулировать их через относительную определенность, создавая границы самостоятельности лица, применяющего его предписания [4, с. 55]. Кроме того, законодатель может предусматривать лишь ключевые моменты регулирования, создавая неопределенность для ее конкретизации в практике; дискреция законодателя не может реализовываться произвольно, а только в строгом соответствии с конституционными принципами [5, с. 62]. Поэтому изучение практики Конституционного Суда Российской Федерации (далее — РФ), анализирующего норму на предмет ее соответствия Конституции РФ, в том числе с точки зрения законодательного усмотрения, является важным с целью определения допустимых граней такого усмотрения с тем, чтобы не нарушалась правовая определенность.

Так, основной тезис, который выработан в практике конституционного правосудия, заключается в том, что законодатель обладает достаточно широкой свободой усмотрения в выборе конкретных средств правового регулирования [6; 7]. Но такая свобода не является абсолютной, и Конституционным судом РФ выделяются следующие ее ограничения:

– обязательность соблюдения различных пределов правового регулирования, в частности: основополагающих и конституционных принципов, пронизывающих правовую систему — справедливость, равенство, верховенство права и других (постановления от 11.04.2024 № 17-П [8], от 22.07.2020 № 38-П [9]), международных обязательств и общепризнанных принципов международного права (постановления от 20.11.2023 № 53-П [10]), требований разумной соразмерности (постановление от 16.07.2020 № 37-П [11]) и эффективности реализации правовых норм (постановление от 28.05.2024 № 26-П [12]);

– необходимость учета предписаний о сбалансированности прав и обязанностей гражданина, о соотношении таких прав с правами и законными интересами других лиц (постановление от 23.03.2023 № 9-П [13]), а также соблюдение баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами (постановление от 29.06.2021 № 30-П [14]);

– необходимость учета различных факторов при формулировании правовой нормы. Например, применительно к местному самоуправлению в одном из по-

становлений Конституционный Суд РФ указал, что «законодатель... призван учитывать как объективные обстоятельства развития местного самоуправления, включая социально-культурные, финансово-экономические, организационные и иные институциональные факторы публично-территориальной самоорганизации населения, так и необходимость наиболее эффективной реализации на местном уровне задач, которые ставит перед собой государство в области социального, экономического, экологического, культурного и иного развития» [15].

Кроме того, законодательная власть обязана проявлять надлежащую заботу о качестве устанавливаемых ею правовых норм [16]. И, конечно же, в этом вопросе большое значение приобретает обеспечение определенности правового регулирования, поддержания доверия граждан к закону и власти, о чем во многих случаях говорит Конституционный Суд РФ при анализе пределов законодательной дискреции. Именно принцип правовой определенности, по его мнению, вводит дискрецию законодателя в конституционно обусловленные пределы [17].

В качестве яркого примера нарушения пределов законодательного усмотрения, обнаруженного судебным органом конституционного контроля, можно привести дело о признании утратившими силу ряда положений Закона Ставропольского края от 27.12.2012 № 123-кз «О мерах социальной поддержки многодетных семей», предусматривающего право на получение материнского (семейного) капитала семьями, в которых родился третий ребенок после 1 января 2011 года, по достижении ребенком трехлетнего возраста, то есть не ранее 1 января 2014 года. И именно с этой даты действие данных положений Закона было приостановлено, а затем, с 1 января 2016 года, они были отменены. В результате такого регулирования ни одна многодетная семья данной дополнительной меры социальной поддержки получить не смогла [18].

Здесь, с одной стороны, законодатель действительно обладает достаточной свободой усмотрения при установлении социальных гарантий для различных категорий граждан. С другой стороны, их произвольная отмена не отвечает правовой определенности, вбирающей в себя, в том числе, стабильность и предсказуемость правового регулирования, недопустимость произвольного внесения изменений в действующую систему правовых норм. Поэтому при отправлении конституционного судопроизводства Судом сделан закономерный вывод о несоответствии признания утратившими силу вышеуказанных положений Конституции РФ без установления соответствующих компенсаторных механизмов.

Таким образом, соблюдение вышерассмотренных пределов законодательной дискреции является необходимой составляющей правового регулирования, сказывающейся на состоянии правовой определенности. Их нарушение, проявляющееся в том числе в неоднозначности, нечеткости правового регулирования, является причиной неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, что неоднократно указывалось Конституционным судом РФ.

1. Никитин, А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Никитин. Саратов, 2021. 49 с.

2. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография / Н. А. Власенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИНФРА-М, 2019. 157 с.

3. Медицинское уголовное право : монография / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин, Т. Г. Понятовская [и др.]; отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2022. 576 с.

4. Яцеленко, Б. В. Уголовно-правовая природа усмотрения / Б. В. Яцеленко // Уголовное право. 2024. № 3. С. 50–58.

5. Воронин, Ю. В. Пенсионный возраст: правовая природа и значение в системе пенсионного обеспечения / Ю. В. Воронин. М.: НОРМА, 2024. 84 с.

6. По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А. А. Дробковой : постановление Конституционного суда РФ от 21.12.2022 № 56-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

7. По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова : постановление Конституционного суда РФ от 12.01.2023 № 2-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

8. По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева : постановление Конституционного суда РФ от 11.04.2024 № 17-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

9. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова: по-

становление Конституционного суда РФ от 22.07.2020 № 38-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

10. По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.П. Хомутиной : постановление Конституционного суда РФ от 20.11.2023 № 53-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

11. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина : постановление Конституционного суда РФ от 16.07.2020 № 37-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

12. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. М. Туманиной: постановление Конституционного суда РФ от 28.05.2024 № 26-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

13. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева : постановление Конституционного суда РФ от 23.03.2023 № 9-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

14. По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области : постановление Конституционного суда РФ от 29.06.2021 № 30-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

15. По делу о проверке конституционности пункта 18 части 1 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Нерюнгринский район» : постановление Конституционного суда РФ от 26.04.2016 № 13-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

16. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. А. Мельниковой : постановление Конституционного суда РФ от 17.05.2022 № 19-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

17. Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020 — 2023 годов) : информация Конституционного суда РФ (одобрено решением Конституционного суда РФ от 14.11.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой : постановление Конституционного суда РФ от 27.03.2018 № 13-П // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 343.43

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОГО ДЕЯНИЯ

Е. А. Васильева,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос возможности реализации мало-значительности деяния в рамках незаконного лишения свободы. Анализируются нормативные акты, регулирующие преступления, посягающие на свободу личности. Исследуются научные труды, посвященные незаконному лишению свободы. Выявляется проблема отсутствия законодательных критериев, определяющих мало-значительность деяния в контексте незаконного лишения свободы личности. В связи с выявленной проблемой предлагаются критерии разграничения незаконного лишения свободы как преступления и мало-значительного деяния.*

***Ключевые слова:** право на свободу, незаконное лишение свободы, мало-значительность деяния, уголовное законодательство*

Право на личную свободу, как естественное и неотъемлемое, особо охраняется уголовными кодексами и иными законодательными актами большинства

современных государств, включая Российскую Федерацию. Такой подход вполне объясним и оправдан, так как право на свободу является одним из ключевых прав человека. В рамках уголовного законодательства России данное право охватывается главой 17 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ), где особое внимание следует уделить статье 127, посвященной незаконному лишению свободы.

Для интерпретации положений уголовного законодательства следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [2] (далее — ПП ВС РФ № 58). В третьем пункте данного постановления говорится, что при совершении преступления, предусмотренного статьей 127 УК РФ, потерпевший оказывается ограниченным в передвижении в месте своего нахождения без наличия на то законных оснований. В данном установлении отмечается, что существует перечень законных оснований лишения свободы лица. К таковым относятся: лишение свободы, связанное с мерой государственного принуждения; при задержании лица, совершившего преступление; в состоянии крайней необходимости; при необходимой обороне; в случае исполнения приказа или распоряжения. Исходя из проанализированной нормы, иные случаи лишения свободы лица, не установленные законодателем правомерными, являются незаконными и подлежат квалификации по статье 127 УК РФ [1].

Однако, помимо вышеназванных оснований, в отечественном уголовном праве существует такое основание исключения уголовной ответственности, как малозначительность деяния, регламентируемое частью 2 статьи 14 УК РФ [1]. Малозначительное деяние, хотя формально и включает в себя признаки состава преступления, указанного в УК РФ, но не обладает таким признаком, как общественная опасность, что отличает его от преступления. Вопрос о том, в каких случаях лишение свободы будет признаваться малозначительным деянием и применимо ли понятие малозначительности к данному преступлению, является предметом дискуссий в юридической среде. Дискуссии по этому вопросу возникают в связи с тем, что в статье 127 УК РФ [1], регламентирующей незаконное лишение свободы, а также в ПП ВС РФ № 58 [2], которое освещает судебную практику по делам о преступлениях против свободы личности, отсутству-

ют критерии малозначительности таких деяний, в том числе незаконного лишения свободы, что вызывает определенные трудности.

Рассмотрим более подробно, в каких случаях незаконное лишение свободы может подпадать под признаки малозначительности. В юридической литературе часто встречается мнение о том, что короткий промежуток времени незаконного лишения свободы свидетельствует о малозначительности такого деяния. В частности, В. В. Тараненко утверждает, что краткосрочное лишение свободы человека, если оно не сопровождалось физическим насилием или угрозами его применения, не имело криминальных целей, может рассматриваться как малозначительное деяние с учетом конкретных обстоятельств дела [3, с. 488]. Согласно взглядам О. В. Журкиной, восемь часов следует считать минимальным сроком лишения свободы, чтобы деяние могло быть квалифицировано в качестве преступления [4, с. 101]. Исходя из этого, по мнению автора, продолжительность лишения свободы менее восьми часов может рассматриваться как малозначительное деяние. Данный подход является ошибочным, так как даже кратковременное лишение свободы, без применения какого-либо насилия, равным образом способно нанести человеку как физический, так и психологический вред. Следует отметить, что наличие или отсутствие общественной опасности может зависеть и зависит не только от продолжительности лишения свободы, но и от возраста потерпевшего, его состояния здоровья, а также места удержания. В частности, для человека, который нуждается в определенном лекарстве или аппарате, которые являются жизненно важными для его здоровья, даже незначительный период лишения свободы может оказать большое влияние на его состояние. Одним из примеров может послужить лишение свободы человека, страдающего астмой. В ситуации стресса у него может произойти обострение заболевания, и ему потребуется незамедлительно использовать ингалятор и другие необходимые лекарства, чтобы предотвратить серьезные проблемы со здоровьем. В состоянии ограниченной свободы сделать это представляется нереальным. Кроме того, непосредственно в пункте третьем ПП ВС РФ № 58 [2] разъяснено, что квалификация действий по ст. 127 УК РФ не зависит от того, как долго длилось ограничение личной свободы потерпевшего. Итак, необходимо отметить, что сам по себе короткий промежуток времени совершения рассматриваемого преступления не свидетельствует о малозначительности.

Наряду с рассматриваемыми ранее обстоятельствами вызывают интерес случаи, когда лишение свободы реализуется в рамках семейных отношений, а именно в детско-родительских отношениях. Вопрос о законных основаниях лишения свободы несовершеннолетнего ребенка со стороны родителей является сложным и требует тщательного рассмотрения. Прежде всего, родители несут ответственность за безопасность своих детей, что может включать в себя некие ограничения в отношении таких несовершеннолетних лиц. Например, родители могут ограничивать доступ несовершеннолетнего к определенным действиям, таким как выход на улицу во время комендантского часа. Это делается с целью защиты ребенка от потенциальной угрозы. Однако, если ограничения становятся чрезмерными и необоснованными, это может привести к нарушению прав ребенка. Для того, чтобы разобраться в данной ситуации, в первую очередь следует обратиться к Семейному кодексу РФ [5], в частности к главе 11 «Права несовершеннолетних детей» и главе 12 «Права и обязанности родителей». Проанализировав положения статей 57 и 65, можно сделать следующие выводы. Действия в целях осуществления родительских прав должны соответствовать интересам детей, а любой вопрос, касающийся несовершеннолетнего ребенка, должен решаться с учетом его мнения. При реализации родительских прав родители не имеют права вредить детям физически или морально, а их методы воспитания должны исключать жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение. К сожалению, в Российской Федерации имеет место немало прецедентов, когда родители прибегают к жестоким методам воспитания. Так, в Подмоскowie родители в воспитательных целях запирали приемную дочь в клетке, стоявшей во дворе [6]. Очевидно, что в данном случае права ребенка нарушаются, и речи о малозначительности быть не может. Тем не менее возникает необходимость в анализе случаев, когда у ребенка ограничивается свобода с целью стимулирования его к выполнению учебных заданий или предотвращения взаимодействия с асоциальными личностями либо в иных ситуациях. В таких обстоятельствах следует задаться вопросом о том, какие действия могут квалифицироваться как жестокие по отношению к ребенку и соответствуют в полной мере признакам состава преступления, а какие следует считать малозначительными, учитывая, что в любом случае происходит формальное лишение свободы ребенка. Это порождает определенную проблему, поскольку

законодательно не закреплены критерии малозначительности при незаконном лишении свободы.

В результате анализа законодательных актов, регулирующих незаконное лишение свободы, судебных решений и доктринальных источников можно сделать следующие выводы. Законодатель не установил четкие критерии малозначительности в рамках статьи 127 УК РФ [1], что вызывает правовую неопределенность и способствует возникновению множества спорных вопросов и обсуждений в юридической среде. Выявленные ранее проблемные аспекты указывают на необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования в области незаконного лишения свободы, а именно в законодательном определении критериев малозначительности деяния в соотношении с рассматриваемым преступлением. Например, в пункте 25.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [7] указано, что при решении вопроса о малозначительности деяния судам следует учитывать такие обстоятельства, как: степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др. Представляется целесообразным дополнить содержание ПП ВС РФ № 58 аналогичными критериями малозначительности, основываясь на примерах других постановлений Пленума. Такими критериями могут стать: цель деяния, условия содержания потерпевшего, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и так далее. В противном случае стоит разъяснить отсутствие возможности применения основания малозначительности к данному противоправному деянию.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/ (дата обращения: 05.11.2024).

3. Тараненко, В. В. Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия похищению человека, незаконному лишению свободы, торговле людьми и использованию рабского труда / В. В. Тараненко, С. С. Харитонов,

М. Г. Решняк, С. В. Борисов // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. Т. 14. С. 481–494. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sovershenstvovaniya-ugolovno-pravovyh-mer-protivodeystviya-pohischeniyu-cheloveka-nezakonnomu-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 05.11.2024).

4. Журкина, О. В. Актуальные вопросы реализации объективной стороны незаконного лишения свободы по УК РФ / О. В. Журкина // Закон и право. 2014. № 9. С. 99–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22015641> (дата обращения: 05.11.2024).

5. Семейный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

6. В Подмосковье родители заперли приемную дочь в клетке в воспитательных целях // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/21/23973775.shtml> (дата обращения: 05.11.2024).

7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 05.11.2024).

УДК 343.2

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ КАК ПРИЗНАКА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

А. В. Власова,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Статья посвящена анализу устойчивости как признака организованной преступной группы. Рассмотрены подходы к определению устойчивости в контексте уголовного права и криминологии. Выделены ключевые факторы, которые влияют на устойчивость организованных преступных групп. Обозначена важность данного критерия для характеристики преступных сообществ.

Ключевые слова: организованная преступная группа, признаки преступности, уголовное право, преступное сообщество, квалификация преступлений, преступная деятельность, правоприменение, структура преступной группы

Проблема устойчивости как одного из ключевых признаков организованной преступной группы (далее — ОПГ) является актуальной и требует особого внимания. В современных условиях борьбы с организованной преступностью законодательство и судебная практика сталкиваются с тем, что отсутствует четкое, единообразное и официально закрепленное понятие устойчивости, что приводит к различным трактовкам и, как следствие, к разночтениям в судебных решениях. Понимание того, что является устойчивостью, и какие именно элементы должны входить в это понятие, до сих пор остается предметом дискуссий.

Устойчивость как признак ОПГ упоминается в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). В частности, этот признак закреплен в статье 35 УК РФ «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» [1]. Кроме того, статья 210 УК РФ [1] регулирует вопросы, связанные с организацией преступного сообщества (преступной организации), и в этой статье также упоминается устойчивость.

Некоторые Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) разъясняют понятие устойчивости в контексте ОПГ, подчеркивая важные правовые признаки устойчивости группировок. Например, определение устойчивости можно найти в Постановлении Пленума ВС РФ от 27 октября 2020 года № 26 «О судебной практике по делам об организованных преступных группах и преступных сообществах». Здесь устойчивость ОПГ трактуется как «способность группы поддерживать свою деятельность и связи на постоянной основе, наличие четкой структуры и распределенных ролей среди участников» [2]. В этом случае устойчивость характеризуется прежде всего внутренней организованностью, способностью группы к длительному функционированию и сохранению стабильных связей между членами, что позволяет эффективно достигать преступных целей.

Также определение устойчивости представлено в Постановлении Пленума ВС РФ от 1 июня 2021 года № 15 «О практике применения судами норм уголовного законодательства по делам о преступных сообществах и преступных организациях». В этом акте устойчивость описывается как «наличие устойчивых внутренних связей, распределение обязанностей и устойчивый состав участников, поддерживаемый через систематическое взаимодействие и подчинение единым правилам» [3]. В данном случае акцент делается на факторах

устойчивости, таких как: сохранение неизменного состава, последовательное выполнение преступной деятельности, соблюдение установленных внутри группы правил.

Сравнивая указанные определения, можно заметить, что оба постановления подчеркивают значимость постоянства состава и наличия между участниками личных, тесных связей вне преступной деятельности как ключевых признаков устойчивости. В обоих случаях устойчивость рассматривается через призму внутренней стабильности и направленности на длительное сотрудничество в целях совершения преступлений. Однако между ними существует различие: в Постановлении от 2020 года [2] большее внимание уделяется структурной организованности и эффективности функционирования группы, тогда как в постановлении 2021 года [3] акцент делается на поддержании устойчивых связей и подчинении внутри группы общим правилам. Таким образом, постановление 2020 года подчеркивает структурную устойчивость и функциональность группы, а постановление 2021 года — психологические и организационные аспекты, связанные с внутренним контролем и правилами, поддерживающими эту устойчивость.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации не содержит конкретного определения устойчивости. Упоминания об этом признаке встречаются, но четкой его формулировки, которая бы соответствовала требованиям юридической определенности, не существует.

В результате сложилась ситуация, при которой суды, применяя нормы уголовного права к организованным группам, вынуждены по-разному интерпретировать понятие устойчивости. Это создает правовую неопределенность и вызывает затруднения в правоприменительной практике. Более того, отсутствие единого подхода ведет к тому, что одно и то же деяние может быть неоднозначно квалифицировано в разных регионах страны. Это вызывает не только недоверие к системе правосудия, но и ставит под сомнение саму эффективность борьбы с организованной преступностью.

Судебная практика, направленная на борьбу с организованными преступными группами, показывает, что данный признак играет решающую роль при квалификации действий преступников. Однако отсутствие четких критериев делает этот процесс субъективным. Судьи вынуждены руководствоваться сво-

ими собственными интерпретациями, что порой приводит к неправомерным решениям [4, с. 92].

Вопрос устойчивости как признака организованной преступной группы также является предметом многочисленных дискуссий в правоведческой среде [5, с. 69]. Анализ научной литературы показал, что ученые по-разному трактуют понятие устойчивости в ОПГ.

К примеру, С. М. Голубев выделяет несколько подходов к определению устойчивости, которые характеризуются такими параметрами, как:

– длительность существования группы. Для признания группы устойчивой, она должна функционировать на протяжении значительного периода. Однако насколько долго группа должна существовать, чтобы быть признанной устойчивой, — вопрос, не имеющий однозначного ответа;

– относительное постоянство состава. Данная характеристика указывает на то, что устойчивой можно считать группу, члены которой остаются неизменными на протяжении определенного времени. Но и здесь возникает вопрос: как часто могут происходить изменения в составе группы, чтобы это не влияло на ее устойчивость;

– наличие иерархии. Этот критерий предполагает наличие в группе четко определенной структуры и распределения ролей, что способствует сохранению устойчивости. Однако, как показывает практика, не все организованные группы обладают строгой иерархией, что не мешает им эффективно действовать на протяжении длительного времени;

– нацеленность на совершение преступлений в будущем в составе группы. Некоторые эксперты связывают устойчивость с наличием у группы долгосрочных планов на совершение преступлений, что свидетельствует о ее намерении продолжать преступную деятельность [6]. Но и этот критерий вызывает вопросы, так как преступные группы могут действовать ситуативно, не имея четких долгосрочных планов, но при этом оставаясь устойчивыми [4, с. 118].

Различные подходы к пониманию устойчивости ОПГ вызывают значительные трудности не только для правоприменительных органов, но и для всех участников судебного процесса [7, с. 115]. Эти различия в толковании создают дополнительные барьеры на пути к единообразной и справедливой правоприменительной практике. Проблемой остается и отсутствие четкой общепринятой

методологии, которая позволяла бы однозначно оценивать наличие или отсутствие признака устойчивости.

В условиях, когда законодательство не дает прямых указаний относительно понятия устойчивости, необходимо обратиться к судебной практике и правовым актам, регламентирующим вопросы борьбы с организованной преступностью. В этом контексте представляется возможным принятие отдельного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое бы касалось вопросов определения понятия и признаков организованной преступной группы, включая такой ключевой признак, как устойчивость.

Пленум ВС РФ определит основные критерии, на основании которых суды смогут оценивать устойчивость группы. Среди таких критериев следует выделить:

- продолжительность существования группы;
- постоянство или регулярность состава участников;
- наличие структуры и распределения ролей в группе;
- наличие или отсутствие долговременных преступных планов;
- способы взаимодействия членов группы.

Также стоит включить в постановление Пленума ВС РФ определение понятия устойчивости. Например, оно может звучать так: устойчивость — это обязательный признак ОПГ, который характеризуется длительным существованием группы лиц, обладающих тесной личной связью, объединившихся с целью совершения преступлений (систематически, неоднократно) и действующих в соответствии с распределенными ролями. Причем рамки таких критериев, как длительный характер существования группы и постоянство состава, в понятии не стоит четко определять для того, чтобы суд мог в каждом отдельном случае разбираться с конкретными обстоятельствами дела.

Принятие данного постановления станет важным шагом на пути к формированию единого подхода к применению уголовного законодательства в данном вопросе. Это обеспечит устранение правовых коллизий и противоречий, связанных с разночтениями в трактовке ключевых понятий. В результате правоприменение станет более предсказуемым и прозрачным, а процесс вынесения решений — более объективным и справедливым. Это позволит избежать неоднозначных ситуаций, когда разные стороны процесса интерпретируют одни и

те же обстоятельства по-разному, что способствует укреплению принципов законности и правовой определенности в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог, можно сказать, что отсутствие четкого определения устойчивости как признака организованной преступной группы является серьезным пробелом в действующем уголовном законодательстве. Это затрудняет работу правоохранительных органов и судов, создает условия для субъективных решений и не способствует эффективной борьбе с организованной преступностью. Принятие отдельного постановления Пленума ВС РФ, в котором будет дано определение устойчивости и детально изложены критерии ее оценки, является необходимым шагом. Это позволит не только унифицировать правоприменительную практику, но и укрепит позиции правоохранительных органов в борьбе с ОПГ. Закрепление понятия устойчивости в правовых актах улучшит качество судебной практики, сократит число судебных ошибок и станет важным шагом в борьбе с одной из самых опасных форм преступной деятельности — организованной преступностью.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О судебной практике по делам об организованных преступных группах и преступных сообществах : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.10.2020 № 26 // Российская газета. 2020. 27 октября.

3. О практике применения судами норм уголовного законодательства по делам о преступных сообществах и преступных организациях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2021 № 15 // Российская газета. 2021. 16 июня.

4. Есипова, М. И. Устойчивость как криминологический признак организованных преступных сообществ / М. И. Есипова // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 89–96.

5. Кузнецова, Н. Ф. Организованные формы преступности и устойчивость групп / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право: новые вызовы и ответы : материалы науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Наумова. М.: Проспект, 2020. С. 67–78.

6. Голубев, С. М. Квалификация преступлений, совершенных организованными группами: вопросы устойчивости: учебное пособие / С. М. Голубев. М.: Экзамен, 2020. 340 с.

7. Бекетова, А. Л. Проблемы квалификации преступлений, совершенных организованными преступными группами / А. Л. Бекетова // Вестник уголовного права. 2023. Т. 18. № 2. С. 112–124.

УДК 347.965

ВЕДЕНИЕ АДВОКАТАМИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ СРЕЗ

В. А. Вяткина,

студентка 4-го курса юридического факультета (бакалавриат)

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

Научный руководитель — Е. Ю. Мартьянова,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению этико-правовых начал ведения адвокатами социальных сетей. Обоснована необходимость нормативного разрешения вопроса о критериях отнесения информации о деятельности адвоката к информации рекламного характера.*

***Ключевые слова:** адвокатская деятельность, Интернет, социальные сети, реклама*

Социальные сети представляют собой незаменимый инструмент современности, который служит пространством для проявления своих идей и мыслей, а также способом самоактуализации. Используют их для формирования профессионального имиджа и адвокаты: размещение информации в сети «Интернет» о ведении ими адвокатской деятельности способствует построению личного бренда. Пределы обозначенной интернет-активности адвокатов получили закрепление в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1], Кодексе профессиональной этики адвоката [2], а также специальном акте — Правилах поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [3] (далее — Правила). Однако дискуссионными по-прежнему остаются вопросы, связанные с возможностью введения дополнительных ограничений для адвокатов в части содержания их интернет-публикаций, а также о допустимых способах привлечения новых клиентов через социальные сети.

При ознакомлении с интернет-страницами адвокатов обнаруживается, что большее количество подписчиков имеют те, кто не только публикует сухие юридические тексты, но и транслирует личную жизнь вне рамок профессии, передавая свои ценности, принципы, взгляды и интересы. Следует отметить, что круг тем, позицию по которым может высказывать адвокат, не определен, однако установлено общее правило: согласно п. 1.3 Правил поведение адвоката в сети Интернет должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения [3]. Введение каких-либо особых ограничений может быть истолковано как нарушение права свободно выражать мнение, закрепленного в ст. 29 Конституции Российской Федерации [4] (далее — РФ).

Данное положение поддерживают известные адвокаты. До введения в действие Правил Генри Резник выступал против цензурирования поведения адвоката в соцсетях вне профессиональной деятельности: «Наши этические правила распространяются на нашу профессиональную деятельность. За рамками этой деятельности к нам предъявляются такие же требования, как и к любому другому гражданину. Интернет ничего не меняет» [5]. Бывший исполнительный вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ Андрей Сучков также являлся противником введения ограничений: «Адвокат, который желает сформировать режим поведения в сети без тех ограничений, которые налагает на него адвокатская профессия, может присутствовать в виртуальной среде под вымышленным именем (никнеймом)» [6]. Так, если предположить, что адвокат создает иной аккаунт под никнеймом и с этой страницы дискредитирует авторитет адвокатуры, использует обценную лексику, оскорбительно и неуважительно высказывается в отношении коллег и совершает иные действия, которые противоречат законодательству об адвокатуре, его поведение останется безнаказанным? С этой точки зрения довольно трудно оценить действия адвоката и определить, является такое поведение проявлением свободы слова и мысли, или поведение адвоката неэтично, поскольку затрагивает интересы профессионального адвокатского сообщества.

Предполагается, что четкие границы между личным и профессиональным очертить довольно сложно. Выработка обязательных норм приведет к правовому «зарегулированию», к излишнему вторжению закона в личную сферу жизни

адвоката. В связи с этим предлагается выработать рекомендации, разъяснения, которые конкретизируют Правила и помогут избежать расширения пределов дисциплинарной ответственности. Иначе данный вопрос можно решить только неправовыми инструментами, а именно саморегуляцией адвокатами своих действий, основанной на здравом смысле и моральных устоях, ограждающих адвоката от публичного высказывания своей позиции относительно острых резонансных социальных, политических, экономических и иных тем.

Следующим значимым вопросом, требующим освещения, является возможность привлечения новых клиентов посредством ведения аккаунта. Согласно п. 6 ст. 2. Федерального закона «О рекламе» закон не распространяется на объявления физических лиц или юридических лиц, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности [7], что свидетельствует о нераспространении указанного закона на адвокатскую деятельность. Адвокаты вправе представлять «информацию о своей деятельности», что не приравнивается к рекламе [8]. Тем не менее некоторые адвокаты для привлечения доверителей активно используют маркетинговые инструменты. Например, размещают огромное количество положительных отзывов доверителей, которые были созданы ими самими, или гарантируют выигрыш по делу со стопроцентной долей вероятности. Данные действия являются нарушением положений, содержащихся в Разъяснениях Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам [9]. Размещение на странице адвоката сведений, вводящих потенциальных доверителей в заблуждение, недопустимо. Адвокат формирует свой имидж, позиционируя свою экспертность и компетентность. В связи с этим публикация адвокатом информации по определенному делу с учетом всех требований, установленных законом, может иметь сходство с рекламой, поскольку направлена на распространение информации о высоком качестве оказанной им помощи. Таким образом, на сегодняшний момент существующих разъяснений этической комиссии недостаточно, к тому же содержащаяся в них информация довольно разрозненна. Предлагается систематизировать существующую практику, рекомендации и закрепить критерии, согласно которым сообщение сведений о своей деятельности адвокатами будет допустимым в сети Интернет.

Еще одним вариантом решения вышеназванных вопросов может стать создание специальной комиссии Федеральной палаты адвокатов, занимающейся вопросами этики в социальных сетях и СМИ. Данная комиссия могла бы спо-

способствовать унификации порядка квалификации действий по ведению адвокатами страниц в социальных сетях и нивелировать различия подходов адвокатских палат субъектов РФ при рассмотрении схожих ситуаций.

С учетом изложенного видится возможным предложить:

- выработать рекомендации, разъяснения, которые конкретизируют Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
- нормативно разрешить вопрос о критериях отнесения информации о деятельности адвоката к информации рекламного характера и внести данные положения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и (или) Кодекс профессиональной этики адвоката;
- рассмотреть возможность создания специальной комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ, занимающейся вопросами этики в социальных сетях и СМИ.

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Российская газета. 2002. 05 июня.

2. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 17.10.2024).

3. Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет от 28.09.2016. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/rules-of-conduct-for-lawyers-in-the-information-telecommunication-network-internet/> (дата обращения: 14.10.2024).

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.10.2024).

5. Правила и самоконтроль. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/pravila-i-samokontrol/> (дата обращения: 17.10.2024).

6. ФПА рассказала адвокатам, как вести себя в Интернете // Новости. Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/view/134126/> (дата обращения: 17.10.2024).

7. О рекламе : федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Российская газета. 2006. 15 марта.

8. Рекомендации по вопросу допустимости рекламы адвокатской деятельности. URL: <https://apto68.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-apto/rekomendatsii-po-voprosu-dopustimosti-reklamy-advokatskoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 15.10.2024).

9. Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения пункта 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката от 17.04.2019 № 01/19. URL: <https://fparf.ru/documents/fparf/dokumenty-kes/interpretation-no-01-19/> (дата обращения: 15.10.2024).

УДК 343.114; 343.195; 347.965

ВОПРОСЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИГОВОРА, ПОСТАНОВЛЕННОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Я. В. Гайдамашко,

студент 4-го курса Юридического факультета (бакалавриат)

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

Научный руководитель — И. В. Килина,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

***Аннотация.** Тема суда присяжных является актуальной и широко обсуждаемой в юридическом сообществе, выступает постоянным объектом научных дискуссий и исследований. Данная форма судопроизводства требует высокого уровня профессионализма от государственного обвинителя и защитника. В рамках статьи описываются методы, которые может применить адвокат в своей деятельности при производстве в суде с участием присяжных заседателей. Эффективные юридические приемы могут увеличить шансы защитника на эффективное обжалование обвинительного приговора или снизить вероятность отмены оправдательного приговора.*

***Ключевые слова:** приговор, апелляционное обжалование, присяжные заседатели, адвокат, методы защиты*

За 2023 год судами первой инстанции при производстве дел с участием присяжных заседателей было оправдано 360 человек. Но для подавляющего большинства из них это не повлекло никаких благоприятных последствий в связи с невступлением приговора в законную силу. В 2023 году в апелляционном порядке было обжаловано 1 227 приговоров, которые были вынесены при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных

заседателей. В целом был отменен 381 приговор, а из них 256 оправдательных (71,1 %) [1]. Данная ситуация явно выходит за рамки средних статистических данных и «типичной» судьбы приговоров в судопроизводстве Российской Федерации. Именно суд присяжных позволяет полноценно реализовать принцип состязательности сторон в уголовном процессе и является наиболее ярким выражением его демократичности. Еще в 1899 году Владимир Данилович Спасович писал, что «суд с присяжными стал краеугольным камнем, первообразом и нормальным типом всякого уголовного судопроизводства... Настал суд по совести и убеждению, водворились устность и гласность» [2, с. 2271]. Так и в наше время существует множество точек зрения на судьбу и значение данного института.

Представителям адвокатского сообщества необходимо осуществлять свою деятельность «здесь и сейчас». Поэтому в данной работе акцентируется внимание на практических нюансах деятельности адвоката в настоящее время, учитывая реальное положение данной формы судопроизводства в правоприменительной практике. В работе будут проанализированы как особенности обжалования приговоров, постановленных при производстве в суде с участием присяжных заседателей, так и отличительные черты составления возражений на апелляционные представления.

Производство по уголовным делам с участием присяжных обладает рядом отличительных черт, которые могут приводить к более частым нарушениям уголовно-процессуального законодательства, чем при производстве по уголовным делам в общем порядке. Зачастую это связано с формированием коллегии присяжных и последующим составлением вопросного листа. При формировании коллегии присяжных заседателей не все зависит от профессионализма прокурора или защитника в составлении вопросов. Так, при опросе присяжных заседателей они могут солгать или не ответить на вопросы сторон, что в дальнейшем может привести к нарушению процессуальных норм и отмене приговора. По данному вопросу было изучено Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2013 г. № 83-П13ПР [3] (далее — РФ). Обстоятельством для отмены приговора послужила ложь присяжного заседателя об отсутствии у него инвалидности, что нарушило право обвиняемого на заявление отвода. В связи с этим следует вывод о возможной дополнительной проверке присяжных заседателей при обжаловании приговора защитником.

Социальные сети являются неотъемлемой частью жизни, где люди добровольно делятся информацией о себе, и часть ответов можно проверить путем анализа персональных страниц пользователей. Также возможно проверить правдивость ответов через публичные источники информации — опубликованные решения судов, реестр нотариальной палаты и т. д. Через анализ решений судов, например, возможно установить факт наличия судимости у родственников и друзей присяжного, а это по ряду дел является обстоятельством, которое может помешать объективной оценке существа дела. Таким образом, законно выявленное обстоятельство, которое препятствует вынесению объективного вердикта, будет весомым доводом в апелляционной жалобе.

В качестве следующего «рискованного» процессуального действия следует упомянуть составление вопросного листа. Его некорректное составление является частым поводом для отмены приговоров. При анализе судебной практики было обнаружено несколько примечательных решений судов. К примеру, Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 июня 2022 г. № 42-УД22-5сп-А3 [4]. Основанием отмены послужило наличие противоречий между вопросами, что, в свою очередь, привело к невозможности оценить присяжными обстоятельства дела. Ответ на один из вопросов должен определить доказанность участия в нем обвиняемого при определенных обстоятельствах (совершение выстрела в голову, в результате которого потерпевший скончался), и присяжные заседатели признали данное обстоятельство недоказанным. В последующем вопросе присяжные ответили положительно на вопрос о том, что обвиняемый нажал на спусковой крючок. Противоречивые вопросы не позволили присяжным заседателем установить вопрос факта, что привело к отмене приговора. Кассационным определением ЗКСОЮ от 8 октября 2021 г. № 77-2102/2021 [5] был отменен приговор из-за схожего обстоятельства. Исходя из данной правоприменительной практики, можно прийти к выводу, что ситуации, где председательствующий не выявляет противоречия в вопросах и не заменяет вопросный лист, нередки. При анализе вопросов, по нашему мнению, будет эффективно построить иерархическую схему вопросов от обязательных (например, доказанности деяния) к дополнительным. В ходе построения схемы следует выделить три аспекта каждого вопроса, которые следует проверить (наличие противоречий, наличие вопросов права, наличие непонятных формулировок). Метод разделения больших массивов данных на схемы применяется

зачастую в точных науках и психологии. Человеку легче воспринимать информацию как что-то целостное и связанное, а значит, исследование структурированной информации может помочь при исследовании вопросного листа. Особенно это применимо при анализе вопросов, которые могут определить степень виновности, виновность подсудимого в менее тяжком преступлении, степени соучастия и осуществлении преступного намерения.

Таким образом, было рассмотрено две группы нарушений, которые могут послужить основанием для отмены приговора. Это нарушения, связанные с формированием коллегии присяжных, и нарушения, связанные с формированием вопросного листа. Но, исходя из статистики, адвокату чаще приходится оспаривать возможные процессуальные нарушения, чем настаивать на них.

Многие правоведы и практики отводят возражению на апелляционное представление (жалобу) второстепенную роль в судопроизводстве. Тем не менее следует аргументированно подходить к оспариванию доводов стороны обвинения. Защитнику при составлении возражений следует обращаться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) [6]. Именно в нем раскрывается признак существенности, указанный в статье 389.25 Уголовно-процессуального кодекса РФ [7]. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 42.1 упомянутого постановления строго определяет только ряд процессуальных нарушений, которые влекут отмену приговора. Это признание недопустимыми доказательств, представленных стороной обвинения, и исключение их из уголовного дела; отказ в исследовании представленных стороной обвинения доказательств; отказ в удовлетворении ходатайств стороны обвинения о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов; нарушение права потерпевшего на участие в судебном заседании. Иные процессуальные нарушения могут послужить основанием для отмены приговора только при условии, что они повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов. В качестве примера приводится оказание на присяжных заседателей незаконного воздействия, причем нарушение должно обязательно повлиять на объективность и беспристрастность при вынесении вердикта. Исходя из анализа постановления, по первоначальному замыслу законодателя и Верховного Суда РФ следует, что оправдательный приговор может быть отменен только при наличии крайне грубого нарушения уголовно-процессуальных норм. Судебная

практика говорит об обратном [8]. Суды признают нарушением, казалось бы, несущественные процессуальные ошибки, которые свойственны такой особой форме судопроизводства. Но даже в таких ситуациях профессиональный адвокат сможет «защитить» оправдательный приговор, приводя обоснованные доводы о возможных причинах данных нарушений. Кассационным постановлением 5КСОЮ от 4 октября 2023 г. № 77-1538/2023 [9] отменил апелляционное определение об отмене оправдательного приговора. Апелляционный суд при отмене оценил 5 процессуальных нарушений как повлиявших на объективность вердикта присяжных. Кассационная инстанция же учла количество проведенных судебных заседаний, произведенных процессуальных действий по исследованию доказательств, длительность различных этапов судебного разбирательства и срок рассмотрения уголовного дела — 2 года. Таким образом, защитнику при подготовке дела стоит обращать внимание суда апелляционной инстанции на малозначительность процессуальных нарушений и отсутствие последствий в виде влияния на вердикт присяжных. В качестве обоснования следует указать на приведенный пример крайне грубого нарушения, которое было описано в упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Рассуждая о возможном решении проблемы «неустойчивости» данных приговоров, уместно обратиться к зарубежному опыту. В Норвегии существует модель «горизонтальной» апелляции [10, с. 103]. Ее сущность состоит в том, что дело рассматривается в апелляционном порядке другой коллегией присяжных заседателей, но уже совместно с профессиональными судьями [11, с. 382]. Модель «горизонтальной» апелляции уже больше обладает признаками суда шеффенов, чем присяжных заседателей. В апелляционный суд сроком на 4 года прикрепляются судебные заседатели, которые не обладают юридическими знаниями. Они не могут пересматривать решение вопроса вины и факта, а решают, были ли процессуальные нарушения достаточно существенными для отмены приговора. Данная модель позволяет полноценно реализовать конституционное право на участие в отправлении правосудия. Многие могут считать радикальным внедрение данного института в уголовное судопроизводство России, но на это возможно возразить существованием похожего института и в праве РФ. Институт арбитражных заседателей обладает схожими признаками с судебными заседателями Норвегии: арбитражные заседатели осуществляют свои полномочия два года, и им не требуется наличие юридического образования.

Подводя итоги данной работы, следует оценить ответ на заданные вопросы. Защитник, применяя различные правовые и психологические приемы, а также ссылаясь на схожие основания отмены оправдательных приговоров, может убедить суд в незаконности обвинительного приговора. Таким образом, «неустойчивость» приговоров, постановленных при производстве в суде с участием присяжных заседателей, может быть успешно использована профессиональным адвокатом в своей деятельности. Данный институт является наиболее эффективным инструментом достижения правосудия и, хочется верить, в будущем будет только развиваться. Для этого возможно обратиться к историческому опыту нашего государства, где до революционных событий 1917 года рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в Российской империи оценивалось как одно из наиболее эффективных и справедливых в мире [12].

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2024. URL: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 28.09.2024).

2. Спасович, В. Д. О прошедшем и будущем судебных уставов / В. Д. Спасович // Право. 1899. № 48. С. 2271–2277.

3. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.05.2013 № 83-П13ПР (извлечение) // Верховный Суд Российской Федерации. 2013. URL: <https://vsrf.ru/files/14386/> (дата обращения: 05.11.2024).

4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23.06.2022 № 42-УД22-5сп-А3 // Верховный Суд Российской Федерации. 2022. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2134110 (дата обращения: 28.10.2024).

5. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 08.10.2021 № 77-2102/2021 // Третий кассационный суд общей юрисдикции. 2021. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5975466&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 28.10.2024).

6. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 // Российская газета. 2005. 02 декабря.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

8. Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024-й // Адвокатская газета. 2023. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2023-goda-i-prognoz-na-2024-y/> (дата обращения: 28.10.2024).

9. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2023 № 77-1538/2023 // Пятый кассационный суд общей юрисдикции. 2023. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 28.10.2024).

10. Килина, И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции: монография / И. В. Килина. М.: Юрлитинформ, 2020. 152 с.

11. Насонов, С. А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах / С. А. Насонов // Lex russica. 2023. № 4. С. 379–390.

12. Суд присяжных — самая справедливая, высшая форма судопроизводства // Федеральная палата адвокатов РФ. 2016. URL: <https://fparf.ru/news/media/sud-prisyazhnykh-samaya-spravedlivaya-vysshaya-forma-sudoproizvodstva/> (дата обращения: 28.10.2024).

УДК 343.237

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

В. Р. Губарева,

студентка 1-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье исследованы проблемные аспекты термина «соучастие в преступлении». Определены объективные и субъективные признаки соучастия в уголовном праве. Выделена противоречивая формулировка «лицо», обозначающая соучастника преступления. Выявлены особенности умышленного совместного участия в совершении преступления. Дана оценка научным взглядам относительно признаков соучастия. На основе анализа доктрины представлено развернутое определение понятия «соучастие в преступлении».

Ключевые слова: соучастие, соучастники, преступление, уголовное право, признаки соучастия, умысел, вменяемость, уголовная ответственность

Российское уголовное законодательство посвящает отдельную главу институту соучастия в преступлении [1]. Детальная регламентация данного института требует особого внимания по двум причинам. Во-первых, соучастие способствует более легкому совершению преступления, что увеличивает риск роста преступности и частоты привлечения к ответственности преступников в качестве соучастников. Во-вторых, соучастие предполагает распределение ролей, что повышает общую сложность не только расследования преступлений, имеющих такую особенность, но и определения преступления как совершенного в соучастии. Между тем в Уголовном законе усматриваются неточности: подробно не раскрывается смысл признаков, характеризующих соучастие, присутствует спорная формулировка в самой дефиниции «соучастия в преступлении», что влечет ее неоднозначное восприятие. В связи с вышеизложенным необходимо проанализировать институт соучастия, обозначить его ключевые признаки и составить развернутое определение понятия «соучастие в преступлении».

Законодатель в ст. 32 главы 7 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) определяет соучастие в преступлении как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Указанная дефиниция содержит ключевые признаки соучастия, которые подразделяются правоведами на объективные и субъективные. Так, по мнению исследователя Г. Е. Кобляковой, «объективные признаки соучастия обладают количественной и качественной характеристикой...» [2, с. 552]. Количественная характеристика заключается в совершении преступления двумя или более лицами, а качественная — в совместности совершения преступления.

Кроме того, среди объективных признаков соучастия необходимо упомянуть преступный результат, который находится «в непосредственной причинно-следственной связи с производимыми действиями всех соучастников» [3, с. 32]. Наличие причинно-следственной связи не только будет свидетельствовать о причастности каждого из соучастников к совершенному преступлению, но и позволит выявить их положение в структуре преступной единицы и значение в реализации противоправного умысла.

Анализируя субъективные признаки соучастия, можно отметить, что они характеризуют процессы, происходящие в психике, в сознании соучастников, и включают в себя наличие умысла в двух его значениях. В первом значении умысел направлен на совершение преступления, а во втором — на совмест-

ность его совершения. Следовательно, чтобы соучастие имело субъективные признаки, требуется доказать как психическое отношение каждого соучастника к совершенному преступлению, так и их взаимную осведомленность о своих ролях в преступном деянии.

Соучастие в преступлении выступает следствием «достижения согласия на совместное совершение преступления соучастников преступления» [4, с. 124]. Однако достижение согласия не всегда предполагает предварительный сговор. Такой признак соучастия, как совместность, подразумевает оказание помощи в реализации противоправного деяния путем совершения действий или бездействия, предусмотренных составом того или иного преступления. Участники группового преступления выполняют «согласованные действия...» [5, с. 59] и преднамеренно бездействуют в зависимости от распределенных между собой ролей. Исходя из этого, можно сказать, что свойством совместности является взаимосвязь соучастников, взаимодополняемость их противозаконного поведения.

Правовед И. А. Копьева считает, что моментом возникновения соучастия в преступлении является наличие «в деяниях нескольких лиц признаков умышленного совместного участия в совершении умышленного преступления» [6, с. 50]. Ряд ученых придерживаются мнения, что умышленность совместного участия в совершении преступления включает в себя осознание каждым из соучастников общественной опасности как собственного деяния, так и деяний остальных соучастников. При этом для соучастников должно быть очевидным желание каждого из них совершить преступление совместно, поскольку это обуславливает «взаимосвязанный характер...» [7, с. 101] их криминальной деятельности.

При определении соучастия лиц, совершивших преступление, важно установить не только согласованность их деяний, но и существование общей преступной цели — планируемого результата противозаконной деятельности. Отсутствие такой цели исключает применение норм о соучастии даже тогда, когда несколько лиц совершают преступление «в одном месте, в одно время, в отношении одного лица» [8, с. 3]. Именно единая цель, лежащая в основе общественно опасных действий и бездействия каждого из соучастников, обуславливает их самостоятельную ответственность с учетом их личного участия. Данный факт подтверждается ст.ст. 34 и 67 УК РФ, по смыслу которых ответственность соучастников преступления зависит как от характера и степени фактиче-

ского участия каждого из них в совершении преступления, так и от значения этого участия для достижения цели преступления, его влияния на характер и размер причиненного или возможного вреда.

Итак, общая цель, на которой основан умысел соучастников, выступает связующим звеном их противозаконного поведения. Противозаконное поведение каждого соучастника имеет собственное значение, исходя из роли, сыгранной как в фактическом совершении преступления, так и в общественно опасных последствиях его совершения.

Необходимо заметить, что количественная характеристика объективного признака соучастия недоработана относительно признания фактического соучастника субъектом преступления. Указанная недоработка связана с тем, что до конца непонятно, какое лицо может считаться участником группового преступления. В своей научной работе А. Н. Егоров отмечает универсальность термина «лицо», который «может охватывать как «годных», так и «негодных» субъектов преступления» [9, с. 149]. Так называемая «годность» субъекта преступления означает удовлетворение его возрастных и психических характеристик требованиям уголовного закона. Так, участником группового преступления может являться только вменяемое лицо, которое достигло необходимого возраста наступления уголовной ответственности, зависящего от совершенного общественно опасного деяния. При этом по смыслу ч. 3 ст. 20 УК РФ состояние вменяемости означает отсутствие как психического расстройства, так и отставания в психическом развитии.

Если лицо, принявшее участие в групповом преступлении, не отвечает хотя бы одному из двух обязательных признаков субъекта преступления, то соучастие в преступлении исключается. В таком случае к уголовной ответственности привлекается только лицо, имеющее все признаки субъекта преступления. Это связано с тем, что так или иначе каждый из участников преступного деяния несет ответственность индивидуального характера с учетом своей роли в осуществлении преступного посягательства на общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Таким образом, на основе проведенного исследования положений УК РФ, а именно уголовно-правовых норм, касающихся института соучастия, можно сделать вывод, что соучастие в преступлении включает в себя набор объективных и субъективных признаков, характеризующих категорию «соучастие» по несколь-

ким аспектам: количественный состав соучастников, умышленная совместность их деятельности, направленность действий соучастников на достижение противозаконного результата в виде совершения умышленного преступления.

Несмотря на предполагаемую согласованность и взаимосвязь действий в рамках реализации преступного умысла, каждый из соучастников несет самостоятельную ответственность в части собственной роли в совершении преступления. Для этого необходимо соответствие участника группового преступления требованиям, предъявляемым к субъекту преступления: возрасту наступления уголовной ответственности и состоянию вменяемости в момент совершения противоправного деяния.

Самостоятельная ответственность соучастников также предусматривает наличие особенностей личного участия в осуществлении преступного умысла: характер и степень собственного противоправного деяния, его значение для достижения преступного результата и влияние на реальные или предполагаемые общественно опасные последствия.

С учетом анализа доктрины на предмет ключевых признаков соучастия предлагается видоизменить ст. 32 УК РФ, содержащую дефиницию соучастия в преступлении, следующим образом: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых лиц, достигших возраста наступления уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления. При этом под умышленным совместным участием следует понимать целенаправленное содействие в осуществлении преступного посягательства путем совершения деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, и взаимосвязанного с деяниями иных соучастников преступления».

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Коблякова, Г. Е. Соучастие в преступлении: понятие и формы / Г. Е. Коблякова // Аллея науки. 2022. Т. 2. № 6 (69). С. 551–555.

3. Попова, Л. В. Соучастие в уголовном праве / Л. В. Попова, А. И. Карпушина // Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции. 2020. № 1. С. 30–34.

4. Сурихин, П. Л. Соучастие в преступлении: системный анализ / П. Л. Сурихин, Л. А. Попова // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 2. С. 118–126.

5. Петрушенков, А. Н. Уголовная ответственность за соучастие в преступлении при отсутствии преступной группы: миф или реальность / А. Н. Петрушенков // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2024. № 2. С. 56–61.

6. Копьева, И. А. Соучастие в преступлении без исполнителя / И. А. Копьева // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 4. С. 45–53.

7. Оганесян, Г. В. Соучастие и преступный сговор в борьбе с организованной преступностью / Г. В. Оганесян // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 20. № 2. С. 97–106.

8. Макаров, А. Н. Соучастие в преступлении по российскому уголовному праву / А. Н. Макаров // Юридический факт. 2022. № 175. С. 3–4.

9. Егоров, А. Н. Соучастие с «негодным» субъектом в групповом преступлении: фикция или реальность / А. Н. Егоров // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 1. С. 147–155.

УДК 347.4

ОКОНЧАНИЕ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Л. В. Давидова,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — Л. В. Осипова,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье представлен анализ окончания срока действия договора и соотношения момента окончания действия договора с окончанием исполнения обязательств по нему. Анализу подвергнуты нормы российского законодательства, а именно Гражданского кодекса Российской Федерации, которые регулируют вопросы, связанные с указанием момента прекращения действия договора. Выявлены различные виды условий, которыми может быть определен момент окончания действия договора. Произведено исследование судебных решений по делам, где к спорным во-

просам, в том числе, отнесены проблемы определения момента прекращения обязательств и прав сторон по заключенному договору.

Ключевые слова: окончание срока действия договора, прекращение прав и обязанностей, срок договора, исполнение обязательств

Согласно п. 3 ст. 425 Гражданского кодекса Российской Федерации, «законом или договором может быть предусмотрено, что окончание срока действия договора влечет прекращение обязательств сторон по договору, и договор, в котором отсутствует такое условие, признается действующим до определенного в нем момента окончания исполнения сторонами обязательства» [1]. По смыслу статьи, по истечении срока действия договор сохраняет свою силу до определенного в нем момента окончания исполнения обязательств, даже если формально договор считается завершенным в связи с истечением срока договора. Даже если договор формально считается прекратившим действие, он продолжает существовать и иметь силу, если продолжает существовать хотя бы одно из обязательств, возникших из данного договора. Действие обязательств автоматически не прекращается в связи с окончанием срока действия договора, они продолжают воздействовать на стороны до момента, когда будут фактически исполнены ими или будут прекращены по иным основаниям, которые могут быть установлены законом или самим договором.

Конкретный момент окончания срока действия договора определяется исходя из того, как стороны установили его в содержании договора. Момент окончания срока договора может быть определен как конкретной календарной датой, так и истечением периода времени, исчисляемого в днях, месяцах или годах, а также указанием на какое-либо событие, которое должно наступить, или же указанием на действие, бездействие одной из сторон по договору. В связи с этим, если срок договора определен конкретной датой, но обязательства по нему не исполнены в полном объеме, договор все же утрачивает свое юридическое значение после наступления указанной даты. При этом предполагается, что прекращение срока действия договора распространяется не на существующие права и обязанности, а лишь не создает для сторон новых прав и обязанностей, если иное прямо не предусмотрено в самом договоре.

Для окончательного прекращения действия договора исполнение договорных обязательств может быть выражено, например, в поставке товара и оказа-

нии услуг в том объеме, который был закреплен в договоре, или в оплате поставленных товаров и оказанных услуг в полном, а не частичном объеме и другое. При этом согласно законодательству для прекращения действия договора эти обязательства должны быть исполнены надлежащим образом [1]. Важно учесть, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей на сторону должника будет возложена не только обязанность исполнить обязательства надлежащим образом, но еще и исполнить штрафные санкции за невыполнение, ненадлежащее исполнение обязанностей, а также учесть вопросы гарантии, если она была установлена договором, действие которого юридически окончено наступившей датой или предполагаемым событием.

Стоит отметить, что норма п. 3 ст. 425 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] по своей природе является диспозитивной. Это утверждение подтверждается решениями судов по конкретным гражданским делам. К примеру, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2023 № 09АП-38914/23 по делу № А40-5953/2023 стороны предусмотрели, что срок действия контракта влечет прекращение обязательств по контракту. Согласно решению суда это положение, которое стороны предусмотрели в содержании договора, является исключением, которое отличается от общего правила, предусмотренного пунктом 3 статьи 425 ГК РФ. Судом также указано, что «такое условие соответствует диспозитивным положениям пункта 3 статьи 425 ГК РФ, предоставляющим сторонам возможность договориться об ином, а именно о том, что окончание срока действия договора влечет прекращение обязательств сторон по данному договору, за исключением отдельных положений» [3]. Так, стороны могут самостоятельно определить момент окончания действия прав и обязанностей по договору, посредством чего реализуется гражданский принцип свободы договора.

В силу п. 3 ст. 425 [1] и ст. 781 [2] Гражданского кодекса Российской Федерации в случае, если договор не прекращает своего действия даже после истечения установленного срока, исполнитель по договору может и дальше оказывать услуги, требовать их оплаты. Если же в договоре присутствует четкая формулировка о прекращении действия обязательств в связи с окончанием срока действия, то оказание услуг в рамках данного договора невозможно. Однако договор не всегда имеет юридическую силу после окончания его срока, даже если обязательства по нему не выполнены. В Постановлении Президиума Выс-

шего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2000 № 6088/99 установлено, что из совокупности норм ст. 314, ст. 425 и ст. 511 Гражданского кодекса Российской Федерации складывается общее правило о том, что истечение срока действия договора поставки прекращает обязанность поставщика поставлять предусмотренный этим договором товар [4].

Таким образом, согласно гражданскому законодательству и сложившейся судебной практике момент прекращения срока действия договора и момент прекращения обязательств по нему не всегда совпадают. Их совпадение зависит от прямого указания на это в положениях заключаемого сторонами договора. Права и обязанности, установленные договором, могут продолжать действовать для сторон и после окончания срока его действия, даже если срок его окончания установлен конкретной датой или событием, которое должно произойти в будущем, если договором или законом не предусмотрено иное.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2023 № 09АП-38914/23 по делу № А40-5953/2023. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/65761368/> (дата обращения: 10.11.2024).

4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.05.2000 № 6088/99. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/12120281/> (дата обращения: 10.11.2024).

5. Анисимов, А. П. Договорное право : учебное пособие для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общ. ред. А. Я. Рыженкова. М.: Юрайт, 2024. 348 с. URL <https://urait.ru/bcode/539009/> (дата обращения: 11.11.2024). Режим доступа: для зарегистрир. польз. СГУ им. Питирима Сорокина.

6. Казанцев, М. Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция : учебное пособие для вузов / М. Ф. Казанцев. М.: Юрайт, 2024. 393 с. URL: <https://urait.ru/bcode/541715/p.29> (дата обращения: 14.11.2024). Режим доступа: для зарегистрир. польз. СГУ им. Питирима Сорокина.

7. Коструба, А. В. К вопросу о завершении срока как правопрекращающего юридического факта и его действия в механизме правопрекращения / А. В. Коструба // Вестник Башкирского ун-та. 2013. № 3. С. 924–927. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu->

o-zavershenii-sroka-kak-pravoprekraschayuschego-yuridicheskogo-fakta-i-ego-deystviya-v-mehanizme-pravoprekrascheniya (дата обращения: 12.11.2024).

8. Кузнецова, Н. В. Правовые формы прекращения гражданско-правового договора: современное состояние и перспективы / Н. В. Кузнецова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2023. № 6. С. 1097–1100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-formy-prekrascheniya-grazhdansko-pravovogo-dogovora-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivu> (дата обращения: 13.11.2024).

9. Гинзбург, И. В. Порядок изменения (расторжения) и основания прекращения гражданско-правового договора / И. В., Гинзбург, П. О. Сульдина // Контентус. 2021. № 3 (104). С. 44–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-poryadok-izmeneniya-rastorzheniya-i-osnovaniya-prekrascheniya-grazhdansko-pravovogo-dogovora> (дата обращения: 15.11.2024).

УДК 328

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Д. А. Дорохов,

студент 2-го курса юридического факультета (специалитет)

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), г. Санкт-Петербург

Научный руководитель — Л. С. Булгакова,

старший преподаватель

кафедры государственно-правовых дисциплин, советник юстиции

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), г. Санкт-Петербург

Аннотация. В данной статье рассматриваются значимые вопросы, касающиеся основных тенденций развития парламентаризма в Российской Федерации. Проанализированы исторические особенности становления парламента в России. Особое внимание уделяется взглядам Владимира Вольфовича Жириновского на будущее парламентаризма в Российской Федерации.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, пропорциональная система, Манифест 17 октября, представительство

В XXI веке идет активный процесс поиска оптимальных путей развития демократии, первоначально важным становится учет интересов всего народа, вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе.

Некоторые государства только начинают познавать опыт конституционного строительства, а другие лишь недавно освободились от навязывания демократии извне. Как отметил Хумам Хамуди на I Международном парламентском форуме в 2013 году: «Например, в Сирии в настоящее время демократия навязывается извне, и также конституция пишется извне. Ирак был частью подобного плана. Теперь Конституцию Ирака пишут иракцы» [1, с. 54].

В настоящее время многие страны ориентируются на демократические ценности, в том числе и на парламентаризм. Говоря об этом, следует дать определение демократии.

Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года дает следующее понятие: «демократия — это универсальная ценность, основанная на свободном волеизъявлении народа, который определяет свои политические, экономические, социальные и культурные системы, и на его активном участии в решении вопросов, касающихся всех аспектов его жизни» [2].

Таким образом, демократия — это многостороннее явление, которое может проявляться в различных направлениях. Одним из них и является парламентаризм, ведь понятия «демократия» и «парламентаризм» неразрывно связаны, и, как отмечается в научной литературе, «не бывает демократии без парламентаризма, а парламентаризма без парламента» [3, с. 117]: парламент, в отличие от других политических институтов, находится в непосредственной близости к народу.

Парламентаризм в научной литературе определяют следующим образом. Например, «...это особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенстве закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка» [4, с. 10].

По справедливому определению С. А. Авакьяна, о наличии парламентаризма в стране можно говорить, «когда все перечисленное в совокупности есть в наличии — т. е. представительство, постоянная оплачиваемая работа депутатов, их определенный социальный статус, задачи и полномочия, круг дел, формы, методы и стиль работы» [5, с. 29].

Российская Федерация имеет свою, особую историю парламентаризма. Исследователи отмечают следующие этапы становления парламентаризма в России: «досоветский (1906–1917 гг.), советский (1917–1993 гг.) и постсоветский (начало которому положило принятие Конституции в 1993 г.)» [6, с. 162].

Исходя из данной периодизации, следует отметить, что в Российскую Федерацию парламентаризм пришел относительно недавно, в сравнении, скажем, с Великобританией. Но прообразы парламента существовали и со времен Руси, когда существовало Вече — своего рода представительный орган [7, с. 302].

Манифест 17 октября 1905 года положил начало для созыва первой Государственной Думы, которая должна была усмирить народные выступления, стать консенсусом между властью и обществом, однако «народ не нашел в манифесте ни страстно желанного демократического избирательного права, ни отмены исключительных законов, ни амнистии; кроме того, прогрессивные элементы страны не верили, что обещания, данные русскому народу в манифесте, действительно будут исполнены» [8].

Именно тогда Россия получила первый парламентский опыт. Мог ли быть этот опыт позитивнее? Возможно, да, если бы был взят вектор на интенсивное укрепление института народного представительства. В таких условиях Парламент стал бы компромиссом, который привел бы к сохранению, поддержке и легитимности монархической формы правления в России. Таким образом, с развитием института представительства в лице парламента Россия могла бы стать ограниченной монархией, обеспеченной ценностями демократии. Но, как известно, история не терпит сослагательного наклонения.

В современной Российской Федерации парламентом выступает двухпалатное Федеральное Собрание, которое существует с 12 декабря 1993 года и включает в себя Государственную Думу и Совет Федерации [5, с. 5].

Говоря о парламентаризме, нельзя не отметить взгляды на будущее России Владимира Вольфовича Жириновского. Он был сторонником того, чтобы Российская Федерация взяла вектор на переход к парламентской республике, ибо считал ее высшей формой проявления демократии. При такой форме правления президент бы избирался депутатами на один срок и выполнял представительные и символические функции: принимал послов иностранных государств и участвовал в церемонии награждения государственными наградами [9].

Владимир Вольфович также был приверженцем пропорциональной системы и выступал за снижение проходного барьера в Государственную Думу: «Сегодня средний балл — 5 процентов, где-то — 4, 3, есть государства (не в Европе, на Ближнем Востоке), где 1 процент. Вот это должна быть наша путеводная звезда — 1 процент» [1, с. 26–27]. Такой взгляд обусловлен тем, что тогда в парламенте будет представлено множество различных партий даже с представлением по одному депутату с непохожими друг на друга позициями, «но они все будут представлены, ибо парламент — это представительная власть...» [1, с. 26–27].

Действительно, Е. В. Чиркин также отмечает, что «парламентская республика более демократична», ведь при подобной форме правления правительство будет формироваться партией, получившей большинство на выборах, оно будет поставлено под контроль народа, и политику государства будет формировать парламент [10, с. 86].

В настоящее время мы можем наблюдать следующие основные тенденции развития отечественного парламентаризма:

1) цифровизация парламента. Подобная тенденция означает, что деятельность парламента активно цифровизируется, таким образом увеличивая доступность информации и коммуникации с гражданами, делая работу прозрачной. Так, существуют сайты Государственной Думы [11] и Совета Федерации Российской Федерации [12], позволяющие получать актуальную и достоверную информацию об их деятельности и составе. В свою очередь, Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы [13] (СОЗД) освещает порядок работы и позволяет отслеживать стадии рассмотрения и принятия законопроекта, а также открывает доступ ко многим документам;

2) развитие внутри парламента различных комитетов и комиссий, которые повышают уровень эффективности работы, а также делают деятельность прозрачной. Так, в настоящее время в Государственной Думе действуют комитеты по контролю, культуре, молодежной политике, международным делам, по науке и высшему образованию; комиссии по Регламенту и обеспечению деятельности Государственной Думы, вопросам депутатской этики и т. д. [14];

3) на данный момент в Российской Федерации есть предпосылки к становлению парламентской республики: рост уровня политической культуры граждан, довольно сильный контрольный механизм Парламента. Но мы можем наблюдать, что в настоящее время, наоборот, идет ослабление позиции Парламента и выдви-

жение Президента. Подобное может объясняться политико-правовой традицией России, которая заключается в ее многовековой патриархальности, ведь образ сильного царя, доставшийся нам со времен императорской России, прочно вошел и реципировался на нынешнем институте Президента Российской Федерации.

Таким образом, многовековая патриархальность является одним из ключевых факторов, который объясняет централизацию власти, что препятствует становлению парламентской республики в России. При этом развитие парламентаризма в Российской Федерации — очень сложный и многоаспектный процесс, который зависит от совокупности различных факторов.

1. Современный парламентаризм и будущее демократии : материалы первого Международного парламентского форума. М.: Издание Государственной Думы, 2013. 320 с.

2. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml#t5 (дата обращения: 28.07.2024).

3. Керимов, А. А. Демократия как необходимое условие парламентаризма / А. А. Керимов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 1 (112). С. 116–122.

4. Жиронкин, Д. С. Современный Европейский парламентаризм / Д. С. Жиронкин // Вологодские чтения. 2006. № 58. С. 10–11.

5. Авакьян, С. А. Федеральное Собрание — парламент России. М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1999. 432 с.

6. Турбанов, Г. А. Российский парламентаризм: историко-правовое исследование / Г. А. Турбанов, Д. В. Алонцева // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции, Курск, 24 марта 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. Т. 2. С. 162–164.

7. Шовгенов, Ф. Р. Демократия и парламентаризм: общие принципы и российский опыт / Ф. Р. Шовгенов // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 300–303.

8. Как прошли выборы в Государственную Думу. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=162303> (дата обращения: 28.07.2024).

9. 19 вопросов Владимиру Жириновскому. URL: <https://ria.ru/20120123/553150038.html> (дата обращения: 29.07.2024).

10. Чиркин, В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование: монография / В. Е. Чиркин. М.: Норма, ИНФРА-М, 2022. 240 с.

11. Государственная Дума: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/> (дата обращения: 31.07.2024).

12. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://council.gov.ru/> (дата обращения: 31.07.2024).

13. Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 31.07.2024).

14. Комитеты и комиссии // Государственная Дума: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/duma/commissions/> (дата обращения: 30.07.2024).

УДК 349.41

ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

А. С. Завьялов, А. Ю. Косыгина,

студенты 4-го курса юридического факультета (специалитет)

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Научный руководитель — Т. М. Куценко,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Аннотация. Авторами проведено исследование, посвященное комплексному анализу проблем, возникающих при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд в современной России. На основе полученных результатов предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и практики изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, направленные на обеспечение баланса интересов государства и собственников земли.

Ключевые слова: земельное законодательство, земельные участки, изъятие, государственные и муниципальные нужды, злоупотребление правом

В рамках государственной политики, направленной на экономическое развитие и улучшение инфраструктуры, Россия реализует масштабные проекты в энергетической сфере и выполняет международные обязательства. Проекты требуют значительных земельных ресурсов, что обуславливает необходимость

изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Дефицит отдельных категорий земель, являющийся следствием активного экономического развития и реализации инфраструктурных проектов, становится ключевым фактором, ускоряющим процессы изъятия участков под государственные и муниципальные нужды.

Изъятие земли и имущества для государственных или муниципальных нужд — это двухэтапный процесс, начинающийся с поиска собственников. Уполномоченные органы власти делают запросы в Росреестр, а при необходимости — в архивы и другие государственные структуры. Одновременно проводится широкое оповещение о предстоящем изъятии (не менее чем за 60 дней до решения) на официальном сайте и муниципальных информационных ресурсах. Если собственники не установлены, инициируется судебное разбирательство по установлению права собственности за государством. После принятия решения об изъятии (в течение 10 дней) информация публикуется на официальном сайте, в СМИ, а документы направляются в Росреестр, собственникам (при их установлении) и заявителю. Предпочтительным является добровольное изъятие на основе письменного соглашения с каждым правообладателем, возможное с предоставлением равноценной компенсации в виде другой земли или имущества. Соглашение охватывает всю принадлежащую одному лицу землю и расположенные на ней объекты. В случае отказа от добровольного соглашения изъятие происходит принудительно через суд, который определяет размер компенсации за землю и строения с учетом рыночной стоимости. Таким образом, процесс предполагает первоначальный этап поиска собственников и переговоров, а затем, при отсутствии согласия, — судебное разбирательство с обязательной денежной компенсацией [1, с. 211].

Статья 49 Земельного кодекса Российской Федерации [2] (далее — РФ), устанавливая основания для изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, недостаточно конкретна, что приводит к ее неоднозначному толкованию и применению на практике. Перечень обстоятельств, позволяющих изъять землю, описан в статье слишком широко и предоставляет органам власти значительную свободу интерпретации понятия «государственные или муниципальные нужды». Отсутствие в законодательстве однозначного определения «государственных и муниципальных нужд» может привести к большому количеству нарушений со стороны государственных и муниципаль-

ных органов. Злоупотребления проявляются в принудительном изъятии земельных участков у граждан под предлогом государственных или муниципальных нужд, фактически служащих интересам частных субъектов, деятельность которых лишь опосредованно приносит пользу обществу.

Суды отменяют приказы об изъятии земель для государственных нужд, если приказ не обоснован, и не соблюдены все необходимые условия изъятия. В частности, наличие у третьих лиц лицензии на пользование недрами (например, на добычу золота) само по себе не является достаточным основанием для изъятия земли под предлогом общественных интересов. Суды указывают на необходимость четкого и обоснованного объяснения в приказе того, почему именно изъятие земли необходимо для удовлетворения государственных нужд. Простое наличие месторождения, даже если оно указано в лицензии, недостаточно, особенно если это месторождение не является уникальным или стратегически важным. Суды требуют полного и исчерпывающего обоснования необходимости изъятия для признания приказа законным [3].

Суды часто отказывают в удовлетворении исков об изъятии земельных участков, предназначенных для государственных и муниципальных нужд, из-за нарушений в процедуре их изъятия. Основная проблема заключается в несоблюдении установленного порядка, особенно в неправильном уведомлении собственников. Например, иск, поданный департаментом имущественных и земельных отношений и ГБУ «Управление автомобильных дорог области», был отклонен, поскольку уведомление о решении об изъятии было направлено не текущему собственнику, а прежнему. Нарушение стало основанием для отказа, так как процесс изъятия требует надлежащего уведомления именно действующего владельца [4].

Несоблюдение процедуры изъятия земельного участка или отсутствие решения об изъятии не освобождают государство от ответственности за возмещение собственнику причиненных убытков, что подтверждает судебное решение по иску гражданки И., которой компенсируется рыночная стоимость ее участка, незаконно использованного при строительстве дороги местной администрацией — без соблюдения установленного порядка. Однако существующий законодательный пробел, выражающийся в отсутствии установленных сроков выплаты компенсации, позволяет органам власти затягивать этот процесс, нарушая права собственников. Для защиты прав граждан и предотвра-

щения злоупотреблений необходимо внести изменения в Земельный кодекс РФ, регламентирующие сроки выплаты компенсаций за неправомерное лишение земельной собственности [5].

Массовое изъятие земель в Сочи в преддверии Олимпиады-2014, осуществленное на основании Федерального закона № 310-ФЗ, продемонстрировало практические проблемы принудительной передачи имущества, предусмотренной ст. 281 Гражданского кодекса РФ. Несмотря на законность процедуры, изъятие земель подразумевало переселение жителей из центра города на окраину в жилье, не отвечающее минимальным стандартам проживания, что привело к многочисленным судебным искам, оспаривающим неэквивалентный обмен жилья. Однако суды, как правило, вставали на сторону городской администрации, оставляя жителей в неблагоприятных условиях [6]. Ситуация указывает на превалирование интересов государственных органов и земельных специалистов в процессе изъятия земель, даже при явном несоблюдении принципа равноценной компенсации, что свидетельствует о пробелах в законодательном обеспечении защиты прав граждан при принудительном отчуждении имущества в условиях реализации масштабных государственных проектов.

В Печоре произошел случай грубого нарушения земельного законодательства РФ при изъятии земли для муниципальных нужд. Администрация МР «Печора», игнорируя требования ст. 56.10 Земельного кодекса РФ, не приняла решение об изъятии земельного участка у Мурзиной В. П. и не направила ей проект соглашения об изъятии, лишив возможности пользоваться жилым помещением и оставив без постоянного места жительства. Прокуратура, защищая интересы Мурзиной В. П., обратилась в суд. Суд обязал администрацию принять законное решение об изъятии участка, направить Мурзиной В. П. проект соглашения с определением компенсации [7]. Данный случай демонстрирует системную проблему: недобросовестное исполнение администрацией своих обязанностей при изъятии земель, приводящее к нарушению прав собственников. Для предотвращения подобных ситуаций необходимо анализировать количество подобных ошибок муниципальных и государственных служащих, иницируя меры ответственности в случае систематических нарушений, свидетельствующих о недостаточной компетентности.

Таким образом, современное законодательство о принудительном изъятии частной земли для государственных нужд несовершенно и создает риск си-

стематического нарушения конституционных прав собственников. Отсутствие четких правил, регламентирующих сам процесс изъятия, а особенно порядок и источники компенсации ущерба, порождает многочисленные конфликты и правовые коллизии. Для решения этой проблемы необходимо разработать и принять новый, детальный законодательный акт, ясно и однозначно определяющий механизм изъятия земли, устанавливающий строгие сроки выплаты компенсаций с указанием конкретных источников финансирования и гарантирующий справедливое и своевременное возмещение всех понесенных собственниками убытков.

Существующая правовая база не соответствует задачам, стоящим перед государством, и требует полной переработки с целью создания прозрачной и эффективной системы, обеспечивающей защиту прав собственников и исключая произвол при изъятии частной собственности для общественных потребностей.

1. Скращук, Р. А. Проблемы совершенствования законодательства об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд / Р. А. Скращук, В. А. Шумова // Актуальные проблемы отраслевой юридической науки : сборник научных трудов по итогам XII Международной научно-практической конференции и III Международной научно-практической конференции, Владимир, 29 ноября — 01 декабря 2023 года. Владимир: ООО ТСК «Копиа-Сервис», 2023. С. 211–214.

2. Земельный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета. 2001. 30 октября.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016). URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/15168/> (дата обращения: 29.10.2024).

4. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71174790/> (дата обращения: 29.10.2024).

5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.08.2018 № Ф09-4286/18 по делу № А60-57049/2017//. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=193922#Fif0v2T6plFdN7VJ1> (дата обращения: 29.10.2024).

6. «Олимпийское» переселение: детали и подробности. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/5304.html> (дата обращения: 29.10.2024).

7. Решение Печорского городского суда Республики Коми № 2-1642/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/U2Asr3t9wndZ/?regularartxt=®ular-case_doc=®ular (дата обращения: 29.10.2024).

УДК 343.1; 343.2

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА — ЗА И ПРОТИВ

А. С. Заколodka,
студентка 3-го курса юридического факультета (магистратура)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь
Научный руководитель — И. В. Килина,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

Аннотация. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации неоднократно вносились изменения с целью оптимизации стадии возбуждения уголовного дела. В процессе разработки новых нормативных правовых актов предлагалось исключить стадию возбуждения уголовного дела из уголовного процесса. В статье рассмотрены различные подходы к этому вопросу.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, совершенствование, досудебное производство

Стадия возбуждения уголовного дела является предметом дискуссий и споров. Несмотря на то что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (далее — УПК РФ) действует уже в течение длительного времени, вопросы, связанные с данной стадией уголовного процесса, остаются актуальными и требуют дальнейшего изучения. Таким образом, цель данной статьи — проанализировать положительные и отрицательные стороны стадии возбуждения уголовного дела и предложить возможные способы ее реформирования.

Анализ научной дискуссии вокруг института возбуждения уголовного дела позволяет выделить три основных подхода.

Первый заключается в сохранении данной стадии, поскольку она является важным элементом уголовно-процессуального механизма, предотвращающим произвольное применение мер принуждения. Представители этого подхода — В. А. Азаров, О. В. Мичурина, А. С. Барабаш, Е. А. Бравилова, А. Г. Волеводз, А. А. Давлетов, Л. А. Кравчук [2; 3; 4; 5; 6; 7] и другие.

Второй подход заключается в том, что данная стадия необходима, однако требует реформирования для обеспечения соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Представители этого подхода — И. В. Головинская, С. Н. Воробей, Ю. В. Деришев, И. С. Дикарев, В. В. Кожокар, Э. К. Кутуев, О. В. Логунов, С. П. Умнов [8–12] и другие — указывают на необходимость совершенствования действующего порядка возбуждения уголовных дел. С момента вступления в силу УПК РФ [1] произошли существенные изменения во многих федеральных законах, изданы общие приказы, регулирующие порядок регистрации сообщений о преступлениях, а также, в целях обеспечения законности в ходе процессуальных действий, проводимых в рамках расследования преступлений, были приняты дополнительные меры прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Кроме того, в УПК РФ были внесены изменения, направленные на усиление защиты прав граждан, в отношении которых проводится проверка сообщений о преступлениях. В частности, в статью 144 была добавлена часть 1.1, которая закрепляет дополнительные правовые гарантии для этих лиц [1]. Теперь им обязательно разъясняется право не свидетельствовать против себя и своих близких, обжаловать действия и решения должностного лица, осуществляющего проверку, пользоваться помощью адвоката.

Вместе с тем требуется дальнейшее совершенствование как закона, так и практики его применения. Представляется, положительное влияние на эффективность начальной стадии процесса может оказать усиление надзорных полномочий прокурора. Видится разумным предоставление прокурорам цифровых копий материалов уголовного дела. Это позволит более эффективно контролировать законность процессуальных решений и соблюдение процессуальных сроков при проверке сообщений. В том числе обеспечивать права заявителя о преступлении и требовать от следственных органов незамедлительного признания лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела или получения данных о потерпевшем.

Таким образом, хотя и были внесены изменения в закон, они не смогли полностью решить все проблемы, связанные с возбуждением уголовных дел. Возможно, требуется более тщательный анализ и обсуждение этих вопросов, чтобы найти оптимальное решение.

Третий подход предполагает отказаться от стадии возбуждения уголовного дела. Данной позиции придерживаются Л. М. Володина, А. С. Александров, С. А. Грачев, Б. Я. Гаврилов [13–15] и другие, аргументируя ее следующими доводами:

1. На стадии возбуждения уголовного дела статус участников уголовного процесса остается неопределенным, и признание их прав происходит только после возбуждения дела, что может приводить к нарушениям их прав и интересов.

2. Предотвращение коррупции.

3. Ускорение процесса принятия решений и сокращение количества процессуальных действий.

4. Ускорение процесса приведет к снижению финансовых затрат на проведение уголовного расследования.

Далее обратимся к статистическим данным, основанным на результатах прокурорской деятельности на территории Пермского края за 2020–2021 годы. В 2020 году в ходе осуществления надзорной деятельности за соблюдением законодательства прокурорами было зафиксировано 56 335 нарушений. Из них 38 559 связаны с процедурами приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях. В результате было отменено 86 постановлений о возбуждении уголовного дела и 24 694 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В 2021 году было отмечено увеличение количества нарушений, которое составило 61 353. Из них 36 172 случая были связаны с процедурами приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях. В результате было отменено 120 постановлений о возбуждении уголовного дела и 20 852 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [16].

Анализ данной статистики позволяет сделать вывод, что количество нарушений, допускаемых при принятии процессуальных решений, имеет тенденцию к увеличению. Это указывает на необходимость внесения значительных изменений в порядок возбуждения уголовных дел на данном этапе.

Одним из таких изменений могло бы стать использование достижений науки и техники для проверки заявлений с целью возбуждения уголовного дела.

Для достижения этой цели можно прибегнуть к использованию официальных веб-сайтов, что позволит снизить уровень латентности правонарушений на этапе первичной проверки сообщения.

Усиление прокурорского надзора в совокупности с применением технических достижений на стадии возбуждения уголовного дела может обеспечить оптимизацию в вопросе об использовании в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности. Так, С. Б. Россинский указывает на то, что необходимо исключить повторность проверки сведений, полученных от компетентных лиц, с целью незамедлительного присвоения им статуса доказательств [17]. Примером могут послужить результаты оперативно-разыскной деятельности. После проведения данных действий руководитель уголовного розыска проверяет законность принятых решений и ход их исполнения, и затем передает результаты следователю. Следователь должен провести проверку повторно.

Следует отметить, что непосредственное использование результатов оперативно-разыскных мероприятий в рамках уголовного дела возможно только в сочетании с другими доказательствами, полученными в соответствии с нормами права, установленными для органов предварительного расследования и суда. Таким образом, отрицать возможность непосредственного использования результатов оперативно-разыскных мероприятий в процессе доказывания было бы нецелесообразно. Напротив, необходимо их узаконить и придать им правовой характер. Представляется, в условиях чрезмерной нагрузки на органы дознания и следствия, ведущей к большому количеству процессуальных нарушений, подобные предложения могли бы способствовать оптимизации процессуальной деятельности.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что процесс возбуждения уголовного дела не является безупречным и требует дальнейшего совершенствования. Исследователи и практики в области уголовного права и процесса постоянно стремятся найти пути разрешения проблем, возникающих как на стадии возбуждения уголовного дела, так и в ходе всего следствия. Однако изменения, которые могут повлиять на природу и содержание правовых институтов, должны быть реализованы комплексно, на основе научных исследований и финансово-экономического анализа.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

2. Азаров, В. А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? / В. А. Азаров // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13–17.

3. Мичурина, О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. В. Мичурина. М., 2008. 61 с.

4. Барабаш, А. С. Стадия возбуждения уголовного дела в свете российского национального менталитета / А. С. Барабаш // Современные проблемы и перспективы развития предварительного следствия в Российской Федерации : сборник научных трудов / Федеральное гос. казенное образовательное учреждение высш. проф. образования «Уральский юридический ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации», Каф. уголовного процесса; [редкол.: О. А. Зеленина (пред.) и др.]. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России. С. 33–40.

5. Бравилова, Е. А. О перспективах реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе / Е. А. Бравилова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 10–17.

6. Волеводз, А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А. Г. Волеводз // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.

7. Давлетов, А. А. Стадия возбуждения уголовного дела — обязательный этап современного отечественного уголовного процесса / А. А. Давлетов, Л. А. Кравчук // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114–120.

8. Головинская, И. В. Ретроспектива и перспектива стадии возбуждения уголовного дела / И. В. Головинская, М. В. Крестинский, М. М. Головинский // Современное право. 2016. № 11. С. 77–84.

9. Воробей, С. Н. Вопросы повышения эффективности производства следственных и процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела / С. Н. Воробей // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 7–14.

10. Деришев, Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» / Ю. В. Деришев // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36.

11. Кожокарь, В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Кожокарь. М., 2016. 35 с.

12. Логунов, О. В. О необходимости упразднения современной стадии возбуждения уголовного дела / О. В. Логунов, С. П. Умнов, Э. К. Кутуев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 8–10.

13. Володина, Л. М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства / Л. М. Володина // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 195–214.

14. Александров, А. С. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить / А. С. Александров, С. А. Грачев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101–108.

15. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? / Б. Я. Гаврилов // Публичное и частное право. 2015. № 4. С. 141–157.

16. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации — прокуратуры Пермского края за 2021 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_59/activity/statistics/office/result?item=69830077 (дата обращения: 20.10.2024).

17. Россинский, С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения / С. Б. Россинский // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 70–84.

УДК 342.95

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В ОБЛАСТИ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. В. Зиновьева,

студентка 6-го курса Юридического института (специалитет)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. В. Черкасов,

д-р юрид. наук, доцент,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье представлены результаты анализа деятельности уполномоченных органов и должностных лиц МЧС России в сфере обеспечения и реализации мероприятий государственного контроля (надзора) в области пожарной безопасности. Определены позитивные тенденции и проблемные аспекты в данной сфере. Акцентировано внимание на организационно-правовой пробельности в обеспечении жилых помещений средствами оповещения о пожарной опасности, предложены пути ее исключения.*

Ключевые слова: *государственный контроль (надзор) в области пожарной безопасности, МЧС России, обеспечение, проблемы, правила, пожарный извещатель, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации*

Одной из функциональных обязанностей государства является обеспечение пожарной безопасности. Из статьи 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» следует, что пожарная безопасность — состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров [1]. Указом Президента Российской Федерации от 11.07.2004 № 868 утверждены Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [2]. Согласно данному нормативному правовому акту функции по надзору и контролю в области обеспечения пожарной безопасности возложены на федеральный орган исполнительной власти в лице Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (далее — МЧС России).

В рамках осуществления федерального государственного пожарного надзора МЧС России в 2023 г. составлено 101 497 протоколов об административных правонарушениях, уменьшение на 1,38 % (в 2022 г. — 102 915), назначено административных наказаний в виде штрафа на сумму 1 294 283 тыс. рублей, увеличение на 47,61 % (в 2022 г. — на 678 047 тыс. рублей), назначено административных наказаний в виде предупреждения — 73 328, увеличение на 9,82 % (в 2022 г. — 66 122), количество решений об административном приостановлении деятельности — 121, уменьшение на 31,63 % (в 2022 г. — 177), количество выданных предписаний — 44 248, увеличение на 22,84 % (в 2022 г. — 34 143). Всего в 2023 г. проведено 39 579 плановых контрольных (надзорных) мероприятий (в 2022 г. — 31 858) и 50 103 внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий (в 2022 г. — 44 868). Кроме того, по итогам 2023 г. зафиксировано 360 940 пожаров. В ходе пожарно-спасательных операций от огня спасено 26 905 человек. Всего за 2023 год пожарными осуществлено более 2,8 млн выездов [3].

В 2023 г. в целях осуществления профилактических и надзорных мероприятий в рамках федерального государственного пожарного надзора, которые состоялись в количестве 89 тыс., надзорными органами МЧС России привлечено к административной ответственности свыше 5 тыс. юридических лиц, свыше 11

тыс. должностных лиц и более 14 тыс. граждан. За неисполнение в срок законных предписаний передано в суды свыше 5 тыс. дел об административных правонарушениях. В результате проведенной работы устранено 306 тыс. нарушений противопожарных требований. В сфере федерального государственного пожарного надзора проведена модернизация системы риск-ориентированного подхода при планировании проверок. В рамках пресечения нарушений требований пожарной безопасности органами надзорной деятельности и профилактической работы территориальных органов МЧС России за нарушения требований пожарной безопасности назначено свыше 33 тыс. административных наказаний в виде штрафа на сумму более 1,2 млрд руб. [3].

Вышеприведенные показатели о деятельности МЧС России свидетельствуют о значимости государственного пожарного надзора и достаточной эффективности формы ее осуществления. Вместе с тем в настоящее время существенной проблемой остается возникновение пожаров в жилищных массивах и, соответственно, гибель граждан в результате таких пожаров. Следует отметить, что наибольшее количество погибших граждан при пожаре и количество пожаров в целом сосредоточиваются именно в жилищных массивах, где государственный пожарный надзор по реальным причинам имеет лимитированные механизмы воздействия.

Значительным толчком в решении вопросов осуществления государственного пожарного надзора в жилых домах стало введение требования о наличии пожарного извещателя. Так, в соответствии с действующими в настоящее время нормами, регулирующими вопросы пожарной безопасности, к домам, которые вводятся в эксплуатацию, предъявляются требования об обязательном оборудовании системами противопожарной защиты (пожарными извещателями) [4]. За 2023 год вследствие установленных в жилых помещениях и домах граждан пожарных извещателей от огня удалось спасти более 250 детей. Ежегодно установленные пожарные извещатели способствуют сохранению жизней нескольким тысячам граждан [3]. Приведенные данные свидетельствуют о значимости установки в каждом доме пожарного извещателя.

Однако в домах, введенных в эксплуатацию до установления вышеуказанного требования, установка системы противопожарной защиты производится в добровольном порядке на основании решения общего собрания собственников жилья и, соответственно, за счет средств таких собственников. Исключением

являются многодетные семьи и граждане, нуждающиеся в социальной поддержке. У данных категорий с 1 марта 2023 года имеются законные основания требовать оснастить такими приборами свои жилые помещения и дома в рамках региональных госпрограмм [4].

И все же сегодня остро стоит проблема осуществления государственного пожарного надзора в жилищных массивах, введенных в эксплуатацию до появления требования об установке противопожарной защиты, ибо от внезапно возникших возгораний продолжают гибнуть люди, особенно дети. Наличие в доме пожарного извещателя могло бы спасти их жизни. В данной связи сотрудникам МЧС России на постоянной основе следует проводить информационные беседы на тему жизненной важности наличия такого прибора в жилом помещении.

Вместе с тем установка противопожарного оборудования в «старых» жилых домах пока является добровольной, а «норма» об установке пожарного извещателя в таких домах носит лишь рекомендательный характер. И хотя такой прибор, как пожарный извещатель, стоит в настоящее время недорого, его покупку в силу различных причин многие не планируют. Так, исходя из анализа официальных открытых источников данных [5], следует, что основными причинами отказа от установки вышеуказанного прибора является страх граждан на срабатывание прибора при подгорании пищи в процессе ее приготовления, а также на табачный дым. Кроме того, некоторые граждане полагают, что пожарный извещатель является средством контроля.

Таким образом, ввиду отсутствия прямо предусмотренной нормы, обязывающей установку противопожарного извещателя в каждом доме и в каждом жилом помещении, осуществлять государственный пожарный надзор в жилищном секторе в полной мере не представляется возможным. Следовательно, история о несчастных случаях и трагической гибели граждан в жилых домах во время пожара продолжится.

Решение вышеизложенной проблемы видится в следующем. Во исполнение обязанности государства перед населением обеспечить пожарную безопасность представляется целесообразным возложить на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации за счет их бюджетных средств прямую обязанность по оснащению квартир и домов системами противопожарной защиты. В этом случае в рамках государственного пожарного надзора сотрудники МЧС России смогут контролировать наличие пожарных извеща-

телей в каждом доме и жилом помещении. В случае возложения на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации такой обязанности усматривается необходимость внесения изменения в Правила противопожарного режима в Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2020 г. № 1479 [4], а именно дополнить их пунктом 85.2 следующего содержания: «Комнаты квартир и жилых домов (за исключением помещений вспомогательного использования), не подлежащих защите системой пожарной сигнализации и (или) системой оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре, оборудуются автономными дымовыми пожарными извещателями».

Кроме того, усматривается необходимость в возложении на собственника квартиры обязанности не создавать препятствия в осуществлении органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации полномочия по оборудованию жилых помещений системами противопожарной защиты.

1. О пожарной безопасности : федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

2. Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий : указ Президента Российской Федерации от 11.07.2004 № 868 // Собр. законодательства РФ. 2004. № 28. Ст. 2882.

3. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2023 году» // МЧС России: официальный сайт. URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7343> (дата обращения: 10.11.2024).

4. Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 № 1479 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 39. Ст. 6056.

5. Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России): официальный сайт. URL: <https://mchs.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 342.565.2

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С УПЛАТОЙ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

А. А. Зуева, Е. В. Рязанцев,

студенты 5-го курса юридического факультета (специалитет)

Российский государственный университет правосудия

Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель — Р. В. Терентьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зам. зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин

Российский государственный университет правосудия,

Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В защите прав и свобод граждан ключевую роль играет Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции которого существенно воздействуют на таможенное законодательство. В работе исследуются основные аспекты влияния правовых позиций Конституционного Суда России на таможенное законодательство, раскрывается важность изучения правоприменительной практики, определяется значимость таможенных платежей, а также динамика судебных решений по вопросам, связанным с уплатой таможенных платежей.*

***Ключевые слова:** таможенные органы, таможенные платежи, таможенное законодательство, налог на добавленную стоимость, законодательство о налогах и сборах, Конституционный Суд Российской Федерации, правовые позиции*

Таможенные платежи представляют собой особый регулятор, устанавливаемый государством на обязательной основе, который позволяет защищать экономические интересы такого государства. Их определяющая роль подтверждается следующими обстоятельствами. Во-первых, посредством таможенных платежей формируется часть федерального бюджета Российской Федерации. Во-вторых, таможенные платежи поддерживают эффективное регулирование внешней торговли. В-третьих, таможенные платежи обеспечивают защиту экономических интересов Российской Федерации.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации, в свою очередь, всегда имели особую значимость, а его правовые позиции представляют интерес с точки зрения научного анализа. Схожее мнение выражает Н. С. Бондарь,

характеризуя Конституционный Суд Российской Федерации: «генератор научных идей, он самым непосредственным образом участвует в их формировании, выступает действенным фактором развития российской конституционно-правовой науки, а практика конституционного правосудия представляет собой онтологический компонент конституционной юриспруденции» [1, с. 36]. Проблемам учета правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в правоприменительной практике посвящено значительное количество исследований [2–4].

Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации [5] содержит информацию о вынесенных постановлениях, определениях, решениях, а также заключениях, касающихся разных сфер правового регулирования. Авторами предпринята попытка анализа динамики вынесения Конституционным Судом Российской Федерации решений, связанных именно с таможенными платежами.

Анализируемым периодом являлся промежуток с 2019 года по первое полугодие 2024 года. Результаты анализа представлены на диаграмме (рис.). Слева — количественные показатели вынесенных решений. «Синяя категория» отвечает за общее количество судебных решений. «Оранжевая категория» отвечает за общее количество Определений. «Зеленая категория» отвечает за общее количество Постановлений. «Фиолетовая категория» отвечает за общее количество Разъяснений.

Несмотря на то, что Разъяснения выносятся в форме Определений, существует возможность выделить их в отдельную категорию.

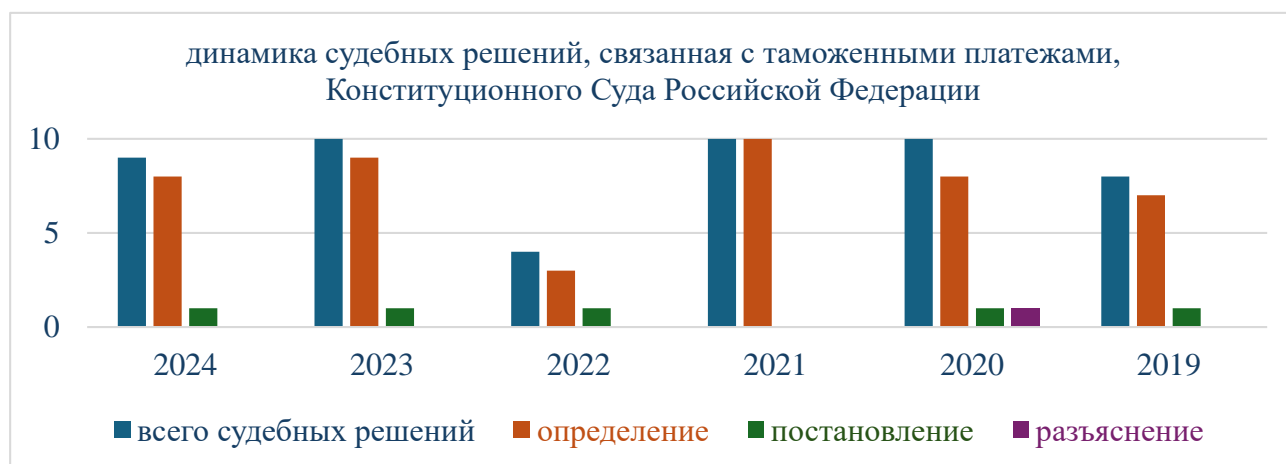

Рис. Динамика судебных решений

Проанализировав решения Конституционного Суда Российской Федерации по обращениям, связанным с таможенными платежами, приходим к следующим выводам.

Динамика судебных решений демонстрирует преимущественно вынесение Определений об отказе в принятии к рассмотрению обращений. За все анализируемые периоды к рассмотрению было принято лишь пять жалоб и вынесено одно Разъяснение. Однако участники внешнеэкономической деятельности продолжают обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации, что подтверждает востребованность правовых механизмов, связанных с деятельностью Суда в данной сфере. Необходимо обозначить, что Конституционный Суд Российской Федерации не обладает полномочиями на рассмотрение обращений, связанных с проверкой конституционности вступивших в силу международных договоров. В связи с тем что большинство таможенно-правовых норм имеет международно-правовую природу, Конституционный Суд отказывает в принятии к рассмотрению обращений, связанных с проверкой конституционности таких норм, формулируя, тем не менее, значимые для правоприменителя правовые позиции.

Необходимо констатировать, что в связи с вступлением в силу актов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) возможности по вынесению Конституционным Судом Российской Федерации постановлений, связанных с уплатой таможенных платежей, не утрачены полностью.

Ярким примером формирования позиции Конституционного Суда Российской Федерации по делам, связанным с уплатой таможенных платежей, является Постановление Суда от 10.07.2017 года № 19-П [6]. Обращение заявителя с проблемой, связанной с уплатой налогов при перемещении товаров через границу, позволило Конституционному Суду обратиться к рассмотрению жалобы по существу, так как уплата налогов на иностранные товары происходит преимущественно в соответствии с национальным законодательством.

Предметом рассмотрения стал п. 2 п. 2 ст. 164 Налогового кодекса Российской Федерации и Перечень кодов видов товаров для детей согласно Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, в соответствии с которыми при реализации детских колясок налоговая ставка исчисляется в 10 %. Так, ООО «Мишутка» поставило на территорию Россий-

ской Федерации детские коляски под соответствующим кодом и исчислило налог на добавленную стоимость 10 процентов. Однако таможенные органы потребовали указать полную комплектацию колясок и изменить ставку налога на 18 процентов. Общество изменило ставку налога на добавленную стоимость и указанные сведения в декларации, но с требованиями таможенных органов не согласилось и обратилось за защитой своих прав в арбитражный суд. Арбитражный суд, в свою очередь, не удовлетворил требования и пришел к выводу, что детские коляски в комплектации с сумкой, корзиной, противомоскитной сеткой и чехлом от дождя не соответствуют товару, указанному в Перечне кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза. Суд исходил из того, что в данном Перечне кодов не указаны дополнительные принадлежности к детским коляскам.

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации, исследовав материалы, пришел к следующим выводам. Законодательство о налогах и сборах должно содержать четкие и понятные нормы, сформулированные таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги нужно платить. Неясность нормы законодательства о налогах и сборах может повлечь дискриминирующее применение такой нормы государственными органами, а также нарушение конституционного принципа юридического равенства. Конституционный Суд Российской Федерации также ссылается на Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2014 № 33: «При осуществлении полномочий по определению кодов Правительство Российской Федерации не вправе вводить дополнительные основания ограничений на ее применение, которые прямо не вытекают из положений п. 2 ст. 164 Налогового кодекса Российской Федерации» [7]. Вместе с тем Конституционный Суд определил, что включаемые производителем в комплектацию детских колясок отдельные ее элементы (например, сумки, сетки, корзины, чехлы и другие принадлежности) должны классифицироваться совместно, если являются частью такой комплектации и продаются комплексно. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу, выявил правовой смысл указанных положений и указал, что правоприменительные решения подлежат пересмотру.

Проанализировав указанное решение Конституционного Суда Российской Федерации, приходим к следующему заключению. Недостаточная правовая защита участников внешнеэкономической деятельности, заключающаяся в неправильном толковании определенных нормативных правовых актов Российской Федерации, может приводить к необоснованным требованиям по уплате таможенных платежей. Следствием таких необоснованных требований выступает снижение доверия к таможенным органам, а также возникновение дополнительных экономических рисков для бизнеса.

Недостаточная информированность участников внешнеэкономической деятельности о требованиях и особенностях совершения таможенных операций может быть связана с частой изменчивостью законодательства в сфере таможенного регулирования. Недостаточная информированность участников внешнеэкономической деятельности (включая импортеров, экспортеров, государственные органы, судебные органы и агентов валютного контроля) приводит к различным правовым спорам.

Участникам внешнеэкономической деятельности следует обращать особое внимание на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в части уплаты таможенных платежей ввиду распространенности споров в данной сфере, разрешаемых в рамках деятельности всех уровней судебной системы. Крайне важно указать, что участникам внешнеэкономической деятельности и таможенным органам стоит учитывать в правоприменительной практике не только Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, но и Определения об отказе в принятии к рассмотрению жалобы и Определения, содержащие разъяснения ранее вынесенных Постановлений, так как правовая позиция содержится не только в Постановлениях, но и в Определениях.

Таким образом, приходим к выводу, что учет решений Конституционного Суда Российской Федерации, связанных с таможенными платежами, содействует единообразию судебной практики и снижению количества обращений за судебной защитой прав. Сами правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации оказывают значительное влияние на таможенное законодательство. Они способствуют обеспечению конституционности нормативных актов, развитию правоприменительной практики, защите прав и свобод

граждан, а также формированию правовой культуры участников внешнеэкономической деятельности.

1. Бондарь, Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 35–46.

2. Агаджанов, А. А. Решения Конституционного Суда РФ как средства правового регулирования общественных отношений / А. А. Агаджанов, З. Р. Танаева // Вестник ЮУрГУ. 2019. № 3. С. 41–45.

3. Романов, М. Л. Юридическая природа и сущность правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / М. Л. Романов // Вестник ТГУ. 2018. № 434. С. 212–219.

4. Петина, М. М. Значение правовых позиций Конституционного Суда РФ для осуществления Конституционного контроля / М. М. Петина // Вестник СГЮА. 2017. №3. С. 84–87.

5. Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 01.11.2024).

6. По делу о проверке конституционности положений подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации и Перечня кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мишутка» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2017 № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 5.

7. О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2014 № 33 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 7.

УДК 343.234.9

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Я. А. Иванова,

студентка 1-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** Проблема применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних является одной из наиболее актуальных в современной педагогике и юриспруденции. Эффективность системы таких мер напрямую влияет на уровень преступности среди молодежи и на успешность социальной адаптации правонарушителей. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных вопросу применения принудительных мер воспитательного воздействия, многие аспекты этой темы остаются недостаточно изученными. В рамках статьи предлагается новый взгляд на исследуемую проблему, направленный на восполнение существующих пробелов в данной области.*

***Ключевые слова:** преступление, воспитательное воздействие, несовершеннолетний, принудительная мера, наказание, ответственность*

Современная уголовная политика в России, несмотря на приоритет неотвратимости ответственности, все более ориентируется на гуманизацию уголовного правосудия. Признание ценности человеческой личности, закрепленное в уголовном законе, находит свое отражение в стремлении государства к применению мер не только карательных, но и направленных на исправление осужденных. Этот подход особенно актуален в отношении несовершеннолетних преступников, где акцент делается на их социальной реабилитации и ресоциализации.

Согласно действующему Уголовному кодексу Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) несовершеннолетним признается лицо, не достигшее ко времени совершения преступления возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В соответствии со статьей 20 УК РФ уголовная ответственность наступает с 16 лет. Однако в отдельных случаях, предусмотренных законом,

уголовная ответственность может наступать и с 14 лет (например, за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и другие особо тяжкие преступления).

В соответствии со ст. 90 УК РФ несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия [1]. Принудительные меры воспитательного воздействия применяются к несовершеннолетним в целях их исправления и предупреждения совершения новых преступлений. Отличительной особенностью таких мер является то, что они не являются наказанием, а направлены на создание условий для социальной адаптации несовершеннолетнего и его интеграции в общество.

В настоящее время существует несколько видов принудительных мер по отношению к несовершеннолетним:

1. Предупреждение (разъяснение вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступления).

2. Передача под надзор родителей и лиц, их заменяющих, либо специализированному государственному органу (возложение на родителей, указанных лиц обязанностей по воспитательному воздействию и контролю за его поведением).

3. Возложение обязанности загладить причиненный вред (возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него трудовых навыков).

4. Ограничение досуга (запрет посещать разнообразные заведения) и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (учиться, работать, ограничение времени пребывания вне дома) [2, с. 70].

Вышеуказанные меры возможны, если: преступление совершено впервые; не является тяжким; признано возможным исправление несовершеннолетнего этими мерами. К нему может быть применено несколько мер сразу, причем на определенный срок: за преступление небольшой тяжести — от 1 месяца до 2-х лет, а за преступления средней тяжести — от 6 месяцев до 3-х лет. Если несовершеннолетний систематически не исполняет обязанности, то государственный орган направляет представление, и эти меры отменяются, а материалы направляются для привлечения его к уголовной ответственности.

Согласно ч. 2 ст. 92 УК РФ в качестве меры уголовного наказания для несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести или тяжкие, может быть применено помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Такая мера направлена на исправление несовершеннолетних, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения, и применяется в отношении лиц, демонстрирующих ярко выраженные девиантные формы поведения, обусловленные, как правило, негативным социальным окружением и отсутствием надлежащего воспитания в семье [3, с. 110].

Несмотря на то, что принудительные меры воспитательного воздействия достаточно давно используются в практике, в правовой науке поднимается множество вопросов в отношении их эффективности и необходимости переосмысления существующих подходов к указанным мерам [4, с. 336].

Одной из наиболее острых проблем в современной российской практике применения уголовного законодательства к несовершеннолетним является несоответствие принудительных мер воспитательного воздействия реальным потребностям подростков, совершивших правонарушения. Существующая система мер, предусмотренная ст. 90 УК РФ [1], не всегда позволяет подобрать наиболее адекватное средство исправления несовершеннолетнего.

Основной вопрос заключается в ограниченном наборе мер и отсутствии гибкости в их применении. С одной стороны, для подростков с серьезными отклонениями в поведении часто применяемые меры, такие как ограничение досуга или установление особых требований к поведению, могут оказаться недостаточно эффективными [5, с. 80]. С другой стороны, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, являющееся наиболее строгой мерой, зачастую является избыточным для подростков, совершивших незначительные правонарушения. Такое несоответствие мер реальным потребностям несовершеннолетних может привести к неэффективности исправления и, как следствие, к повторным правонарушениям [6, с. 345].

Важным вопросом в сфере принудительных мер является проблема недостаточности правовой регламентации альтернативных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Несмотря на то, что Уголовный кодекс РФ [1] предусматривает возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90), их

спектр ограничен и зачастую не позволяет достичь целей исправления и социальной реабилитации несовершеннолетнего.

Проблема заключается в том, что действующее законодательство не в полной мере учитывает индивидуальные особенности каждого несовершеннолетнего и не предоставляет достаточного разнообразия мер, которые могли бы быть применены в зависимости от конкретной ситуации. Так, Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7] декларирует необходимость применения индивидуальных программ профилактики, однако не содержит конкретных механизмов их реализации.

Отсутствие широкого спектра альтернативных мер приводит к тому, что суды вынуждены выбирать из ограниченного числа стандартных мер, что не всегда эффективно. Кроме того, недостаточная разработанность законодательства в этой сфере затрудняет работу правоохранительных органов, органов опеки и попечительства, а также других субъектов, участвующих в профилактике и исправлении несовершеннолетних правонарушителей.

Современные исследования показывают, что некоторые меры оказываются более эффективными, чем другие. Так, например, меры, связанные с ограничением свободы, могут привести к изоляции несовершеннолетнего от общества и усугубить его проблемы. В то же время меры, направленные на социальную адаптацию и развитие личности, могут оказаться более перспективными [8, с. 328].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечается, что суды в основном правильно применяют уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в отношении несовершеннолетних. Однако все же возникают проблемы нечеткости и субъективности критериев, по которым суды принимают решение о применении той или иной меры воспитательного воздействия [9]. Связано это с тем, что ст. 90 УК РФ [1], регулирующая данный вопрос, оставляет достаточно широкое поле для судебного усмотрения. Отсутствие четких количественных и качественных показателей, позволяющих объективно оценить степень общественной опасности совершенного деяния и лич-

ность несовершеннолетнего, приводит к неоднородной судебной практике и возможности произвольного применения мер.

Следовательно, необходимо разработать более детальные критерии, учитывающие не только характер совершенного преступления, но и индивидуальные особенности несовершеннолетнего, его социальное окружение, наличие у него психических отклонений и другие значимые факторы. Это позволит сделать процесс принятия судебных решений более объективным и предсказуемым.

Еще одна важная проблема современной российской системы ювенальной юстиции заключается в отсутствии непрерывной поддержки несовершеннолетних после отбытия ими мер воспитательного воздействия. После выхода из специальных учебно-воспитательных учреждений или после отбытия других мер подростки оказываются предоставлены сами себе, лишены необходимой помощи и сопровождения. Этот разрыв в системе поддержки создает серьезные риски для их дальнейшей социализации и интеграции в общество.

Отсутствие непрерывности в сопровождении подрывает эффективность мер воспитательного воздействия. Все усилия, направленные на исправление несовершеннолетних в период отбытия меры, могут оказаться напрасными, если после освобождения подросток не получит необходимой поддержки. Без должного сопровождения он может столкнуться с трудностями в адаптации к обычной жизни, вернуться к прежнему образу жизни, вступить в конфликт с законом и совершить новое правонарушение.

Проблема усугубляется отсутствием четких механизмов взаимодействия между различными государственными органами, ответственными за работу с несовершеннолетними. Отсутствие координации между органами образования, социальной защиты, правоохранительными органами приводит к тому, что подростки попадают в правовой вакуум, не имея возможности получить необходимую помощь. Кроме того, недостаточное внимание уделяется индивидуальным потребностям каждого подростка, что снижает эффективность реабилитационных мероприятий.

В конечном итоге принудительные меры воспитательного воздействия не достигают своей цели. Несовершеннолетние, отбывшие наказание, впоследствии вновь совершают преступления. Причин для этого может быть множество: неблагоприятные условия жизни, отсутствие социальной поддержки, не-

достаточная эффективность программ реабилитации, а также индивидуальные психологические особенности несовершеннолетнего.

Ключевой причиной низкой эффективности является отсутствие комплексного подхода к проблеме. Часто меры воспитательного воздействия применяются изолированно, без учета индивидуальных особенностей каждого несовершеннолетнего и без достаточной координации действий всех заинтересованных органов и учреждений. Так, например, несовершеннолетний может быть направлен в специальное учебно-воспитательное учреждение, однако после освобождения он оказывается в прежней социальной среде, которая может способствовать повторному совершению преступления.

Существующая система работы с несовершеннолетними в России, как правило, активизируется уже после совершения правонарушения. Между тем, многие факторы, способствующие девиантному поведению подростков, формируются в семье и ближайшем окружении задолго до совершения первого преступления. Отсутствие превентивных мер в отношении семей, находящихся в социально опасном положении, и их детей, склонных к правонарушениям, является серьезным пробелом в системе отечественного законодательства.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о проблеме применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

Недостаточная разработанность законодательной базы, ограниченный спектр мер воспитательного воздействия, отсутствие эффективной системы контроля за их исполнением — все это приводит к тому, что принудительные меры воспитательного воздействия зачастую не достигают своей цели — исправления и социальной адаптации несовершеннолетних. Кроме того, отсутствие четких критериев для выбора мер воспитательного воздействия и их индивидуальной адаптации к конкретной ситуации способствует произволу в судебной практике и снижает доверие к системе наказания несовершеннолетних.

Для преодоления выявленных проблем необходимо предпринять ряд мер. Во-первых, требуется совершенствование законодательной базы, направленное на расширение спектра мер воспитательного воздействия и создание более гибких механизмов их применения. Во-вторых, необходимо разработать и внедрить эффективные системы оценки и контроля за исполнением мер воспитательного воздействия. В-третьих, следует уделить особое внимание развитию

институтов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и созданию условий для их социальной адаптации.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

2. Перфилова, М. В. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия как альтернативы наказания несовершеннолетних / М. В. Перфилова // Молодой ученый. 2017. № 32 (166). С. 70–72.

3. Севостьянова, В. В. Проблемы принудительных мер воспитательного воздействия в Уголовном кодексе России / В. В. Севостьянова // Молодой ученый. 2023. № 35 (482). С. 110–113.

4. Машекуашева, М. Х. К вопросу о принудительных мерах воспитательного воздействия в уголовном праве Российской Федерации / М. Х. Машекуашева, Л. А. Гелыхова // Образование и право. 2022. № 2. С. 335–337.

5. Шадерков, А. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы применения / А. А. Шадерков // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2021. № 4. С. 76–82.

6. Капаева, Э. Б. К вопросу о принудительных мерах воспитательного воздействия в уголовном праве Российской Федерации / Э. Б. Капаева // XVII Королевские чтения: Всерос. молодеж. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 35-летию со дня первого полета МТКС «Энергия–Бура». Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2023. Т. 2. С. 345–346.

7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

8. Медведева, С. В. Эффективность применения к несовершеннолетним мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста / С. В. Медведева, М. А. Ментюкова, А. М. Попов // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 319–330.

9. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

УДК 340.111; 340.113

РИСК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е. А. Изъюрова,

студентка 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — Л. В. Осипова,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассмотрены теоретико-правовые аспекты понятия «риск предпринимательской деятельности». Разграничены понятия «предпринимательский риск» и «риск предпринимательской деятельности» на основе научных статей и действующего законодательства, а также проведен анализ судебной практики на предмет сущности и содержания рисков предпринимательской деятельности.*

***Ключевые слова:** предпринимательская деятельность, риск предпринимательской деятельности, риски, предприниматель, гражданско-правовая ответственность*

Само явление и понятие «риск» является неотъемлемой составляющей процесса осуществления предпринимательской деятельности. Данный факт также закреплен в абзаце 3 части 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ): «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [1].

Недостаток предсказуемости и стабильности, которые не зависят от воли субъектов предпринимательской деятельности, и наличие неопределенности являются одними из главных признаков риска, сопровождающего ведение предпринимательской деятельности. Также в случае непредусмотрительного поведения самих предпринимателей предпринимательская деятельность может подвергаться и субъективным рискам, которые, в свою очередь, могут стать фатальными для предприятия и повлечь невозполнимые убытки вплоть до прекращения деятельности предприятия. По мнению В. А. Ойгензихта, «риск —

это личное отношение человека к последствиям своих действий и осознанный выбор из вариантов последствий, которые, вероятно, могут наступить или не наступить. В этом процессе один из основных элементов — выбор» [2].

Также угроза риска может быть связана с непредсказуемостью окружающей среды, как внешней, так и внутренней, с изменениями в экономической, правовой и других сферах, влияющих на предпринимательскую деятельность. К внешним факторам риска стоит относить события, происходящие во внешнем мире, которые прямым образом могут повлиять на благоприятное ведение предпринимательской деятельности [3]. К внутренним факторам риска относятся события и процессы, происходящие внутри предприятия и влияющие на его функционирование.

В данной статье рассмотрим понятие риска предпринимательской деятельности с точки зрения теоретико-правовой природы.

«Действительно, слово “риск” применительно к бизнесу может обозначать совершенно разные вещи. В частности, под риском может пониматься:

- потенциальная возможность (опасность) наступления вероятного события или совокупности событий, вызывающих определенный материальный ущерб;
- возможность недополучения прибыли или дохода;
- характеристика проявления ущерба — частота возникновения и (или) тяжесть (размер) ущерба;
- застрахованный объект, который может подвергнуться ущербу» [4].

На данный момент в научной правовой литературе нет общего толкования понятия «риск предпринимательской деятельности», как и в действующем законодательстве. Однако в ГК РФ присутствует несколько упоминаний понятия риска как правового явления. Например, в статье 211 ГК РФ упоминается «риск случайной гибели имущества» [1], в пункте 2 статьи 929 ГК РФ указан «риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества» [5], и, наконец, в статье 933 ГК РФ упоминается понятие «предпринимательский риск» [5], единая сущность и терминология которого не обозначается в Российском законодательстве. В данной статье рассмотрим некоторые мнения, на основе которых можно наиболее полно сформулировать понятие риска предпринимательской деятельности.

По мнению И. В. Троицкой, «под предпринимательским риском следует понимать возможность как положительных, так и отрицательных отклонений от ожидаемых результатов, инициирующих изменения в имущественной сфере предпринимателя, причинно-следственно связанных с наступлением события в рамках его предпринимательской деятельности, вызванного воздействием объективных факторов внешней среды либо поведением самого предпринимателя или его контрагентов» [6]. Такое определение является наиболее обобщающим и охватывающим все стороны, где возможно возникновения рисков. В. Д. Быстров, в свою очередь, вывел определение правовых рисков предпринимательской деятельности, которые могут возникать из-за несоблюдения законов и нормативно-правовых актов, относящихся к предпринимательской деятельности, а также обязательств, связанных с договорными отношениями и судебные споры [7]. Единственное официальное определение риска приводится в статье 2 Федерального закона от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», где обобщена большая часть сфер возникновения рисков, а именно личные отношения, отношения, вытекающие из имущественных правоотношений, действий по отношению к окружающей среде и прочее [8].

Прежде всего необходимо различать понятия «риск предпринимательской деятельности» и «предпринимательский риск». Хотя на первый взгляд они кажутся идентичными, в правовой доктрине их можно разграничить по ряду признаков. Так, термин «предпринимательский риск» чаще всего используется в сфере страхования, в то время как понятие «риск» широко распространено в правовой сфере [9]. Изучение действующего законодательства позволяет заключить, что риск предпринимательской деятельности связан с вероятностью возникновения неблагоприятных событий, тогда как понятие предпринимательский риск используется в определенном виде страхования.

Если оценивать риск предпринимательской деятельности как вероятностное наступление события, то, исходя из анализа законодательства и судебной практики в сфере предпринимательских отношений, можно отметить, что уровень рисков предпринимателя чрезвычайно высок, так как ответственность по ГК РФ наступает вне зависимости от вины, и избежать ответственности предприниматель может только в случае обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), обладающих такими признаками, как чрезвычайность и непредотвращаемость.

тимность [1]. Но законодатель не раскрывает полный перечень таких событий, поэтому, опираясь на судебную практику [10], можно привести некоторые примеры таких событий:

– землетрясения, наводнения и другие природные катаклизмы. Так, например, в пункте 4.3. части 3 позиций Верховного Суда РФ в отношении статьи 401 ГК РФ «Основания ответственности за нарушение обязательства» определено, что штормовая погода относится к обстоятельствам непреодолимой силы [8];

– пандемия и режим чрезвычайного положения в стране;

– гибель участников осуществления предпринимательской деятельности или их контрагентов, от которых непосредственно зависит результат выполнения обязательств.

В пункте 4.4 главы 3 «Перечня позиций высших судов» [10] отдельно выделены обстоятельства, которые не относятся к обстоятельствам непреодолимой силы. Таковыми не являются: кража; банкротство; сбой программного обеспечения продавца (банка), если он наступил не из-за чрезвычайных и исключительных событий; занятость подъездных путей и скопление на путях не общего пользования цистерн; если наступление события зависит от воли или действий причинителя вреда.

Чаще всего предприниматель не в силах повлиять на вышеупомянутые события, и для снижения рисков предпринимательской деятельности необходимо принимать меры заранее. Поскольку предприниматель в силу законодательства несет повышенную ответственность, и неисполнение обязательств влечет серьезные последствия для него.

При изучении судебной практики по рисковому аспектам предпринимательства обнаружено, что в спорах предприниматели часто получают отказ в удовлетворении требований из-за невнимательности к рисковому условиям своей деятельности. Например, исковое требование ООО «А» о расторжении договора купли-продажи осталось без удовлетворения, поскольку «выявление сторонами деловых просчетов, которые не были учтены на стадии заключения договора, является риском предпринимательской деятельности» [11]. И в удовлетворении искового требования ООО «Б» о взыскании убытков также было отказано, так как «расходы на оплату трудовой деятельности сотрудников связаны с финансово-хозяйственной деятельностью исполнителя и его предприниматель-

скими рисками» [12]. Также интересно для рассмотрения дело, где предприниматель выступает арендатором и предъявляет иск к арендодателю о снижении арендной платы в связи с труднодоступностью проезда к помещению по причине ремонта моста, который является единственным способом проезда к объекту аренды. Но в данном случае в удовлетворении требования также было отказано, так как снижение потока посетителей и доходности деятельности арендатора относится к категории его предпринимательского риска [13].

Как говорилось выше, к риску предпринимателя и, соответственно, его личной ответственности относится сфера, влияние на которую не входит в компетенцию предпринимателя. Возьмем, к примеру, судебную практику, где в решении сказано: «в удовлетворении требования отказано, поскольку изменение курса доллара к рублю является одним из рисков осуществляемой сторонами предпринимательской деятельности» [14]. Это кажется нелогичным, так как предприниматель при ведении бизнеса никак не может влиять на валютные котировки. Единственное, что в силах предпринимателя, на наш взгляд, — это принятие решения о том, стоит ли связывать себя обязательствами, расчеты по которым осуществляются в иностранной валюте, так как курс может как снизиться, так и вырасти, хотя последнее более вероятно при действующей ситуации в стране и стремительных темпах валютного роста.

Таким образом, можно сделать вывод, что риск предпринимательской деятельности — не только субъективное понятие, которое выражает психическое отношение субъекта предпринимательской деятельности к вероятности наступления или ненаступления события, но и вполне реальный фактор, который обременяет предпринимателя уже на стадии принятия решений, связанных с бизнесом, не только с точки зрения финансовой составляющей, но и с точки зрения гражданско-правовой ответственности. Количество сфер ответственности предпринимателя также обширно. Соответственно, для того, чтобы вести эффективную предпринимательскую деятельность и претерпевать наименьшее количество рисков, предпринимателю важно иметь компетенцию по вопросам не только в конкретной нише бизнеса, но и в правовых, финансовых, политических и других вопросах, уметь оценивать риски самостоятельно либо с помощью специалистов с узкой специализацией.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 21.10.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Ойгензихт, В. А. Воля и риск / В. А. Ойгензихт // Правоведение. 1984. № 4. С. 40–46.
3. Гарнов, А. П. Риски в предпринимательской деятельности / А. П. Гарнов, Е. А. Лобанова // Российский экономический интернет-журнал. 2023. № 2. С. 1–14.
4. Страхование и управление рисками : учебник для вузов / Г. В. Чернова [и др.]; под ред. Г. В. Черновой. М.: Юрайт, 2024. 630 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Троицкая, И. В. Предпринимательский риск и риск предпринимателя в теории гражданского права / И. В. Троицкая // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 216–227.
7. Быстров, В. Д. Правовые риски в предпринимательской деятельности. Проблемы теории и практики / В. Д. Быстров // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 301–302.
8. О техническом регулировании : федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.
9. Минеев, Д. Г. Предпринимательские риски / Д. Г. Минеев, И. В. Попова // StudNet. 2020. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskie-riski-1> (дата обращения: 09.11.2024).
10. Перечень позиций высших судов к ст. 401 ГК РФ «Основания ответственности за нарушение обязательства» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2024.
11. Определение Верховного Суда РФ от 01.11.2024 по делу № А57-19535/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2024.
12. Определение Верховного Суда РФ от 15.04.2024 по делу № А33-23790/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2024.
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.06.2023 по делу № А52-3718/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2024.
14. Определение Верховного Суда РФ от 30.09.2024 по делу № А40-207115/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2024.

УДК 351.354

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ МОНИТОРИНГА СОБЛЮДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Р. Р. Калбаева,

студентка 3-го курса Института правоохранительной деятельности
(бакалавриат)

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель — Т. В. Корнаухова,

канд. юрид. наук,

старший преподаватель кафедры

административного и муниципального права

имени профессора Василия Михайловича Манохина

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. В статье рассмотрено понятие искусственного интеллекта и то, каким образом он используется в рамках мониторинга соблюдения административно-правовых норм. Обозначены проблемы, которые могут возникать в процессе его применения в административном регулировании, и возможные пути их решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, административно-правовые нормы, правонарушения, технологии

В условиях активной цифровизации и информатизации общества категория искусственного интеллекта (далее — ИИ) широко используется в различных сферах деятельности. С каждым годом ИИ активно прогрессирует и интегрируется в жизнь человека. Но, несмотря на это, на данный момент в Российском законодательстве нет единого нормативного правового акта, регулирующего вопросы, связанные с использованием технологий ИИ.

Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2, с. 5700]. С сентября 2024 года управление ИИ в России осуществляет Министерство цифрового развития (далее — Минцифры), которое активно разрабатывает стратегии развития цифровых технологий. Кроме того, именно Минцифры осуществляет контроль и надзор за

деятельностью ИИ в целом [3], то есть данный орган не только выявляет нарушения в работе искусственного интеллекта, но и предотвращает их.

Административное регулирование искусственный интеллект также не обошел стороной и широко используется в целях соблюдения административно-правовых норм гражданами. В настоящее время ИИ активно используется представителями органов власти для наиболее эффективного выявления административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность, а также нарушений в области дорожного движения. Безусловно, это делается с целью предотвращения несоблюдения административно-правовых норм, обеспечения безопасности и правопорядка в обществе.

Например, технологии ИИ широко применяются на федеральных трассах для выявления и предотвращения нарушений. Так, на Центральной кольцевой автомобильной дороге (ЦКАД) действует автоматизированная система управления дорожным движением (АСУДД), которая с помощью видеоанализа может обнаруживать и предотвращать различные происшествия: ДТП, выпавший груз на дороге, пешеходов или животных на проезжей части и многое другое. Автоматизированная система мгновенно распознает неполадки на дороге и передает соответствующие сигналы службам, что позволяет им оперативно реагировать на происшествия и минимизировать негативные последствия [4].

Одно из самых распространенных нарушений в России в области дорожного движения — нарушение правил применения ремней безопасности и мотошлемов, за которое согласно статье 12.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусмотрен административный штраф в размере одной тысячи рублей [1]. Несоблюдение данной нормы фиксируется с помощью видеокамер, которые также содержат в себе технологии ИИ [5].

Система ИИ способна мгновенно распознать наличие или отсутствие ремня безопасности у пассажиров. Кроме того, технологии ИИ могут определять ту зону ремня безопасности, где он крепится к корпусу автомобиля за плечом водителя: если ремень пристегнут, то нейросеть это диагностирует совершенно точно. В Москве, например, работает уже более 206 комплексов со специально обученной нейросетью, которые наблюдают за тем, чтобы пассажиры остались пристегнутыми во время всего своего движения. На первом этапе ИИ фиксирует сам факт нарушения административно-правовой нормы — распознает

непристегнутых пассажиров, затем данные фото- и видеоматериалы осматриваются специалистами вручную, и только после этого материалы передаются инспекторам ГИБДД для назначения штрафа [6].

Таким образом, технологии ИИ в данном случае позволяют выявить нарушителей административно-правовых норм для повышения уровня безопасности дорожного движения, а также сокращения количества ДТП. Стоит отметить, что ИИ не всегда точно определяет правонарушителей. Безусловно, бывают и ошибочные случаи. Но именно для этого инспекторы ГИБДД повторно просматривают видеоматериалы, чтобы принять окончательное решение о назначении или неназначении штрафа.

Как известно, для того чтобы идентифицировать транспортное средство, необходим его государственный регистрационный знак. Многие водители с целью неуплаты административного штрафа пытаются «скрыть» государственный номер, за что предусмотрена ответственность статьей 12.2 КоАП РФ [1]. В связи с этим в октябре 2024 года Ространснадзор запустил проект, который позволит наиболее эффективно выявлять нарушителей. В ходе данного эксперимента специалисты с помощью средств фото-, видеофиксации и ИИ будут определять: факты перевозки с неоплаченными административными штрафами Ространснадзора, ГАИ и ФТС, в том числе международных перевозчиков; отсутствие автобуса в реестре транспортных средств с лицензией и других; транспортное средство со скрытыми госномерах [7].

Для наиболее точного соблюдения нормы статьи 12.37 КоАП РФ [1], которая предусматривает ответственность за несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности (ОСАГО) владельцев транспортных средств, с 1 марта 2025 года в России начнется эксперимент с проверкой полиса ОСАГО с помощью дорожных камер. Так, дорожные камеры будут фиксировать весь поток автомобилей. Затем информационная система ГАИ вступает во взаимодействие с системой страхования и начинает сравнивать номера машин на фото с базой данных по ОСАГО. «Если полис найден, то фотография удаляется. При отсутствии договора система отправляет повторный запрос на следующий день, чтобы исключить возможную ошибку из-за более поздней загрузки полиса в систему» [8]. В данном случае фиксация нарушителей административно-правовой нормы также происходит на основе технологий искусственного интеллекта, содержащихся в дорожных камерах.

Безусловно, технологии ИИ широко используются не только с целью соблюдения административно-правовых норм в сфере дорожного движения, но и в других областях административного регулирования.

Так, отдельное внимание стоит уделить избирательному процессу, которому в КоАП РФ посвящена глава 5, закрепляющая правонарушения, посягающие на права граждан именно в рамках проведения выборов [1]. В целях наиболее полной реализации гражданами своих избирательных прав в своих посланиях Федеральному собранию Президент РФ основной задачей назвал модернизацию организационно-правовой основы проведения выборов, необходимость введения инновационных средств электронного содействия проведению голосования различного уровня [9, с. 50]. Примером использования искусственного интеллекта в избирательном процессе является использование дистанционного электронного голосования (ДЭГ), механизм «Мобильный избиратель», сервисы на сайте ЦИК РФ [10] и другие, которые позволяют гражданам, не выходя из дома, реализовать свое избирательное право.

С помощью данных электронных ресурсов голосования, содержащих в себе технологии ИИ, можно быстро установить точное количество избирателей, принявших участие в выборах. Кроме того, если у избирателя возникнут сложности при онлайн-голосовании, то ИИ мгновенно это вычислит и сообщит о вариантах устранения неполадок. Но на практике были случаи, когда из-за большого количества избирателей электронные ресурсы испытывали перегрузку, выходили из строя, в связи с чем не всем гражданам удалось проголосовать за кандидата онлайн [11].

Таким образом, использование искусственного интеллекта в рамках мониторинга соблюдения административно-правовых норм можно рассмотреть в двух аспектах. Безусловно, новые технологии позволяют наиболее точно и быстро выявить административно-правовые нарушения, а также оперативно их предотвратить. Но так как это автоматизированная система, она может дать сбой либо совершить ошибочное действие. В таком случае, несомненно, требуется усиленный контроль за деятельностью ИИ со стороны органов власти. Кроме того, необходимо создать единый нормативный правовой акт, который будет подробно регламентировать деятельность ИИ, а также предусматривать ответственность в случае допущения им ошибок.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собр. законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. Ответственность за направление ИИ в рамках нацпроекта «Экономика данных» передана Минцифры РФ // Ai.gov.ru. URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/otvetstvennost-za-napravlenie-ii-v-ramkakh-natsproekta-ekonomika-dannykh-peredana-mintsifry-rf/> (дата обращения: 14.10.2024).

4. Как интеллектуальные транспортные системы изменяют российские города // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/cmrm/61ade61e9a794742054cb6d1> (дата обращения: 13.10.2024).

5. Власти поручили Минцифры проработать вопрос о штрафах за нарушения с помощью камер с ИИ // Известия. URL: <https://www.m24.ru/news/politika/15052024/691520> (дата обращения: 16.10.2024).

6. Производители камер объяснили, как штрафуют непристегнутых пассажиров // Autonews. URL: <https://www.autonews.ru/news/650d90349a794720fcd186e> (дата обращения: 10.10.2024).

7. Ространснадзор запустит проект по выявлению авто со «скрытыми» номерами // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21996761> (дата обращения: 12.10.2024).

8. С 1 марта 2025 года наличие ОСАГО у водителей будут проверять по камерам // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2024/10/07/izvestiia-s-1-marta-nalichie-osago-nachnut-proveriat-po-kameram-na-dorogah.html> (дата обращения: 12.10.2024).

9. Матренина, К. Ю. Применение комплексов для электронного голосования: достоинства и риски / К. Ю. Матренина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 49–51.

10. Фролова, Т. Ю. Реализация избирательных прав с использованием искусственного интеллекта в РФ / Т. Ю. Фролова // Наука. Образование. Современность. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-izbiratelnyh-prav-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta-v-rf> (дата обращения: 21.10.2024).

11. Митяева, Ю. В. Опыт проведения интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом / Ю. В. Митяева // Выборы: теория и практика. 2013. № 2 (26). С. 13–18. URL: http://www.ryazan.izbirkom.ru/etc/26_2_version.pdf (дата обращения: 16.10.2024).

12. Жихорева, Р. Е. Особенности внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу обеспечения безопасности дорожного движения / Р. Е. Жихорева // Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции : сборник статей Между-

народной научно-практической конференции. М.: Изд-во Академии управления МВД России, 2020. С. 88–93.

13. Моргунова, Н. В. Административная деятельность полиции / Н. В. Моргунова, О. В. Устич // Современные технологии в мировом научном пространстве : в 3 ч. Уфа, 2017. Ч. 3. С. 72–76.

14. Грищенко, Г. А. Искусственный интеллект в государственном управлении / Г. А. Грищенко // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 27–31.

15. Полякова, Т. А. Право «искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права / Т. А. Полякова // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 133–145.

УДК 340.132

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ»

Л. А. Кожина,

студентка 1-го курса юридического факультета (бакалавриат)

Российский государственный университет правосудия

Приволжский филиал, г. Нижний Новгород

Научный руководитель — А. В. Сим,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой теории и истории права,

государства и судебной власти

Российский государственный университет правосудия,

Приволжский филиал, г. Нижний Новгород

Аннотация. В статье анализируется юридическая конструкция «злоупотребление правом», ее сущность, основания возникновения и последствия проявления. Особое внимание уделяется соотношению понятия «злоупотребление правом» с принципом добросовестности и правомерного правового поведения, а также проблематике установления злоупотребления.

Ключевые слова: злоупотребление правом, юридическая конструкция, неправомерное использование, судебная практика, способы противодействия

В современном обществе, где права и свободы человека являются основополагающими принципами правового государства, возникает проблема злоупотребления этими правами. Случаи злоупотребления правом, к сожалению, не являются редкостью, а установить субъективную составляющую этого явления

сложно. С одной стороны, низкая правовая грамотность населения может стать благодатной почвой для злоупотреблений. Не зная своих прав и обязанностей, люди становятся уязвимыми перед манипуляциями и злонамеренными действиями. С другой стороны, рост злоупотреблений может свидетельствовать о том, что люди все больше осознают свои права и используют их в первую очередь для удовлетворения личных интересов, зачастую обходя законодательство, моральные и нравственные нормы. Такое поведение подрывает авторитет закона и наносит ущерб общественным отношениям. Участники правоотношений, злоупотребляя своими правами, игнорируют интересы общества и наносят урон другим лицам.

Юридические науки — основа для эффективного и справедливого правового регулирования. Они обеспечивают логику действий государства и гармонизацию отношений между гражданами. Юридическая конструкция «злоупотребление правом» ставит под сомнение основные принципы правовой системы и требует переосмысления известной максимы: «Разрешено все, что не запрещено законом». Эта максима, основанная на принципе свободы и равенства перед законом, позволяет гражданину действовать в рамках закона, защищая свои права и выступая не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект. Однако злоупотребление правом искажает этот принцип.

Первоначально проблема злоупотребления правом возникла и развивалась в рамках науки гражданского права. В настоящий момент проблематика требует более глубокого анализа, выходящего за рамки правовой казуистики; ее окончательное разрешение невозможно без обращения к теории государства и права. Разработка и применение конструкции «злоупотребление правом» становится задачей для общей теории права. Важно углубиться в понимание причин и механизмов злоупотреблений, разработать четкие критерии их определения, а также искать эффективные решения для предотвращения и пресечения подобных явлений.

Некоторые юристы сомневаются в целесообразности юридической конструкции «злоупотребление правом», считая, что само право уже предусматривает механизмы защиты от незаконного его использования.

Запрет на использование права «во зло» проистекает из фундаментального принципа равенства. В первую очередь, право призвано упорядочивать общественные отношения, а не служить инструментом для злоупотреблений. Возни-

кает парадоксальная ситуация: право, призванное защищать, может быть использовано как оружие для нанесения вреда. Злоупотребление правом — это именно такой случай, когда законные инструменты осуществления права применяются в противоправных целях. То есть акцент делается именно на умышленное, преднамеренное использование прав во вред себе или другим лицам. Злоумышленник понимает и желает использовать право вопреки его целям и назначению, нарушая законные права и интересы других лиц. Важно отметить: злоупотребление — это не просто ошибка или неправильное применение права.

Таким образом, термины «злоупотребление» и «право» не противоречат друг другу, а взаимосвязаны. Важным аспектом является установление умысла: необходимо доказать, что лицо действовало не просто с нарушением правил, а с целью причинить вред другим или получить незаконную выгоду. Необходимо выявить скрытый мотив и проследить цепь действий, ведущих к негативным последствиям. Особенности факта злоупотребления правом состоят в необходимости доказательства умысла, то есть намерения нанести вред или получить незаконную «выгоду», в проведении глубокого анализа действий лица, чтобы определить их истинные цели и мотивы. Также нужно учитывать конкретные обстоятельства и особенности злоупотребления, чтобы исключить возможность непреднамеренного нарушения прав.

В пассивной форме злоупотребление может проявляться в умышленном невыполнении правовых обязанностей. В активной форме злоупотребление может проявляться в использовании права в незаконных целях. А. В. Волков указывает, что предпосылки злоупотребления правом можно подразделить не только на субъективные, но и на объективные. К числу объективных ученый относит правовой формализм норм, а также их несовершенства [6, с. 82].

Конституция Российской Федерации [1] (далее — РФ) и ряд международно-правовых актов [2] признают права и свободы человека высшей ценностью, возлагая на государство ответственность за их защиту. Законодатель постоянно и последовательно расширяет спектр прав граждан в разных сферах жизни общества и обеспечивает необходимые гарантии для их полного и свободного осуществления.

Разумное осуществление правовых норм — это не просто следование закону, но и использование интеллектуальных и жизненных ресурсов для принятия оптимальных решений. Когда поведение противоречит собственным интересам

и целям, которые обеспечивают права, это свидетельствует о нерациональном и, возможно, отрицательном использовании правовых возможностей.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве остро стоит вопрос злоупотребления правом, конструкция «злоупотребления правом» отсутствует в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [5]. В п. 18 данного Постановления упоминается о «недобросовестном использовании правомочий», что фактически сводится к злоупотреблению правом на защиту. Изначально проект Постановления включал прямое указание на конструкцию «злоупотребление правом», но в окончательном варианте от этой концепции отказались, как представляется, по спорным причинам.

Следует, что суды должны реагировать на выявленные нарушения или ограничения права обвиняемого на защиту, в том числе применять меры, указанные в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда. Здесь сказано, что «Судам надлежит реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту. При наличии к тому оснований суд, в частности, вправе признать полученные доказательства недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), возвратить уголовное дело прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ (ч. 3 ст. 389.22, ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ), изменить или отменить судебное решение (ст. 389.17, ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) и (или) вынести частное определение (постановление), в котором обратить внимание органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда на факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер (ч. 4 ст. 29 УПК РФ)»[4], поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации [1] осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

Хотя право стремится обеспечить равенство для всех, его применение на практике может приводить к неравным результатам. Это требует постоянной коррекции и совершенствования правовой системы. Например, намеренное затягивание определенных процессуальных действий, оспаривание каждого шага следствия и другие методы защиты могут нанести меньший вред по сравнению с последствиями злоупотребления со стороны суда или стороны обвинения, куда входят такие ключевые участники, как прокурор, следователь и дознаватель.

Законодатель не случайно делает уголовно наказуемыми действия, направленные на злоупотребление судом или стороной обвинения (ст. 299–305, 312 Уголовного кодекса РФ [3], гл. 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4]). Злоупотребление правом в уголовном процессе — это отдельный феномен, который не является ни правонарушением, ни добросовестным использованием правовых норм.

В заключение отметим, что проблема злоупотребления правом является сложной и неоднозначной. Необходимо совершенствовать законодательство, чтобы оно было более эффективно, предотвращало и пресекало злоупотребления правом. Особое внимание следует уделить уточнению определения «злоупотребление правом» и его критериев, что позволит более точно определять границы законного и незаконного использования прав. Также необходимо более широко распространять информацию о правовых последствиях незаконного использования прав. Со стороны государственных органов должна вестись разъяснительная работа по толкованию правовых норм, содержащих права, обязанности граждан. Необходимо знакомить население и с механизмами защиты от злоупотреблений правом.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948: принята Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета. 1995. 05 апреля.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.

5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 // Российская газета. 2015. 10 июля.

6. Волков, А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Волков. М., 2010. 423 с.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

К. Д. Кожухова,

студентка 1-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. В. Черкасов,

д-р юрид. наук, доцент,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретические и практические вопросы, касающиеся института административного договора, в частности его юридической природы, признаков и функций. Особое внимание уделяется соотношению административного договора с договором гражданско-правового характера, на основе этого — разграничению договоров частного и публичного права, выявлению связанных с этим теоретических и практических проблем.

Ключевые слова: административный договор, признаки, функции, гражданско-правовой договор, публичный договор, государственная служба

Договор является универсальным средством правового регулирования, что обуславливает его значение для многих отраслей права. В связи с возрастанием роли договорных отношений в современном обществе возникает необходимость всестороннего исследования различных видов договоров. Административный договор, в свою очередь, является разновидностью публично-правового соглашения. Одним из наиболее важных вопросов, возникающих при исследовании административного договора, на наш взгляд, является вопрос о его соотношении с договором гражданско-правового характера. Проблема разграничения гражданско-правового и административного договора является причиной полемики среди ученых, и до сих пор единого мнения по этому вопросу не сложилось.

Институт административного договора является сравнительно новым для административного права, поскольку интерес к его изучению начал проявляться у отечественных ученых лишь в начале XX века. Одним из первых российских ученых, упомянувших в своих трудах такую конструкцию, как административный договор, является В. В. Ивановский, который отмечает, что адми-

нистративные правоотношения между государственными органами и гражданами могут возникнуть не только вследствие применения мер принуждения, но и по взаимному согласию субъектов, — и приводит в качестве примера поступление на государственную службу [1, с. 281].

Из указанной позиции можно выделить несколько признаков, присущих институту административного договора. Во-первых, он существует в рамках административных правоотношений, следовательно, между субъектами возникают отношения «власти — подчинения». Во-вторых, административный договор является основанием возникновения правоотношений, что является признаком в целом договора, существующего и в других отраслях права. Кроме того, договор возникает по взаимному согласию субъектов. Данная особенность указывает на то, что в рамках административного договора, помимо властности одной стороны по отношению к другой, существует и юридическое равноправие, поскольку для заключения договора требуется добровольное волеизъявление обеих сторон.

Научный интерес к конструкции административного договора возникает среди отечественных ученых в 60-е годы XX века. В данной связи определенное внимание необходимо уделить труду В. И. Новоселова, который также придерживается точки зрения, что юридическая природа административного договора характеризуется как чертами властеподчинения, так и равноправия [2, с. 42]. В своей работе автор справедливо отмечает, что стороны административного договора не находятся в равном юридическом положении. Действительно, для административного права характерно наличие в правоотношениях стороны, которая имеет определенные властные полномочия. Однако уникальность административного договора выражается в том, что властная сторона также несет и определенные обязательства, а сам договор имеет выгодное значение для обеих сторон.

Следовательно, можно сделать вывод, что некоторые авторы отмечали особую природу административного договора, который содержит в себе черты как административного, так и гражданского права, то есть обладает определенной комплексностью.

Отсутствие достаточной регламентации института административного договора подтверждается тем, что действующее законодательство не дает его легального определения. Понятие административного договора содержится в Мо-

дельном законе «Об административных процедурах», который является приложением к Постановлению Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-28 «О модельном законе “Об административных процедурах”» [3]. Однако модельный закон является нормативным ориентиром для законодательных органов, имеет рекомендательный характер, а значит, не является общеобязательным.

В указанном модельном законе содержится следующее определение административного договора: «Административный договор — соглашение, основанное на двустороннем (многостороннем) волеизъявлении, заключаемое в публичных интересах административным органом в рамках реализации его компетенции с гражданами, в том числе имеющими статус индивидуальных предпринимателей, объединениями граждан, в том числе юридическими лицами, и (или) другим административным органом» [3]. В указанном определении также можно проследить феномен административного договора, который заключается в том, что помимо наличия публичного интереса в конструкции административного договора присутствует двустороннее (многостороннее) волеизъявление сторон, присущее также и гражданско-правовому договору.

Многие ученые подчеркивают универсальный характер договора, делая вывод, что все виды договоров, в том числе административный, должны регулироваться общими положениями о договоре, установленными гражданским законодательством. Так, С. В. Курчевская в своем труде обращает внимание на то, что административный договор, как и другие виды договоров, порождает определенные права и обязанности, направлен на удовлетворение общественно значимых интересов. По мнению автора, административный договор по юридической природе схож с гражданско-правовым договором и подлежит регламентации общими положениями о договоре. Кроме того, С. В. Курчевская отмечает, что один из субъектов такого соглашения обладает государственно-властными полномочиями и реализует в договоре управленческие функции [4, с. 14]. Следовательно, регулирование административного договора предполагает обращение к гражданскому законодательству, однако с некоторыми изъятиями, присущими публично-правовой природе данного соглашения.

Необходимо отметить, что нормы административного права также служат нормативной базой функционирования института административного договора. Однако общие правила заключения, прекращения такого договора еще не раз-

работаны, а частные нормы содержатся как в законах, так и в подзаконных актах. В качестве примера можно привести нормы о служебном контракте, целью которого является урегулирование управленческих отношений. Правовые нормы, регламентирующие форму и содержание служебного контракта, порядок его заключения, срок действия содержит Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5].

Из вышесказанного следует, что в законодательстве четко прослеживается проблема отсутствия достаточной регламентации института административного договора. Прежде всего, возникает необходимость законодательного закрепления понятия административного договора, его специфических признаков, точно определенного круга субъектов, случаев недействительности, ответственности за нарушение условий договора.

Отличительной чертой административного договора от других видов соглашений является интерес, в целях реализации которого заключается такой договор, а также задачи, решаемые посредством его заключения. В частности, административный договор призван осуществлять интересы государственного органа, публичные интересы. То есть такой договор является выгодным для широкого круга субъектов, в отличие от договора гражданско-правового характера, который нацелен на удовлетворение частных интересов, на получение выгоды для конкретных субъектов. Данную позицию поддержал Д. Н. Бахрах, конкретизируя, что общественно значимая цель административного договора направлена на достижение общественно значимых результатов [6, с. 154]. Таким образом, публичная цель — одна из важнейших характеристик, позволяющих отграничить административный договор от других видов договора.

Административно-правовой договор отличается особой нормативной природой. Данный вид договора в силу своей ориентированности на удовлетворение публичных интересов является правовой базой управленческой деятельности. Это выражается в том, что на основе административных договоров издаются конкретизирующие административные акты, заключаются индивидуальные договоры и совершаются иные юридически значимые действия. Эту точку зрения поддерживал В. А. Кикоть, отмечая, что административный договор выполняет функции нормативного правового акта [7, с. 47]. Административный договор выступает регулятором общественных отношений; благодаря данной юридической конструкции регламентируется порядок взаимодействия субъек-

тов, его заключивших, а также определяется порядок реализации их прав и обязанностей в рамках договора. Таким образом, административный договор, выступая в качестве акта управления и средства установления определенных правил для сторон, координирует отношения субъектов административного права, что позволяет преодолевать пробелы в законодательстве.

Из вышесказанного можно прийти к выводу, что административный договор и гражданско-правовой договор имеют общие черты, присущие любому виду договоров. Однако данные правовые конструкции не являются тождественными: административный договор обладает специфическими чертами, связанными с его уникальной юридической природой, особенностями субъектного состава договора, целями его заключения. Следовательно, с учетом всех отличительных особенностей административного договора он не может быть регламентирован лишь общими нормами, предусмотренными гражданским законодательством, и нуждается в собственном правовом регулировании.

1. Ивановский, В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления) / В. В. Ивановский. Казань: Типография Казанского университета, 1908. 539 с.

2. Новоселов, В. И. К вопросу об административных договорах / В. И. Новоселов // Правоведение. 1969. № 3. С. 40–45.

3. О модельном законе «Об административных процедурах» : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 28.10.2022 № 54-28. URL: <https://base.garant.ru/406238411/7dc915bc75cffbb81484b76070f99d35/> (дата обращения: 20.10.2024).

4. Курчевская, С. В. Административный договор: формирование современной теории и основные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Курчевская. Воронеж, 2002. 230 с.

5. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

6. Бахрах, Д. Н. Административное право: учебник для вузов / Д. Н. Бахрах. М.: Норма, 2005. 409 с.

7. Кикоть, В. А. О договорных формах управления государственными и общественными делами / В. А. Кикоть // Договорные формы управления: постановка проблемы и пути решения. М.: Просвещение, 1981. С. 42–51.

УДК 34.4414

ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВО

К. А. Козлов,

студент 2-го курса Межрегионального юридического института
(бакалавриат)

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель — К. О. Кошьева,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

***Аннотация.** В статье проанализированы основные причины роста интернет-мошенничества, современные способы его совершения, виды уголовной ответственности за интернет-мошенничество и законопроект о введении уголовной ответственности за отдельные виды интернет-мошенничества.*

***Ключевые слова:** интернет, пользователь, мошенничество, дипфейк, фишинг, вишинг, смишинг, спам, персональные данные, инсайдерские утечки*

В настоящее время Интернет является неотъемлемой частью жизни большинства населения нашей страны. Пользователи глобальной компьютерной сети — люди разных возрастов и профессий. С развитием Интернет стал не только основным средством коммуникации, но и орудием совершения преступлений, в частности таких, как мошенничество.

В настоящее время наблюдается значительный рост интернет-мошенничества, появляются новые способы его совершения, что порождает необходимость законодательного регулирования.

Основными причинами роста интернет-мошенничества являются анонимность в сети Интернет и легкий доступ к персональным данным. Каждый пользователь имеет возможность создать фальшивый профиль или аккаунт, что затрудняет или делает невозможным установление личности мошенника и предоставляет ему возможность избежать ответственности за совершенное преступление [1, с. 342]. К числу наиболее встречаемых способов завладения чужими данными следует отнести: 1) незаконное проникновение в базу данных, 2) фишинговые рассылки, 3) завладение информацией при помощи сотрудников компаний (инсайдеров).

К современным видам интернет-мошенничества относятся: фишинг, вишинг, дипфейк, демонстрация экрана гаджета в момент получения СМС с кодами, оплата услуг по фейковому QR-коду, хищение персональных данных из «Госуслуг» и др.

Одним из наиболее распространенных и успешных видов интернет-мошенничества является фишинг, при котором происходит похищение персональных данных, к числу которых относятся: код доступа к совершению банковских операций, персонифицированные данные электронной почты, деньги и т. д. Данное онлайн-мошенничество совершается при помощи поддельных сайтов, учетных записей или электронных писем. Лицо, осуществляющее фишинг-мошенничество, в своей преступной деятельности применяет в качестве способов завладения персональными данными массовую рассылку сообщений с целью привлечения внимания (спам, рекламу, электронные письма от известных компаний, как правило, банков).

Например, в 2023 году многие иностранные компании ушли из России, кинотеатры потеряли возможность транслировать новинки иностранного кинематографа. Воспользовавшись этим, мошенники создали сайты, привлекая к их посещению граждан посредством предоставления доступа к просмотру кинопремьер на безвозмездной основе. При этом фактически гражданин для просмотра фильма должен был его оплатить, предоставив данные о банковской карте.

Разновидностью фишинга является вишинг и смишинг.

При вишинге злоумышленники используют телефон для кражи личной информации жертвы с целью доступа к ее финансам. Злоумышленник притворяется полицейским, банковским работником, налоговым агентом или работодателем жертвы и убеждает последнюю передать ему необходимые данные. Также мошенники оставляют голосовые сообщения жертве о том, что, если она не перезвонит, ее ожидают неприятные последствия. Одним из ярких примеров вишинга стал случай, когда мошенники, представившись членами юридической команды крупной корпорации, убедили сотрудников в существовании вымышленного судебного иска, требующего немедленной оплаты для предотвращения дальнейших разбирательств [2].

Смишинг — это разновидность фишинговой атаки, для которой основными инструментами являются смс-оповещения или мессенджеры (Viber, WhatsApp, Telegram) [3, с. 84]. В сообщениях злоумышленников всегда есть ссылка, по ко-

торой требуется перейти. Данная ссылка ведет не на страницу банка или интернет-магазина, а запускает вредоносную программу, действие которой направлено на то, чтобы получить доступ ко всем секретным данным, хранящимся в смартфоне.

В 2014 году появилась такая технология, как дипфейк, которую создал студент Стэнфордского университета Ян Гудфеллоу. Слово дипфейк в переводе с английского языка означает глубокое обучение (deep learning) и подделка (fake). Дипфейк — изображение, аудио или видеозапись, обработанные с помощью искусственного интеллекта [4, с. 175]. В частности, к дипфейку можно отнести видеозапись с человеком, которая в действительности не существовала, а была создана с помощью компьютерной программы.

С 2017 года дипфейки активно используются в преступных целях [5, с. 79]. В качестве одного из примеров дипфейка можно привести видеозапись, опубликованную в 2021 году на странице «Тинькофф бонус» в социальной сети [6]. На данной записи якобы от имени банкира Олега Тинькова было сделано предложение, в котором он дарит 50 % к сумме вложений при использовании банковского продукта «Тинькофф инвестиции». Лица, разместившие данное видео, использовали ссылки для завладения персональными данными. Данная незаконная деятельность впоследствии была пресечена.

В сентябре 2024 года у мошенников появилась новая схема получения доступа к персональным данным пользователей через онлайн-покупки [7]. Они звонят лицам, размещающим объявления о продаже своих вещей в интернете, под видом покупателей и просят связаться с ними с помощью видеозвонка для проверки наличия и качества товара. Затем предлагают включить функцию демонстрации экрана. В этот момент соучастник преступления запрашивает доступ к смене номера в банковском приложении продавца, а находящийся на связи мошенник видит СМС с кодом на экране.

Использование компьютерных программ для завладения чужим имуществом не выделено в отдельный состав уголовных преступлений. В связи с этим данные мошеннические действия подлежат квалификации по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), согласно которой к уголовной ответственности могут быть привлечены лица за мошенничество, под которым понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [8].

Уголовная ответственность за некавалифицированное мошенничество наступит при причинении ущерба на сумму более 2 500 руб. Если ущерб причинен на сумму менее 2500 руб., мошеннику грозит лишь административное наказание по статье 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9].

Кроме того, при хищении персональных данных и денежных средств посредством интернет-мошенничества может иметь место совокупность преступлений в зависимости от способа завладения. В случае, если мошенничество сопряжено с вымогательством, то действия преступника подлежат квалификации по статье 159 УК РФ и статье 163 УК РФ. Использование неправомерного доступа к компьютерной информации при указанном хищении влечет за собой дополнительную квалификацию по статье 272 УК РФ [8].

В мае 2024 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект об уголовной ответственности за мошенничество, совершенное с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица, за которое предлагалось наказывать штрафом либо обязательными, исправительными, принудительными работами, либо лишением свободы на срок до шести лет [10]. Однако в июле 2024 года Правительство РФ рекомендовало доработать данный документ.

Исследования показали, что у интернет-мошенников существует реальная возможность похитить не только персональные данные гражданина, но и его денежные накопления. Поэтому каждому пользователю необходимо проявлять максимум бдительности, внимательно следить за электронными сообщениями, не допускать перехода по непроверенным ссылкам, не осуществлять перевод денежных средств неизвестным лицам и постоянно проводить проверку компьютера на наличие вирусов.

Для охраны граждан от посягательств интернет-мошенников предлагается внести изменения в УК РФ, дополнив статью 159 частью 8: «Мошенничество, совершенное с использованием компьютерных программ, в том числе искусственного интеллекта, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и мобильной связи, наказывается лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до ста тысяч рублей или в

размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от шести месяцев либо без такового».

Введение уголовной ответственности за указанный вид преступления вызвано значительным прогрессом в сфере информационных технологий с использованием компьютерных программ.

При этом, полагаем, отсутствуют основания для выделения в отдельный вид состава преступления каждого из способов интернет-мошенничества.

1. Фаттахова, Д. Р. Мошенничество в сети Интернет / Д. Р. Фаттахова // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 341–344. URL: <https://moluch.ru/archive/339/76054/> (дата обращения: 04.11.2024).

2. Примеры и профилактика вишинг-атак. URL: <https://www.trustsol.ru> (дата обращения: 02.11.2024).

3. Квасникова, Т. В. Новые направления мошеннических посягательств с использованием цифровых технологий / Т. В. Квасникова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2024. № 2 (107). С. 84. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 05.11.2024).

4. Лемайкина, С. В. Актуальные вопросы противодействия использованию технологии дипфейков / С. В. Лемайкина // Юрист-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 175–178.

5. Ситник, В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк / В. Н. Ситник // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3 (20). С. 76–83.

6. Дипфейк с Олегом Тиньковым рекламирует поддельную страницу «Тинькофф Инвестиций». URL: <https://rozetked.me> (дата обращения: 02.11.2024).

7. Набаткина, К. Персональный показ: набирает обороты новая схема онлайн-мошенничества / К. Набаткина, Я. Штурма. URL: <https://iz.ru/author/iana-shturma> (дата обращения: 01.11.2024).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

10. Законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации от 16.09.2024 № 718538-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

УДК 34.096

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЗЫСКАТЕЛЯ, ПРИЗНАННОГО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫМ (БАНКРОТОМ), В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

А. Р. Кривых,

студентка 6-го курса юридического института (специалитет)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — И. В. Федорова,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В современной России остается актуальной проблема защиты нарушенных субъективных прав, свобод и законных интересов, в контексте которой отдельного внимания заслуживает обжалование действий и решений органов власти и их должностных лиц в исполнительном производстве. Акцентация на предметной деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации позволила не только проанализировать процедуру таких обжалований, оснований для них, но и выявить пробелы непосредственно в Федеральном законе «Об исполнительном производстве».

Ключевые слова: приставы, незаконные действия, административный истец, взыскатель, должник, банкротство, обжалование, исполнительное производство

В настоящее время вопрос о незаконных или неправомерных действиях и принятых решениях органов исполнительной власти и должностных лиц все чаще становится предметом дискуссии, а вопрос об обжаловании таких действий и решений не утрачивает актуальности для общества. Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде [1]. Данная норма защищает права и свободы не только граждан (физических лиц), но и их объединений, в том числе юридических лиц. Учитывая, что в настоящее время действует достаточное количество органов исполнительной власти, стоит уделить особое внимание такой структуре, как Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации (далее — ФССП России).

ФССП России — федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности [2].

Основной закон, которым при осуществлении своей деятельности руководствуется ФССП России, — Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Федеральный закон «Об исполнительном производстве»). Статьей 1 данного закона установлено, что он определяет условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, которым при осуществлении установленных федеральным законом полномочий предоставлено право возлагать на иностранные государства, физических лиц, юридических лиц, Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий [3].

Казалось бы, что любые действия и принимаемые решения должностными лицами ФССП России и их территориальных органов, а также условия и порядок их деятельности в целом урегулированы законом. Однако на практике нередко приходится сталкиваться с тем, что в действующем законодательстве Российской Федерации имеются пробелы, которые негативно влияют на разрешение той или иной ситуации. Стоит согласиться, что каждый случай в исполнительном производстве индивидуален, а это значит, что благодаря индивидуализации нарабатывается определенная практика в возбуждении исполнительных производств, ведении исполнительных дел, принятии мер в целях достижения исполнения судебных актов, которая помогает выявить имеющиеся «пробелы» в законодательстве Российской Федерации и усовершенствовать его.

В связи с достаточно непростым периодом, который переживает наша страна, большую долю в функционале ФССП России, включая территориальные отделы судебных приставов Российской Федерации, занимают дела, должниками по которым выступают физические лица (граждане). Этому способствовало и принятие Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О

несостоятельности (банкротстве)» [4], который сыграл значительную роль в исполнительном производстве.

Как показывает статистика, с каждым годом число неплатежеспособных граждан, обратившихся в арбитражные суды с заявлением о признании их несостоятельными (банкротами), растет [5]. Граждане банкротятся, долги граждан списываются. Правительство Российской Федерации все больше старается внедрять государственные и региональные программы поддержки населения [6], однако к восстановлению платежеспособности и повышению среднедушевого дохода граждан это пока не приводит. ФССП России не успевает отслеживать негативные ситуации, пресекать наступления пика «банкротства», вносить предложения и внедрять новшества в нормативные правовые акты, которые применяются в ходе осуществления деятельности ее структур.

Должностные лица территориальных отделов ФССП России применяют различные меры по взысканию денежных средств и иного имущества должников в пользу взыскателей, совершают в пользу взыскателя определенные действия или препятствуют совершению определенных действий должником; при этом в случаях, когда гражданин-должник признан несостоятельным (банкротом), кратно увеличивается риск нарушения прав взыскателей.

Не все действия должностных лиц признаются правомерными, а принятые решения — законными: например, возбуждение исполнительного производства на стадии банкротства гражданина или принятие заявления от гражданина, признанного несостоятельным (банкротом), возбуждение исполнительного производства по заявлению этого лица или продолжение взыскания с такого гражданина исполнительского сбора. Такие действия должностных лиц достаточно часто встречаются в судебной практике и оспариваются в порядке административного судопроизводства.

В случае возникновения подобных прецедентов взыскатель или должник имеют право на обращение с жалобой к вышестоящему должностному лицу (ст. 123 Федерального закона «Об исполнительном производстве») или с административным иском заявлением в суд (гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [7] (далее по тексту — КАС РФ)). Остановимся тезисно на второй форме, учитывая особенности функционала выбранного для рассмотрения органа исполнительной власти.

Согласно ст.ст. 124, 219 КАС РФ административное исковое заявление — это документ, составленный в письменной форме, с которым заинтересованное лицо (административный истец) обращается в суд с требованием о защите в порядке административного судопроизводства своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов в сфере административных правоотношений в течение десяти дней со дня, когда лицу, чьи права были нарушены, стало об этом известно. Вопрос о принятии/непринятии или оставлении без движения административного искового заявления судьей рассматривается единолично в течение трех дней со дня поступления такого заявления в суд, а в случае положительного решения на стадии принятия административного искового заявления — рассматривается судом в течение одного месяца со дня поступления такого заявления в суд [7].

Проанализировав вышеуказанную норму законодательства, можно сделать вывод, что данная категория дел судами рассматривается достаточно быстро (в короткий срок), учитывая специфику таких дел и количество обращений, но стоит задуматься о наличии реальной проблемы в области применения законодательства, обусловленной его «пробелами».

Так, ранее указывалось о наличии фактов неправомерных действий и вынесенных решений со стороны территориальных отделов ФССП России в отношении исполнительных дел, сторонами которых является гражданин-должник, признанный несостоятельным (банкротом), и взыскатель. Приведем пример, когда гражданин-должник, признанный несостоятельным (банкротом), обращается в территориальный отдел ФССП России с заявлением о возбуждении исполнительного производства в качестве взыскателя.

В Федеральном законе «Об исполнительном производстве» отсутствуют положения, которые бы регулировали отсутствие права у должника, признанного несостоятельным (банкротом), на обращение с заявлением в соответствующий отдел ФССП России в качестве взыскателя, однако Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» такая обязанность возложена на финансового управляющего, утвержденного судебным актом арбитражного суда [4]. Кроме того, имеется судебная практика, согласно которой при обращении должников по исполнительным производствам, возбужденным на основании заявления взыскателя, признанного несостоятельным (банкротом), с административным исковым заявлением в суд об обжаловании незаконных действий должностных

лиц территориальных отделов ФССП России, возбудивших такие исполнительные производства, требования административных истцов удовлетворены, действия признаны незаконными и, соответственно, подлежат отмене [8]. В данном случае налицо проблема, решение которой предполагает внесение изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве».

Подводя итог, можно отметить, что пробелы в правовом регулировании, в частности, в законодательстве об исполнительном производстве — это явный признак наличия существенных проблем, требующих внедрения дополнений или внесения поправок по каждому выявленному случаю. Появляются такие «пробелы» в результате объективной индивидуализации каждого исполнительного производства.

Особое значение имеет также выявление подобных случаев должностными лицами органов исполнительной власти, а именно ФССП России в целях пресечения нарушений и сокращения обращений лиц, чьи права были нарушены, к вышестоящим должностным лицам с жалобами или в суд с административными исковыми заявлениями. При этом должностным лицам стоит уделять внимание не только закону, который регулирует их деятельность, но законам, иным нормативным правовым актам, которые непосредственно относятся к существу специфических дел.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.

3. Об исполнительном производстве : федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

4. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

5. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности // Интерфакс. URL: <https://fedresurs.ru/news/24f5de15-1c42-470f-aa2c-13919c026cse> (дата обращения: 13.11.2024).

6. Портал государственных услуг Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/social_support (дата обращения: 11.11.2024).

7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

8. Сыктывкарский городской суд Республики Коми // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://syktsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=11RS0001&srv_num=1&delo_id=41&case_type=0&judicial_uid=11RS0001-01-2024-011095-79 (дата обращения: 11.11.2024).

УДК 343.341.1

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА

Ю. А. Кулалаева,

студент 4-го курса юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения законодательства об ответственности за участие в преступных организациях в части выявления умысла участников, определения отличительных признаков преступных организаций от иных видов соучастия. На основе анализа судебных актов и пояснений Пленумов Верховного Суда РФ автором предложены рекомендации по решению коллизионных вопросов при квалификации участия в преступных сообществах.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, прямой умысел, структурированная группа, цель преступления

Создание преступных сообществ на сегодняшний момент считается наиболее опасным видом уголовного сговора, характеризующимся тем, что преступления, совершаемые в преступной организации, зачастую относятся к категориям тяжких или особо тяжких. В практике уголовного права вопросы квалификации таких деяний — одна из наиболее важных задач. Стоит отметить, что концептуальные нормы уголовного закона о создании преступного сообщества требуют

доработки. Встречаются недостатки, такие как нечеткие и субъективные термины, ведущие к ошибкам в правовой оценке, к тому, что виновные в судебном порядке освобождаются от наказания за деяния, установленные статьей 210 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ). Ошибочное определение характера действий может запускать цепочку последствий, крайними из которых являются несправедливое освобождение виновных и, наоборот, незаконное привлечение к ответственности невиновных лиц. Упомянутые ранее последствия некорректной квалификации подчеркивают важность защиты прав как обвиняемого, так и пострадавшего. Отсюда вытекает значимость точного определения действий в соответствии со статьей 210 УК РФ.

Основная задача сил правопорядка заключается в идентификации и расследовании преступных деяний через оперативные действия. Статистические данные сводок Министерства внутренних дел РФ указывают на увеличение количества выявленных преступлений, совершенных преступными организациями: с 10,5 % в январе-декабре 2022 года до 11,6 % [5]. Отмечаем, что общественная опасность таких преступлений всегда возрастает, а ущерб увеличивается. Поэтому склоняемся к мнению, что изучение преступных сообществ требует комплексного подхода, а проблема ответственности за организацию преступного сообщества не теряет своей актуальности для исследования.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных сообществами, включают в себя следующие элементы:

- сложность доказывания самого факта создания преступной организации на ранних стадиях. Организация может быть создана, может идти активная подготовка к преступлению, в том числе вовлечение в ряды соучастников все большего количества лиц;

- квалификация действий участников преступного сообщества на различных стадиях преступления.

Говоря о первой проблеме, необходимо обратить внимание на формирование умысла. Из смысла статьи 210 УК РФ: соучастие в преступлении не может быть неосторожным по своей сути [1]. Но в данном случае неясно, каким образом формируется преступное «объединение»: по наличию влиятельных связей в необходимых сферах или только по личностным характеристикам? Кроме того, необходимо выяснять, создавались ли фирмы-однодневки, обладающие юриди-

ческим статусом (среди преступлений, выпадающих на долю преступных сообществ, таковые совершаются и в сфере экономической деятельности).

При квалификации преступлений в соучастии появляется сложность в определении той или иной формы организованной преступности из-за многозначности и множественности понятий форм соучастия.

В законодательных нормах существуют несколько составов организации и участия в преступных сообществах. По статье 209 УК РФ создание банды предполагает формирование устойчивой организованной группы для совершения вооруженных преступлений (вымогательств) в отношении отдельных граждан либо организаций [4]. Санкция статьи 210 УК РФ предусматривает ответственность за создание преступного сообщества или управление им для совершения тяжких преступлений [1]. Общие признаки, согласно которым преступление может быть признано совершенным преступным сообществом, содержатся в ч. 4 ст. 35 УК РФ [1].

Преступным сообществом считается структурированная организованная группа или объединение организованных групп под единым руководством. Для детального понимания трактовки «структурированная организованная группа» выделим основные признаки организованной группы по УК РФ [1], которые отличают эту форму соучастия от простой группы лиц:

- устойчивость;
- заблаговременное объединение.

Для структурированного преступного коллектива, помимо централизованного управления, характерны взаимосвязи между его составными частями с целью осуществления совместных противоправных задач. Ключевые аспекты включают в себя распределение обязанностей, возможность специализироваться на определенных этапах преступления, а также прочие методы поддержки функционирования данной преступной структуры [3].

Кроме «классических» составов преступлений при участии преступного сообщества (ст.ст. 35, 209, 210 УК РФ [1]), Закон предусматривает специальные составы, которые содержат признаки именно преступной организации, но законодатель выделил эти составы в отдельные нормы ввиду различия в целях совершения преступлений. Террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ [1]) характеризуется постоянным, заблаговременно консолидировавшимся составом для осуществления или подготовки к террористической деятельности. В ст.

282.1 законодатель описывает еще вид преступного сообщества. Далее — экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ [1]). Разъяснением п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 11) констатируется прямой умысел как главный признак совершения преступления в составе такой организации [2]. Статья 281.3 [1] предусматривает уголовную ответственность за организацию диверсионного сообщества. Диверсионным признается сообщество, в котором участвуют заранее объединившиеся в устойчивую группу лица, целью которых является совершение диверсионной деятельности либо подготовка к ней [1; 2]. В настоящий момент этот вопрос не лишен актуальности: диверсионная деятельность сопровождается повышенным риском саботажных актов, которые несут серьезную опасность для национальной безопасности, направлены на нарушение стабильности, на разрушение ключевых объектов, включая те, что относятся к оборонной промышленности, транспортной сети и другим, критически важным для жизнедеятельности населения системам.

Для понимания различия между перечисленными общими и специальными составами важно затронуть цель создания преступного сообщества (организации). Как уже говорилось выше, в большинстве случаев преступные сообщества преследуют цель обогащения (ч. 4 ст. 25 УК РФ [1] говорит о получении финансовой или иной материальной выгоды). В случае же с террористическим сообществом преступления совершаются из идеологических стремлений (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ [1]). Для экстремистского сообщества — схожая с терроризмом направленность действий, но без прямого прибегания к насилию (публичное распространение заведомо ложной информации о государственных структурах и прочее). Преступления диверсионной направленности по степени общественной опасности соразмерны преступлениям террористического характера.

Обращаем внимание, что вышеуказанные составы преступлений относятся к общей норме ст. 35 УК РФ [1], при этом их первостепенной целью не является финансовая выгода, которая указана в качестве обобщающего признака ч. 4 упомянутой статьи.

Вторая проблема обуславливается в первую очередь усеченной конструкцией состава преступления, которая образует сложность в вычленении отдельных стадий преступления. Соучастники преступления выполняют свои функции как

раз на разных стадиях деяния, и определить их точную роль в преступной организации довольно затруднительно.

Само участие лица в преступном сообществе означает:

- осмысленное вхождение лица в его состав и выполнение порученных обязанностей (приготовление, сбор данных и прочее);
- совершение преступлений, исходя из целей преступного сообщества.

Факт участия устанавливается, если лицо выполнило хотя бы одно из этих условий. Единоразовое исполнение обязанностей (например, в рамках приготовления к преступлению) уже можно считать участием в сообществе.

В таких случаях могут возникнуть следующие проблемы:

- 1) невозможность доказывания направленности целей организатора на создание сообщества, а не иной формы организованной преступности;
- 2) разграничение между приготовлением к преступлению группы лиц по предварительному сговору или структурированной организованной группы.

В качестве рекомендаций по решению квалификационных проблем предлагаем следующие:

– в специальных статьях УК РФ (ст.ст. 205.4, 281.3, 282.1) заменить формулировку «сообщество» на «организация». Законодатель не устанавливает различия между терминами «сообщество» и «организация», поэтому, на наш взгляд, есть возможность отказаться от одного из понятий;

– в ч. 4 ст. 35 УК РФ исключить признак «получение финансовой выгоды», противоречащий целям составов преступлений по ст.ст. 205.4, 281.3, 282.1 УК РФ.

Стоит согласиться, что эквивалентность характерных черт всех преступных организаций (не только экономических, но и вооруженных, террористических, диверсионных, экстремистских) упростит для правоприменителя определение формы преступления в соучастии.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня.

2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

3. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

4. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1997 № 1 // Российская газета. 1997. 30 января.

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года: статистические данные за 2023 год / МВД РФ, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»: официальный сайт. URL: <https://sul.su/qQxj> (дата обращения: 07.11.2024).

УДК 342.924

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИИ

Е. В. Лавриненкова,

студентка 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. В. Черкасов,

д-р юрид. наук, доцент,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. Исследование проблематики становления и развития законодательства об административно-правовой охране земельных участков позволило проследить эволюцию правового регулирования в этой сфере, выявить ключевые тенденции и определить перспективы дальнейшего совершенствования предписаний об административно-правовой охране земельных участков. Как итог обосновано совершенствование системы административной ответственности; расширение полномочий органов государственной власти и местного самоуправления по осуществлению государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля и прочие меры.

Ключевые слова: земельное законодательство, земельные отношения, государственная собственность, частная собственность, земельный участок, Земельный кодекс Российской Федерации, административная ответственность, земельный надзор, земельная реформа

Регулирование административно-правовой охраны земельных участков в дореволюционной России. Источники древнерусского права, такие как Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты, содержали нормы, направленные на защиту земельной собственности. Еще в XI–XIII веках за противоправные действия в отношении земли, в том числе за самовольный захват чужой земли, предусматривались штрафные санкции. Земельные отношения на Руси XIV–XVII веков регулировались многочисленными правовыми актами, среди которых особое место занимали Судебники 1497 и 1550 годов, а также Соборное уложение 1649 года.

В Судебнике 1497 года, например, статьи с 61 по 63 предусматривали меры наказания за противоправные действия, направленные на нарушение прав собственников земельных участков, в том числе за уничтожение межевых знаков и самовольное занятие чужой земли. Так, в ст. 61 «О изгородах» говорилось: «А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится протрава, ино тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от сел или от деревень, ино пожженному государю не городитися, городит тот всю огороду, чья земля орана пашня к пожни» [1]. Статьи 62 и 63 Судебника 1497 года содержали положения, регулирующие земельные отношения и обеспечивающие их защиту. Статья 62 обеспечивала неприкосновенность межевых знаков, а статья 63 устанавливала правовые механизмы защиты права собственности на земельные участки. Институт ответственности за земельные правонарушения, заложенный в Судебнике 1497 года, нашел свое дальнейшее развитие в статьях 84, 86 и 87 Судебника 1550 года.

Законодательный акт 1649 года, известный как Соборное уложение, уделил значительное внимание правовым аспектам земельных отношений, в том числе определил виды преступлений, связанных с незаконным использованием земли. Так, статья 211 этого акта устанавливала ответственность за самозахват и обработку чужих земельных наделов: «кто похочет чюжею землею завладети насильством, и для того ту чюжую землю хлебом посеет, и учнет ту землю называти своею землею и в том на него будут челобитчики... Да на нем же велети за то жь его насильство доправити с суднаго дела государевы пошлины вдвое» [2]. Соборное уложение 1649 года, являясь систематизированным сводом русского права, не только сохранило, но и значительно расширило систему правовой защиты земельной собственности, заложенную в более ранних источ-

никах. За самовольный захват земли и применение насилия при ее захвате Уложение предусматривало суровые санкции в статьях 231 и 233. Виновные лица подвергались различным видам наказаний, в зависимости от тяжести совершенного преступления. Соборное уложение устанавливало разнообразные меры наказания за нарушения правил владения вотчинами и поместьями, включая конфискацию имущества, лишение части земель и возмещение ущерба.

В 1836 году было утверждено «Положение о сбережении лесов и предупреждении истребления оных». Данное положение устанавливало административные взыскания, в том числе штрафы и аресты, за самовольные порубки леса, выпас скота в запрещенных местах и иные нарушения правил лесопользования. Несмотря на то, что «Положение» регулировало отношения в сфере использования лесных, а не сельскохозяйственных земель, оно положило начало формированию системы административно-правовых мер охраны земельных ресурсов [2].

Важную роль в развитии законодательства об административно-правовой охране земель в дореволюционной России сыграло «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Уложением 1845 года предусматривалась уголовная ответственность за взяточничество и притеснения при межевании земель, самовольный захват земли путем умышленного неправильного межевания, составление ложных межевых документов, волокиту с оформлением межевых материалов, а также иные нарушения. Виновные в указанных преступлениях подвергались серьезным наказаниям, включавшим в себя лишение прав, лишение свободы на определенный срок, увольнение с занимаемой должности и исключение из состава межевого ведомства. Кроме того, Уложение устанавливало ответственность за подделку документов, связанных с владением землей. К таким документам относились крепостные акты, межевые планы и земельные книги. Составление подложных документов расценивалось как тяжкое преступление [2].

Крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право, положила начало формированию в России института частной земельной собственности. Государство взяло на себя функцию регулирования земельных отношений, создав специальные органы для осуществления земельного надзора, проведения межевых работ и разрешения земельных споров. Была также разработана обязательная процедура купли-продажи и других сделок с землей, включающая обязательное нотариальное оформление и государственную регистрацию прав [2].

Несмотря на расширение прав частной собственности на землю, государство сохраняло за собой значительные полномочия по ее регулированию. Так, собственники земельных участков были обязаны обеспечивать свободный доступ к ним для всех желающих. Кроме того, существовали ограничения на приобретение земли определенными категориями лиц, включая иностранцев. Государство также резервировало за собой право принудительного изъятия земельных участков в общественных интересах при условии выплаты компенсации собственникам.

Законодательство об административно-правовой охране земельных участков в советской России. В советский период земельные ресурсы страны находились в исключительной собственности государства. Земельные участки предоставлялись в пользование как коллективным хозяйствам (колхозам, совхозам), так и гражданам для ведения личного подсобного хозяйства. Однако право собственности на землю оставалось только у государства.

Первый законодательный акт в истории СССР был принят Всероссийским Съездом Советов 26 октября 1917 г. и получил название Декрета о земле [3]. В первые годы установления советской власти также принимались и другие акты: Декрет СНК от 14 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью», Декрет ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О лесах», Декрет СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О недрах земли» и др. Декрет о социализации земли 1918 года ознаменовал переход к новой системе земельных отношений в РСФСР, при которой частная собственность на землю, воду и другие природные ресурсы была упразднена. Согласно этому документу, вся земля без всякого выкупа передавалась в пользование трудящихся [3].

Идеи, изложенные в Декрете о земле, получили дальнейшее развитие в Конституции РСФСР 1918 года [4], закрепившей государственную собственность на землю как краеугольный камень земельного законодательства, а Земельный кодекс 1922 года [5] детально прописал механизмы реализации этого принципа, предоставив гражданам право на пользование землей для сельскохозяйственных нужд. Земельный кодекс РСФСР 1922 года впервые на законодательном уровне закрепил систему мер административной ответственности за правонарушения в сфере использования и охраны земель. Кодекс установил ответственность за самовольное занятие земельных участков, их порчу, уклонение от использования по целевому назначению и другие нарушения. Предусматрива-

лись такие виды административных наказаний, как штрафы, конфискация имущества, обязательные работы. Ключевым событием того периода стала аграрная реформа 1928 года, кардинально изменившая сельское хозяйство страны. Ее суть заключалась в насильственной коллективизации крестьянских хозяйств и создании крупных колхозов. Этот процесс привел к ликвидации частного землепользования.

Земельный кодекс 1970 года существенно увеличил число деяний, связанных с нарушением земельного законодательства, за которые предусматривалась административная ответственность. В 1984 году был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, закрепивший более дифференцированные меры наказания за нарушение земельного законодательства [6].

Принятый 23 ноября 1990 года Закон РСФСР «О земельной реформе» существенно изменил земельные отношения в стране. Вступая в противоречие с союзным законодательством, он отменил государственную монополию на землю, заложенную в Конституции СССР. Закон вводил новые формы собственности на землю — государственную и частную, предоставляя гражданам право владеть земельными участками индивидуально или коллективно. Однако, чтобы упорядочить переход к новым отношениям, было установлено двухлетнее ограничение на распоряжение этими участками [7]. Закон предоставлял гражданам возможность приобретать земельные участки как за плату, так и бесплатно. В частности, для ведения садоводства и огородничества граждане могли получить земельные участки безвозмездно. Однако, в целях упорядочения земельных отношений, были введены временные ограничения на оборот земельных участков, которые впоследствии были отменены.

Введенный в действие в 1991 году Земельный кодекс РСФСР существенно расширил возможности граждан в сфере землепользования. Помимо традиционных форм пользования землей граждане получили право оформлять земельные участки в пожизненное наследуемое владение или брать их в аренду. Примечательно, что для ведения садоводства и огородничества земля предоставлялась бесплатно [8].

Новая редакция СНиП ВСН 43-85 «Застройка территорий садоводческих товариществ, здания и сооружения. Нормы проектирования» [9; 10] вышла в 1991 году. В начале 1990-х годов произошла существенная либерализация строительных норм, касающихся индивидуального жилищного строительства на са-

довых участках. Отмена жестких ограничений на размеры и назначение построек позволила собственникам возводить на своих участках полноценные жилые дома. При этом общие требования к планировке садовых товариществ сохранялись, хотя на практике они часто не соблюдались из-за отсутствия соответствующей документации. Изменения в строительных нормах 1991 года путем выпуска новой редакции СНиП ВСН 43-85 «Застройка территорий садоводческих товариществ, здания и сооружения. Нормы проектирования» кардинально изменили правила застройки садовых участков. Отмена ограничений на размеры построек и исчезновение понятия «летний садовый домик» позволили гражданам строить на своих участках жилые дома, не ограниченные по функциональности. В то же время сохранение требования о соответствии строительных работ проекту организации территории садоводства создавало определенные трудности для многих садоводческих товариществ, особенно в тех случаях, когда такая документация была утеряна или отсутствовала.

Таким образом, в условиях социалистической экономики земля играла ключевую роль и находилась под жестким государственным контролем. Земельное законодательство СССР отражало эту особенность, закрепляя государственную собственность на землю и централизованное управление земельными ресурсами.

На протяжении XVIII–XX веков происходило постепенное формирование нормативной базы, регулирующей порядок использования и охраны земель, а также меры ответственности за земельные правонарушения. Это заложило основу для дальнейшего совершенствования законодательства в современный период [10].

Законодательство об административно-правовой охране земельных участков в современной России. Конец 1991 года ознаменовался важными изменениями в земельном законодательстве, направленными на расширение прав граждан на землю. Для ведения личного подсобного хозяйства и индивидуального жилищного строительства в сельской местности гражданам предоставлялись земельные участки на бесплатной основе. Эти нововведения были закреплены в указах Президента РФ и постановлениях Правительства. А через год, в 1992 году, был принят Закон Российской Федерации № 4196-1 «О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства» [11]. Закон упразд-

нил мораторий на реализацию земельных участков, предоставив собственникам право свободно распоряжаться своей собственностью.

Важнейшим этапом стало принятие Земельного кодекса Российской Федерации в 2001 году [12]. Этот законодательный акт систематизировал виды нарушений земельного законодательства и определил меры административной ответственности за их совершение. Кроме того, четко разграничены полномочия государственных и муниципальных органов в сфере земельного контроля. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях 2001 года [13] содержит в себе положения об охране и защите земельных отношений, административной ответственности за нарушение земельно-правовых норм и правил.

Важную роль в обеспечении административно-правовой охраны земель сыграло также принятие в 2021 году Постановления Правительства Российской Федерации № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» [14]. Этот нормативный правовой акт является основополагающим документом, регулирующим деятельность государственных органов в сфере земельного контроля. В нем подробно изложены полномочия контролирующих органов, а также механизмы надзора за соблюдением земельного законодательства.

Резюмируя, отметим следующее. В рамках статьи рассмотрены особенности становления и развития законодательства об административно-правовой охране земельных участков на территории России в такие периоды, как дореволюционный, советский и современный. Фундамент для развития регламентации административно-правовой охраны земельных участков в России был заложен в дореволюционный период. Наименее плодотворным является современный период, но он еще не завершен. Анализ современного состояния законодательного обеспечения административно-правовой охраны земельных участков на территории Российского государства позволят заключить, что для повышения эффективности такой охраны требуется: совершенствовать систему административной ответственности, включая уточнение составов правонарушений и ужесточение санкций за их совершение; расширить полномочия органов государственной власти и местного самоуправления по осуществлению государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля; внедрить современные информационные технологии в сферу мониторинга, учета и охраны земель; усилить взаимодействие контрольно-надзорных органов при выявлении и

пресечении нарушений земельного законодательства; повысить эффективность мер по восстановлению нарушенных прав на землю и возмещению причиненного ущерба.

1. Штамм, С. И. Судебник 1497 года : учеб. пособие / С. И. Штамм. М.: Госюриздат, 1955. 112 с.

2. Российское право в исторической памяти : материалы межрегионал. науч.-практ. конф. (22 октября 2019 г., г. Ставрополь,). Ставрополь: Печатный двор, 2019. 119 с.

3. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле (принят 26.10.1917) (утратил силу) // Сайт исторического факультета МГУ. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения: 12.09.2024).

4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918) (прекратила действие). URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 05.10.2024).

5. О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК РСФСР от 30.10.1922 (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О земельной реформе : закон РСФСР от 23.11.1990 № 374-1 (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 26. Ст. 327. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Земельный кодекс РСФСР : закон РСФСР от 25.04.1991 № 1103-1 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 768. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. ВСН 43-85. Застройка территорий садоводческих товариществ, здания и сооружения. Нормы проектирования" (утв. Приказом Госгражданстроя СССР от 11.12.1985 № 404). URL: https://e-ecolog.ru/docs/fhATu_iQ47GHJrsm8URi?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 29.09.2024).

10. Родионова, О. Р. Совершенствование мер, направленных на административную охрану земельных правоотношений / О. Р. Родионова // Юридическая наука и практика. 2023. С. 115–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=58634180> (дата обращения: 27.05.2024).

11. О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного

хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства : закон Российской Федерации от 23.12.1992 № 4196-1 (утратил силу) // Российская газета. 1993. 06 января. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Земельный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета. 2001. 30 октября.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

14. О федеральном государственном земельном контроле (надзоре) (вместе с «Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)») : постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1081 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021 (дата обращения: 01.10.2024).

УДК 347.6

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. А. Лобова, Д. А. Тетерина,

студентки 4-го курса Института юстиции (бакалавриат)

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель — П. А. Непомнящий,

преподаватель кафедры гражданского права

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. В статье исследовано положение животных в наследственном праве. На основе анализа теории и практики как зарубежных стран, так и России отражено развитие законодательства в отношении рассматриваемого вопроса. Выявлены проблемы, возникающие при решении вопроса о статусе животных в наследственном праве, а также предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: наследственное право, животные, завещательное возложение, завещание, объекты и субъекты права, наследодатель

Несколько веков назад для человечества было свойственно потребительское отношение как ко всей окружающей среде в целом, так и к животным в частности. Однако на современном этапе в законодательстве многих государств появляются нормы, определяющие особенности правового статуса животных, которые сегодня занимают особое положение в правовой системе. Так, в России в

2018 году был принят Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляющий в статье 4, что «обращение с животными должно основываться на нравственных принципах и принципах гуманности» [1].

Чтобы оценить правовой статус животных в современном мире, важным представляется обратиться к истории данного вопроса. Первые упоминания в правовых источниках встречаются еще в римском праве. Так, в Законах XII таблиц устанавливается ответственность за вред, причиненный животным [2, с. 297]. В XVII веке прогрессивным в данном вопросе являлось законодательство Японии, в рамках которого убийство животных стало наказуемо [2, с. 297]. В Российской империи законодательство, регулирующее правовое положение животных, появилось спустя длительное время, в XIX веке. Так, в 1865 году было учреждено Российское общество защиты животных [2, с. 298]. В свою очередь, в XX столетии был заключен ряд международных договоров, защищающих права животных: Всемирная декларация прав животных [2, с. 298], Европейская конвенция по защите домашних животных [2, с. 298] и другие.

На современном этапе положение животных в правовой системе нашего государства закрепляет статья 137 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ): «к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности» [3]. К иным нормативно-правовым актам, содержащим положения, касающиеся рассматриваемого вопроса, можно отнести Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» [1], а также федеральные законы «О животном мире» [4], «О племенном животноводстве» [5], «Об охране окружающей среды» [6] и др.

Исходя из положений Гражданского кодекса РФ, применительно к наследственному праву животные рассматриваются в качестве имущества, которое наряду с иным движимым и недвижимым имуществом входит в наследственную массу, то есть выступают в качестве объектов [7, с. 84], а не субъектов правоотношений.

Так, Калачевским районным судом Волгоградской области рассматривалось гражданское дело № 2-1129/2018 по иску о признании права собственности в порядке наследования на имущество, принадлежащее при жизни отцу истца, и

о взыскании денежной компенсации за наследственное имущество. В состав упомянутого имущества входили сельскохозяйственные животные (коровы, свиньи, куры и т. д.). Решением суда были частично удовлетворены требования истца, а именно в его собственность переходили несколько коров [8].

Наряду с этим, Наро-Фоминским городским судом Московской области в январе 2024 года было рассмотрено гражданское дело №2-4/2024, связанное с разделом наследственного имущества, в перечень которого входили собаки породы Акита. Решением суда животные были оставлены в собственности истца, однако у него появилась обязанность выплаты компенсации ответчику в размере стоимости собак (952 000 рублей) [9].

При этом в истории как зарубежных стран, так и России имели место иные ситуации. Так, в 2019 году известный немецкий модельер Карл Лагерфельд в завещании в качестве наследника всего имущества указал свою кошку по кличке Шупетт. Родственниками предпринималась попытка оспорить данное завещание, однако Германским судом документ был признан соответствующим законодательству [10, с. 203]. Отечественной же истории известен случай, когда в XIX веке в городе Углич состоятельная купчиха указала в качестве наследника свою собаку, завещав ей все недвижимое имущество и денежные средства в размере 100 000 рублей. Попытки оспорить завещание оказались безрезультатными — после смерти собаки имущество перешло в казну города Углича [11, с. 56].

На данный момент в качестве наследников могут выступать только физические и юридические лица, а также публично-правовые образования (Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования). Однако данный факт не означает, что наследодатель не имеет возможности обеспечить уход за своим питомцем после своей смерти. Для таких целей возможно использование наследодателем такого института, как завещательное возложение. Статья 1139 ГК РФ предусматривает, что завещатель вправе возложить на одного или нескольких наследников обязанность содержать принадлежащих завещателю домашних животных, а также осуществлять необходимый надзор и уход за ними [12]. Однако существует несколько проблем, которые могут возникнуть в данной ситуации.

Во-первых, неопределенным остается вопрос правомочий наследника по отношению к животному. С одной стороны, завещательное возложение предполагает право собственности на животное, обязанность по содержанию и уходу за

которым предусматривает завещание. Однако правомочия собственника, как известно, предполагают возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению. В отношении домашних животных данные права могут быть реализованы собственником лишь в определенной мере, поскольку предоставление наследнику возможности свободно распоряжаться животным, в частности отдать его в приют или «выгнать на улицу», осложняет действие завещательного возложения [13, с. 6].

Другим спорным моментом является вопрос объема исполнения. Нормы действующего законодательства предусматривают обязанность исполнения завещательного возложения лишь в пределах унаследованного имущества. В данном случае, когда речь заходит о завещательном возложении ухода за животным, возникает проблема: израсходовав унаследованную долю имущества, наследник может «выгнать животное на улицу», поскольку законом данный вопрос не урегулирован. Исходя из этого, авторами статьи предполагается необходимость введения законодателем обязанности для наследника содержать животное до его естественной смерти.

Таким образом, исследовано развитие теории и практики, касающихся вопроса положения животных в правовой системе в целом, а также в наследственном праве в частности. Исходя из проанализированных источников, можно прийти к выводу, что в истории России и зарубежных стран прослеживается значительный прогресс нормотворчества в отношении животных. Практике известны случаи, когда животные выступают в качестве субъектов наследственного права, однако на современном этапе в России прогрессирует рассмотрение животных в качестве объектов наследственного права, что прослеживается не только в теории, но и в судебной практике. Авторами статьи предлагается введение в ГК РФ правовой нормы, наряду с упомянутой ранее ст. 137, которая конкретизировала бы статус животных в наследственном праве.

1. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.

2. Синельникова, В. Н. Животные как объекты гражданских прав: актуальные вопросы / В. Н. Синельникова, А. А. Хатунцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. С. 294–308.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

4. О животном мире : федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. №17. Ст.1462.

5. О племенном животноводстве : федеральный закон от 03.08.1995 № 123-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3199.

6. Об охране окружающей среды : федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

7. Тычинин, С. В. Животные в системе объектов гражданских прав / С. В. Тычинин, Е. В. Королева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1. С. 81–85.

8. Решение Калачевского районного суда Волгоградской области по делу № 2-1129/2018 от 19.11.2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ufKjo9ZfNBmj/?regulartxt=домашние+животные+в+завещании®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo=Статья+137.+Животные%28ГК+РФ%29®ulardate_from=®ulardate_to=®ularworkflow_stage=®ulararea=®ularcourt=®ularjudge=&snippet_pos=8504#snippet (дата обращения: 12.11.2024).

9. Решение Наро-Фоминского городского суда Московской области по делу № 2-4/2024 от 24.01.2024 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/00EF2NR0oqdC/?regulartxt=наследство®ularcase_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+137.+Животные%28ГК+РФ%29®ulardate_from=®ulardate_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ularjudge=&snippet_pos=1274#snippet (дата обращения: 12.11.2024).

10. Кутасин, П. А. Домашние животные как объекты гражданских прав: проблемы и перспективы изменения статуса при наследовании в Российской Федерации / П. А. Кутасин // Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных проектов : материалы XVIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции : в 2 ч. Челябинск, 2020. Ч. 1. С. 202–204.

11. Кукушкина, А. Н. Животные: субъекты или объекты наследственного права? / А. Н. Кукушкина // Сборник статей XI Международной научно-практической конференции (5 июня 2020 г., г. Пенза). Пенза: МЦСН «Наука и Просвещение», 2020. С. 55–57.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001 № 49. Ст. 4552.

13. Калинин, М. А. Домашние животные в наследственном праве / М. А. Калинин // Перо науки. 2019. № 11. С. 4–6.

УДК 343.3

ПРОБЛЕМЫ ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДДЕЛКИ ДОКУМЕНТОВ СОГЛАСНО СТ. 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

И. Н. Лысенко,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются свойства и признаки официальных документов, являющихся предметом преступлений, предусмотренных статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе анализа теоретических положений и законодательства выявлены проблемы квалификации преступлений в сфере подделки документов и предложены способы решения вопросов в указанной области.

Ключевые слова: официальный документ, подложный документ, подделка, предмет преступления, Уголовный кодекс Российской Федерации

Современные участники правовых отношений опираются на официальную документацию, которая обеспечивает работу государственных и муниципальных органов власти. Современные технологии позволяют создавать новые способы подделки официальных документов и внедрять их в оборот. Опасность состоит в том, что согласно законам России поддельные официальные бланки, удостоверения, паспорта могут использоваться в качестве инструментов совершения преступлений.

Информация о количестве деяний, связанных с фальсификацией официальных деловых бумаг, протоколов, справок, свидетельствует о широком распространении этой категории преступлений. Число уголовных разбирательств в сфере подделки официальных документов значительно выросло. За последнее время было зарегистрировано 17 тысяч дел по статье 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Наиболее часто подделке подвергаются водительские удостоверения (55 % от общего числа). Российские паспорта занимают второе место с уровнем около 16 %, а на третьем месте находятся

справки и свидетельства, предоставляющие право на субсидии и гранты; рейтинг паспортов стран Содружества составляет 12 % [4].

Более того, не учитываются латентные случаи. Борьба с фальсификацией затрудняется не только высокой скрытностью, но также недостатками уголовного законодательства в области определения понятий, которыми апеллирует суд при оценке деяния. Элемент, на который осуществляется воздействие в ходе преступного деяния, становится обязательным критерием состава преступления и обязательно учитывается при анализе противозаконного действия. Раздел десятый УК РФ [1] гласит, что официальный документ является одним из основных признаков состава преступления в сфере фальсификации официальных бумаг (ст. 327).

Актуальность рассуждения о значении официального документа возрастает из-за отсутствия общепринятого определения этого термина. С развитием современных технологий в информационном обществе расширяется сфера обращения документов [6]. Все чаще используются электронные аналоги с цифровой подписью. Согласно пункту 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 43), касающемуся некоторых аспектов судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327 УК РФ, под официальными документами, которые предоставляют права или освобождают от обязанностей, понимаются документы, включая электронные, которые создаются, выдаются или заверяются в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами власти, органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также уполномоченными образовательными, медицинскими и другими организациями независимо от формы собственности, должностными лицами, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях, экзаменационными, врачебными и другими комиссиями, нотариусами [2].

При анализе понятия «официальный документ» по части 1 ст. 327 УК РФ [1] отмечается основной определяющий признак — длительность действия (или многократность использования) документа. Данный признак является отличительным при сравнении понятий «поддельный документ» и «подложный документ». Из части 5 ст. 327 УК РФ следует, что подложный документ — это документ, действующий однократно. Поясним, что заведомо подложными доку-

ментами могут быть подложные пропуска на закрытую территорию города либо предприятия; договоры, вытекающие из гражданских правоотношений [1]. Думается, такое объяснение различия поддельных и подложных документов необходимо включить в предметное пояснение Пленума Верховного суда РФ.

В настоящее время в сфере адвокатуры и правоприменения возникают споры по поводу сферы действия тех или иных документов. Бланкетные статьи уголовного закона чаще ссылаются на другие нормы, чем дают конкретное определение.

Так, согласно Кассационному определению Верховного Суда РФ от 22 февраля 2023 года № 5-УД22-159-К2 <Ф.И.О.> был признан виновным и осужден за использование поддельной регистрации по месту жительства в Хамовническом районном суде г. Москвы. Осужденный же утверждает, что ошибочен вывод суда первой инстанции о его виновности [3]. Использование фальшивого документа, независимо от того, предоставлял ли он права или освобождал от обязанностей, влечет за собой ответственность по статье 327 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Позиция суда, не учитывающая разъяснения Верховного Суда, дает возможность правоприменителю оценить документ в каждом конкретном случае и принять решение о привлечении к ответственности за его использование. На наш взгляд, предъявление поддельной регистрации по месту жительства (как следует из материалов дела) в суде, с одной стороны, не является использованием документа, потому что не предоставляет лицу каких-либо прав или обязанностей. Но, с другой стороны, свидетельство о регистрации по месту жительства освобождает лицо от уплаты штрафа за отсутствие регистрации. По результатам рассмотрения жалобы осужденного Судебная коллегия отменила апелляционное постановление Хамовнического районного суда г. Москвы от 23 марта 2022 года и кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2022 года в отношении <Ф.И.О.>. В мотивировочной части суд отметил необходимость проверки законности, обоснованности и справедливости приговора, включая основания для прекращения дела из-за незначительности преступления [3].

Существуют два различных мнения в теории уголовного права. По одному из них практика нижестоящих судов не всегда соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2]. По мнению сторонников другого подхода нижестоящие суды могут самостоятельно определить сферу

действия документа [5]. Полагаем, именно неточность формулировок в законодательстве приводит к самостоятельным толкованиям судов в ходе принятия решений, что может способствовать увеличению числа скрытых преступлений в области фальсификации или подделки документов, а также вынесению незаконных решений. В частности, терминология части 5 статьи 327 УК РФ [1] создает неопределенность для правоприменения, что можно разрешить с помощью дополнений в разъяснения Пленума.

Для решения выявленных проблем, возникающих при квалификации деяний в сфере подделки официальных документов, считаем возможным внести пояснения в Постановление Пленума ВС РФ № 43 относительно понятий, используемых в статье 327 УК РФ, для более точного установления судами предмета преступления и дальнейшей правильной оценки преступных деяний:

– пояснить различия понятий «официальный документ» в ч.ч. 1–4 ст. 327 УК РФ и «подложный документ» в ч. 5 ст. 327 УК РФ, касающиеся области и сферы действия таких документов. Это необходимо для того, чтобы при привлечении к ответственности суды опирались на конкретное пояснение Пленума, не применяя каждый раз новые формулировки и толкования понятия «официальный документ», что может привести к неправильной квалификации и в дальнейшем к отмене решений, как уже имело место в судебной практике [3]. Так, абзац второй п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 43 следует дополнить следующим содержанием: «Судам следует учитывать, что официальные документы, подходящие под характеристику подложных, имеют разовое действие для лица в области предоставления прав или освобождения от обязанностей, тем самым использование таких документов следует квалифицировать согласно ч. 5 ст. 327 УК РФ». Также считаем необходимым в качестве примера такого документа добавить фразу «разовый пропуск на закрытую территорию», что, на наш взгляд, более точно и понятно отражает сферу однократного действия документа;

– пояснить в первом предложении абзаца первого п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 43 тезис о длительном сроке использования документов, а именно дополнить предложение после формулировки «...официальные документы, относящиеся к предоставляющим права или освобождающим от обязанностей» фразой «на длительный срок»;

– исходя из рассмотренной выше судебной практики, считаем необходимым обратить внимание судов на то, что факт предъявления подложного документа

должен предполагать цель получения каких-либо прав или обязанностей, равно как и освобождение от таковых. В связи с этим считаем возможным внести ясность в абзац первый п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 43 в сфере трактовки использования заведомо подложных документов аналогично п. 9, а именно в конце первого абзаца добавить предложение: «При квалификации деяний по ч. 5 ст. 327 УК РФ суд должен установить, какие именно права мог предоставить этому лицу или иным лицам данный подложный документ либо от каких обязанностей мог освободить».

Такие уточнение, на наш взгляд, позволят судам общей юрисдикции опираться на непосредственные предметные мнения Пленума Верховного суда РФ и исключат самовольное толкование области действия тех или иных официальных документов.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня.

2. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 № 43 // Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ / отв. ред. А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2021. С. 707–718.

3. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.02.2023 № 5-УД22-159-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гурьянов, С. Обманный курс: число дел о подделке документов выросло на 43 % / С. Гурьянов. URL: <https://iz.ru/1690912/sergei-gurianov/obmannyi-kurs-chislo-del-o-poddelke-dokumentov-vyroslo-na-43> (дата обращения: 02.11.2024).

5. Нагорная, М. ВС указал, когда представление неправильного документа не является подлогом / М. Нагорная. URL: <https://www.advgazeta.ru/> (дата обращения: 02.11.2024).

6. Эксперт: Объем информации в мире будет удваиваться каждые два года // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/infa-site.html>. (дата обращения: 02.11.2024).

УДК 349.444

ПРАВОВОЙ СТАТУС АПАРТАМЕНТОВ

Д. А. Макаров,

студент 5-го курса (специалитет)

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Иркутский юридический институт (филиал), г. Иркутск

Научный руководитель — Е. М. Сеноотрсова,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Университет прокуратуры Российской Федерации,
Иркутский юридический институт (филиал), г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены особенности правового статуса апартаментов и их отличия от квартир как вида жилых помещений. Предложены конкретные меры для предотвращения случаев введения граждан в заблуждение при покупке недвижимости относительно ее правового статуса. Рассмотрены такие пути решения имеющихся проблем, как придание апартаментам статуса самостоятельного объекта недвижимости либо дифференциация их режима в зависимости от нахождения в жилой или нежилой зоне застройки, иных параметров.

Ключевые слова: апартаменты, квартира, жилое помещение, Жилищный кодекс Российской Федерации

Правовой статус апартаментов, будучи недостаточно урегулированным и исследованным в науке, вызывает множество вопросов. Легальное определение понятия апартаментов дано в ведомственном акте Минкультуры России, согласно которому апартаменты представляют собой номер в средстве размещения площадью не менее 40 м², состоящий из двух и более комнат (гостиной, столовой и спальни) с кухонным уголком [1]. Из приведенного определения можно выделить наиболее важные признаки апартаментов: площадь не менее 40 м²; наличие двух и более комнат; наличие гостиной, столовой, спальни и/или кухонного уголка. Несмотря на наличие легального определения, существует проблема отождествления понятий «квартира» и «апартаменты». Граждане, не обладая информацией об особенностях статуса апартаментов, зачастую приобретают их для постоянного проживания [2, с. 166]. Указанное объясняет необходимость сравнения правового статуса квартиры и апартаментов, их разграничения.

Согласно ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) к жилым помещениям относятся следующие объекты недвижимости: жи-

лой дом, доля жилого дома, квартира, часть квартиры, а также комната [3]. Так как апартаменты не включены в этот перечень видов жилых помещений, то на них не распространяются положения законодательства, регулирующие требования к жилым объектам, их использованию и другим аспектам.

Одним из ключевых критериев жилого помещения является возможность постоянного проживания в нем, то есть оно должно соответствовать определенным санитарно-техническим стандартам и нормативам, а также другим законодательным требованиям. В частности, к жилым помещениям предъявляются требования по планировке, освещенности, инсоляции, микроклимату, воздухообмену, уровням шума, вибрации, ионизирующих и неионизирующих излучений [4]. Для нежилых помещений установлены менее жесткие требования, которые могут варьироваться в зависимости от их конкретного предназначения. Более того, в связи с отсутствием нормативно-правового акта, устанавливающего такие требования применительно к апартаментам, на них предлагается распространять требования, установленные для гостиниц [5, с. 54].

Далее. Отсутствие у апартаментов признаков жилого помещения делает невозможной постоянную или временную регистрацию гражданина в нем, что может в последующем создать определенные неудобства (при устройстве ребенка в образовательное учреждение, прикреплении к поликлинике и т. д.). Законодательство Российской Федерации, касающееся права граждан на свободу перемещения, определяет место жительства как жилой дом, квартиру, комнату или другое жилое помещение, где человек проживает на постоянной основе или большую часть времени [6]. Соответственно, регистрация по месту жительства, будь она постоянной или временной, в апартаментах невозможна. Заметим, сам по себе факт регистрации или отсутствие таковой не порождает для гражданина каких-либо прав и обязанностей [7], однако в некоторых сферах она все же имеет значение. Например, за каждым общеобразовательным учебным заведением закрепляется определенная территория муниципального образования, а обучающиеся принимаются преимущественно по принципу территориальной доступности.

Еще одним недостатком правового статуса апартаментов по сравнению с жилыми помещениями является возможность обращения взыскания на них по исполнительному документу, поскольку они не указаны в установленном ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации списке видов имущества, на которое нельзя обратить взыскание [8].

Особенностью также становится и повышенная ставка налогообложения. В соответствии со ст. 406 Налогового кодекса Российской Федерации налоговая ставка на имущество физических лиц для жилых помещений установлена в размере 0,1 процента, тогда как для других объектов, включая апартаменты, она составляет 0,5 процента [9].

Сегодня апартаменты классифицируются как разновидность нежилых помещений, несмотря на то что они могут выглядеть аналогично квартирам и находиться в жилых зонах. Учитывая сходство некоторых типов апартаментов с квартирами, были предприняты шаги по сближению их юридического статуса. Например, первым таким опытом стала инициатива города Москвы. В октябре 2016 года московское правительство утвердило реестр апартаментов, включив в него всего восемь объектов недвижимости. Для тех апартаментов, которые удовлетворяют определенным критериям, предусмотрена налоговая льгота: такие апартаменты должны быть внесены в реестр, утвержденный Постановлением правительства Москвы от 26 октября 2016 года № 706-ПП; их общая площадь не должна превышать трехсот квадратных метров; они не должны использоваться в качестве места нахождения организаций; кадастровая стоимость одного квадратного метра таких апартаментов должна составлять не менее ста тысяч рублей; апартаменты не могут эксплуатироваться в коммерческих целях [10]. Кроме того, в 2018 году предпринималась попытка на федеральном уровне законодательно урегулировать правовой статус апартаментов и признать их жилыми помещениями путем дополнения ст. 16 ЖК РФ частью 3 [11], однако предложенные нововведения не были приняты.

Таким образом, рассмотрев апартаменты как категорию, недостаточно урегулированную отечественным законодателем, приходим к выводу, что апартаменты являются нежилыми помещениями и имеют существенные отличия от жилых помещений, среди которых: другие санитарно-эпидемиологические стандарты, невозможность регистрации по месту жительства, отсутствие защиты от взыскания, повышенные налоговые ставки. К этому также добавляется вероятность установления тарифов на коммунальные услуги для апартаментов выше, чем для жилых помещений, возможность «нежелательного соседства» с иными нежилыми, в том числе производственными, помещениями и т. д.

Зачастую при строительстве и дальнейшей продаже апартаментов граждане вводятся в заблуждение застройщиками и, приобретая апартаменты, не учиты-

вают изложенных выше особенностей. Для предотвращения таких ситуаций компетентные органы (Минстрой России и др.) должны проводить правовое просвещение граждан (например, путем составления брошюр, которые будут содержать яркие и наглядные отличия квартиры от апартаментов, чтобы застройщики не вводили граждан в заблуждение).

Разрешение возникающих проблем возможно также путем придания апартаментам статуса самостоятельного объекта недвижимости [12, с. 47]. Так, в случае, если апартаменты находятся в многоквартирном доме, в котором есть жилые помещения, то возможно распространение на данную категорию недвижимости некоторых требований к пользованию жилыми помещениями с целью недопущения нарушения прав соседей. Если же апартаменты находятся в нежилой зоне, то ограничений нет. Кроме того, данный критерий (наличие соседства с квартирами или отсутствие такового) предлагается учитывать и в налоговой сфере, в том числе ввести дифференцированные ставки налогообложения (например, ставка налога могла бы зависеть от площади апартаментов).

1. Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями : приказ Министерства культуры Российской Федерации от 11.07.2014 № 1215 // Российская газета. 2015. 06 февраля.

2. Цуканова, Е. Ю. К вопросу правового статуса апартаментов как объекта недвижимости / Е. Ю. Цуканова, Е. А. Придатко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 24 (273). С. 165–169.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. 12 января.

4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ // Российская газета. 1999. 06 апреля.

5. Монастырев, М. М. Апартаменты, студии и лофты как помещения для временного проживания / М. М. Монастырев // Законодательство и экономика. 2015. № 8. С. 51–59.

6. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25.06.1993 №5242-1 // Российская газета. 1993. 10 августа.

7. По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1998 № 4-П // Российская газета. 1998. 10 февраля.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Парламентская газета. 2000. 10 августа.

10. Реестр апартаментов для целей предоставления льготы. URL: http://depr.mos.ru/deyatelnost_departmenta/tax-policies/register-the-property-for-the-purpose-ofproviding-benefits.php (дата обращения: 29.10.2024).

11. Паспорт проекта федерального закона № 488847-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях регулирования правового статуса многофункциональных домов и жилых апартаментов» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ А.Г. Сидякиным) (снят с рассмотрения) [Электронный документ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Цокур, Е. Ф. Апартменты: правовой статус, особенности, роль в арендных правоотношениях / Е. Ф. Цокур // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 46–48.

УДК 343.234.9

СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ВОПРОСЫ УСМОТРЕНИЯ СУДА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

А. Д. Мамедова,

студентка 1-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассмотрены особенности учета судом смягчающих обстоятельств, не предусмотренных уголовным законом. В работе раскрыто понятие смягчающих обстоятельств и их содержание, приведены примеры из судебной практики. Предложена рекомендация по внесению изменений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства, усмотрение суда, назначение наказания, наличие инвалидности, признание вины, раскаяние в содеянном, наличие хронических заболеваний, наличие на иждивении лиц, наличие государственных и ведомственных наград

Уголовным кодексом Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) не регламентировано понятие «смягчающие обстоятельства», но благодаря учебной и научной литературе раскрыть понятие можно следующим образом. «Это объективные и субъективные признаки, которые не только характеризуют степень общественной опасности или личность виновного, но и способны снизить размер и изменить вид наказания» [2, с. 97]. Изучив статью 61 УК РФ, можно сделать вывод, что данный перечень не является исчерпывающим. В части 2 статьи 61 УК РФ законодатель предусматривает возможность для судей учитывать и иные обстоятельства, которые не предусмотрены уголовным законом. Вследствие этого на практике возникают трудности с определением какого-либо фактора в качестве смягчающего обстоятельства. Судья вправе, по внутреннему убеждению, учитывать этот фактор или нет. Также в судебной практике встречаются случаи, когда из-за игнорирования какого-либо обстоятельства судом осужденное лицо обжалует данное решение суда. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [3] перечисляет обстоятельства, которые могут быть признаны судом в качестве смягчающих. Рассматривая данные обстоятельства, стоит изучить некоторые из них.

Наличие у виновного лица инвалидности. Прежде чем говорить об особенности учета судом данного обстоятельства, стоит раскрыть понятие «инвалид». Термин раскрывается в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [4]. Инвалидом признается лицо, которое имеет определенные ограничения к нормальной жизнедеятельности в связи с наличием заболевания. Этот фактор довольно часто учитывается судами в качестве смягчающего наказания обстоятельства. Важно отметить, что наличие у лица инвалидности обязательно должно быть подтверждено медицинскими документами. Для этого проводится медико-социальная экспертиза лица, в ходе которой определяется группа инвалидности, степень выраженности ограничений. Критерии для проведения медико-социальной экспертизы определены в Приказе Минтруда России от 27.08.2019 № 585н «О классифика-

циях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» [5]. Например, в одном из дел [6] суд учел наличие у подсудимого инвалидности с помощью подтверждающих документов, кроме того, были и документы, подтверждающие получение пенсии по инвалидности. Иногда суд учитывает в качестве смягчающего обстоятельства наличие инвалидности и у ближайшего родственника. Так, в одном из дел [7] суд признает оказание подсудимым материальной помощи своей бабушке, являющейся инвалидом, смягчающим наказанием обстоятельством.

Признание вины лицом, совершившим преступление. Зачастую судами в качестве смягчающего вину обстоятельства рассматривается признание вины подсудимым или его раскаяние в содеянном. То есть лицо осознает общественную опасность своего деяния и испытывает сожаление о содеянном. Например, в одном из дел [8] подсудимый по делу о краже полностью признал вину, а также раскаялся в содеянном, вследствие чего эти факторы были учтены судом в качестве смягчающего обстоятельства.

Наличие у виновного хронических заболеваний. Прежде чем говорить об особенности учета судом данного обстоятельства, стоит раскрыть понятие «хроническое заболевание». Это длительное расстройство здоровья, симптомы которого способны в течение времени усиливаться или ослабевать. Хроническое заболевание довольно часто признается судом в качестве смягчающего обстоятельства. Здесь, так же как и в случае с инвалидностью, наличие болезни должно быть подтверждено соответствующими медицинскими документами. Для установления у лица наличия или отсутствия хронического заболевания проводится судебно-медицинская экспертиза. Так, в одном из дел [9] у подсудимого имелось хроническое заболевание спины, что и было учтено судом в качестве смягчающего обстоятельства. Кроме того, в этом же деле суд признал смягчающим фактором не только наличие у подсудимого заболевания, но и наличие хронических заболеваний у престарелой матери подсудимого, которой он оказывает помощь.

Наличие на иждивении близких лиц. Зачастую судом в качестве смягчающего обстоятельства признается наличие на иждивении у подсудимого близких родственников. Иждивенцем признается лицо, которое является нетрудоспособным, вследствие чего другое лицо оказывает ему материальную поддержку. Например, в одном из дел [10] рассмотрена апелляционная жалоба осужден-

ного, в которой он указал на то, что судом первой инстанции не было учтено такое обстоятельство, как наличие у него на иждивении шестерых детей. Осужденный оказывает им финансовую поддержку, в связи с чем требует наказания, не связанного с реальным лишением свободы. Данное обстоятельство было исследовано вышестоящей инстанцией и признано в качестве смягчающего вину обстоятельства.

Наличие у виновного государственных и ведомственных наград. Еще одним обстоятельством, которое учитывается судами в качестве смягчающего, является наличие у подсудимого государственных и ведомственных наград, различных благодарностей. Важно отметить, что их наличие подтверждается соответствующими документами. Например, наличие у лица государственных наград подтверждается указами Президента Российской Федерации. Так, в одном из дел [11] суд рассмотрел апелляционную жалобу осужденного, в которой он указал на то, что судом первой инстанции не был учтен такой фактор, как наличие у него государственных наград. Осужденный был представлен к награде за участие в боевых действиях, вследствие этого вышестоящая инстанция исследовала данное обстоятельство и признала его в качестве смягчающего наказание обстоятельства.

Таким образом, в статье были рассмотрены смягчающие обстоятельства, которые наиболее часто встречаются в судебной практике и не предусмотрены уголовным законом. Вследствие этого предлагается внесение изменений в часть 1 ст. 61 УК РФ во избежание совершения судебных ошибок, а именно закрепление вышеуказанных обстоятельств в качестве основных смягчающих обстоятельств. Нередко судьями эти факторы учитываются в качестве смягчающих, но таковые не имеют детальной регламентации их влияния на размер и вид наказания.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Мамедова, А. Д. Влияние смягчающих обстоятельств на уголовное наказание / А. Д. Мамедова // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации : сборник докладов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. С. 96–100.

3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2 //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

5. О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы : приказ Минтруда России от 27.08.2019 № 585н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

6. Приговор Горномарийского районного суда от 27.02.2024 по делу № 1-1-22/2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

7. Приговор Волжского городского суда от 28.02.2024 по делу № 1-1266/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

8. Приговор Чунского районного суда от 03.05.2024 по делу № 1-101/2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

9. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 28.02.2024 по делу № 1-288/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

10. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 28.02.2024 по делу № 1-335/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

11. Апелляционное постановление Амурского областного суда от 30.01.2024 по делу № 22-2934/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

УДК 338.24

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Д. С. Маракулина,

студентка 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. И. Коробко,

д-р юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматривается государственная поддержка инновационного предпринимательства как ключевой элемент экономической политики, спо-

способствующий развитию новой экономики и повышению конкурентоспособности страны. Исследуются основные правовые механизмы, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса, включая налоговые льготы, субсидии. Анализируются государственные программы и фонды, направленные на финансирование инновационных проектов. Оценивается эффективность механизмов государственной поддержки и рассматриваются актуальные проблемы в данной сфере.

Ключевые слова: государственная поддержка, инновации, инновационное предпринимательство, предпринимательское право, правовое регулирование

Инновационное предпринимательство — это особый новаторский процесс создания чего-то нового, процесс хозяйствования, в основе которого лежит постоянный поиск новых возможностей, ориентация на инновации [1, с. 3]. Государственная поддержка инновационного предпринимательства является важным аспектом экономического развития и конкурентоспособности страны. Эффективные правовые механизмы, направленные на содействие инновациям, могут значительно ускорить развитие новых технологий и стартапов. Рассмотрим ключевые аспекты, связанные с этой темой.

В соответствии с п.п. 1, 2 ст. 16.1 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» для повышения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках государство вкладывает усилия в развитие инноваций и модернизацию экономики России. Государственная поддержка инновационной деятельности — совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность [2].

В Российской Федерации система государственной поддержки инновационного предпринимательства охватывает широкий спектр правовых механизмов. Ключевой задачей таких механизмов является создание благоприятной среды для развития технологических стартапов, исследований и новых технологий. К числу основных относятся гранты и субсидии, налоговые льготы, а также специальные программы по поддержке инновационных проектов.

Одним из законов, регулирующих государственную поддержку, является Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [3]. Он предоставляет предпринимателям доступ к различным формам поддержки — от налоговых льгот до субсидий и грантов. Эта законодательная база создает стимулы для ведения инновационной деятельности, способствуя тем самым развитию данной отрасли.

Инновационная деятельность играет ключевую роль в современном мире, поскольку технологические изменения не только способствуют прогрессу общества, но и влекут за собой некоторые риски и вызовы. Следовательно, важно, чтобы государство принимало активное участие в поддержке инноваций, поскольку часто рыночные механизмы не справляются с этой задачей.

Государственная поддержка инноваций выражается не только в финансировании проектов, но и в создании благоприятных условий для инновационных компаний. Например, важным аспектом является создание нормативной правовой базы, которая регулирует инновационные процессы и обеспечивает правовую защиту для инновационных разработок. Кроме того, поддержка инноваций также предполагает создание необходимой инфраструктуры, которая способствует успешной реализации инновационных идей и проектов. Только в таком комплексном подходе можно говорить об эффективной поддержке инноваций и стимулировании технологического прогресса.

Также стоит отметить, что государственные программы и фонды, направленные на финансирование инновационных проектов, играют важнейшую роль, так как обеспечивают финансирование на конкурсной основе, что в свою очередь стимулирует предпринимателей в разработке новых идей и технологий.

В современном мире важно не только разрабатывать инновации, но и поддерживать их внедрение. Например, Фонд содействия инновациям является важным финансовым инструментом, способствующим развитию научно-технической сферы и поддержке инноваций. Фонд занимается поддержкой инноваций через программы развития, создание высокотехнологичных компаний и коммерциализацию результатов научно-технической работы. Помощь включает выделение субсидий и субвенций для инновационных исследований, а также поддержку в вопросах лицензирования и патентования. Благодаря деятельности Фонда увеличивается приток частных инвестиций в малые инновационные проекты и развивается инфраструктура науки и техники [4, с. 60].

В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [5] целью промышленной политики в Российской Федерации является формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития.

Предоставление различных мер поддержки инновационной деятельности субъектам предпринимательства государством в условиях рыночной экономики стимулирует ее развитие. Считаем, что наиболее эффективными являются меры финансовой и правовой поддержки, которые могут применяться как самостоятельно, так и совместно.

Ограничения в обмене опытом с западными научно-бизнес-сообществами, вызванные санкциями, подчеркивают важность развития отечественных инноваций для перспектив российской экономики. Поддержка инновационных проектов и импортозамещение приобретают первоочередное значение в различных секторах экономики.

На выставке ВУЗПРОМЭКСПО-2020 Валерий Николаевич Фальков, который является министром науки и высшего образования в России, представил новые стратегические приоритеты на период с 2021 по 2030 годы по сотрудничеству науки и промышленности внутри рамок национального проекта под названием «Наука и университеты». Он подчеркнул, что успешная реализация этих планов невозможна без активной поддержки инновационного предпринимательства со стороны как Правительства РФ, так и инвесторов. [6, с. 203].

Эффективность механизмов государственной поддержки можно оценивать по различным критериям. Во-первых, это увеличение числа инновационных проектов и стартапов. За последние годы в России наблюдается значительный рост числа малых и средних предприятий, занимающихся разработкой новейших технологий. Это говорит о том, что правовая база действительно способствует развитию предпринимательства. Во-вторых, можно отметить значительный вклад в создание рабочих мест в высокотехнологичных отраслях. Государственная поддержка позволяет не только развивать новые идеи, но и обеспечивать устойчивое трудоустройство граждан.

Тем не менее, существуют и проблемы, касающиеся эффективности данной поддержки. Рассмотрим некоторые из них.

Первой хотелось бы выделить недостаточную информированность предпринимателей. Многие предприниматели не знают об имеющихся возможностях государственной поддержки, таких, как гранты, субсидии или налоговые льготы. Отсутствие информации о процедурах и условиях получения таких субсидий снижет уровень их вовлеченности и инициативности. Для предпринимателей без опыта государственная поддержка — это нечто мифическое, получить которое невозможно.

Также можно отметить, что предприниматели разочаровываются и передают свой негативный опыт взаимодействия с государством окружающим, когда начинается длительная подготовка документации для получения господдержки из-за бюрократических процедур, недостаточной квалификации сотрудников различных органов власти и сложного межведомственного общения. Следует признать, что низкий уровень компетентности должностных лиц, работающих с предпринимателями, негативно влияет на все этапы обращения за государственной поддержкой. Стандартизация и упрощение процессов (например, быстрая подача документов) могут облегчить работу и повысить мотивацию к работе с предпринимателями, что в конечном итоге положительно скажется на общем имидже государственной поддержки.

Для государства важно поддерживать высокий уровень благосостояния своих граждан, чтобы укрепить свою лидирующую позицию в мировой политике. Поэтому они должны поощрять инновационные идеи и проекты в бизнесе [7, с. 145].

Подводя итог, можно отметить, что необходимо активное участие государственного сектора в построении инновационной экономики. Для улучшения доступа к государственной поддержке необходимо устранить препятствия разного рода, включая сложности с оформлением документов, недоверие к власти, отсутствие соответствующих программ для бизнеса, неполноту поддержки со стороны государства и недостаток информации. Существуют способы преодоления этой проблемы: проведение информационной кампании для популяризации господдержки среди широкой аудитории с помощью федеральных и региональных СМИ, а также активных предпринимателей; разработка образовательных программ поддержки для предпринимателей с учетом специфики отраслей и регионов; внедрение и реализация финансовых программ совместно с реальными бизнесменами в сфере инноваций и многое другое.

1. Туренко, Б. Г. Проблемы и перспективы развития малого инновационного предпринимательства / Б. Г. Туренко, Т. А. Туренко // Baikal Research Journal. 2015. № 3. С. 1–9.

2. О науке и государственной научно-технической политике : федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Российская газета. 1996. 03 сентября.

3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ // Российская газета. 2007. 31 июля.

4. Саяхова, А. Р. Меры государственной поддержки инновационного предпринимательства / А. Р. Саяхова, Э. И. Исхакова // XVII международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен» : сборник докладов (17–19 ноября 2022 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 59–61.

5. О промышленной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Российская газета. 2015. 12 января.

6. Мутхана, А. С. А. Российская практика государственной поддержки инновационного предпринимательства / А. С. А. Мутхана // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 3. С. 201–218.

7. Сухоруков, А. В. Меры государственной поддержки инновационной предпринимательской деятельности и проблемы их реализации / А. В. Сухоруков // Образование и право. 2022. №1. С. 144–148.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Н. А. Мардаровский,

студент 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. И. Коробко,

д-р юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье представлен анализ актуальных проблем, возникающих в связи с определением правовой природы преддоговорной ответственности. Интерес к рассматриваемому цивилистическому институту вызван его малой историей развития и недостаточной регламентацией. Рассматривается зарубежный опыт в части правовой природы преддоговорной ответственности. Поднимается вопрос о пе-

речне недобросовестных действий договаривающихся сторон и соотношении принципов «свободы договора» и «добросовестности» контрагентов.

Ключевые слова: *преддоговорная ответственность, правовая природа, преддоговорные нарушения, добросовестность, свобода договора*

Институт преддоговорной ответственности возник в гражданском праве России относительно недавно. Данная правовая конструкция установлена в 2015 г. — с введением в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) ст. 434.1. В статье содержится положение об ответственности сторон за недобросовестное ведение переговоров, а также указываются действия, которые можно расценивать как недобросовестные [1].

Приравнивание преддоговорной ответственности к ответственности за недобросовестное ведение переговоров представляется ошибочным в силу своего узкого трактования. Недобросовестное ведение переговоров выступает лишь одним из видов преддоговорной ответственности и отражено в ГК РФ в разрезе отдельных видов договоров. Например, п. 4 ст. 445 ГК РФ предоставляет право стороне взыскать убытки с контрагента, который уклоняется от заключения договора [1].

Преддоговорная ответственность является самостоятельным цивилистическим институтом, о чем свидетельствуют ее отличительные характеристики: субъектами правоотношений являются проговаривающиеся стороны, которые выразили свою волю на вступление в процесс заключения договора; основанием возникновения служит преддоговорное нарушение, выраженное в недобросовестных действиях контрагентов; выступает в качестве меры гражданско-правовой ответственности и носит имущественный характер [2, с. 232].

Из указанных выше признаков можно вывести следующее понятие преддоговорной ответственности: это мера принуждения имущественного характера, основанием применения которой служит нарушение, совершаемое одной из сторон в процессе заключения договора.

Однако нельзя полностью согласиться с указанным определением. Современная цивилистика не может отнести преддоговорную ответственность ни к договорной, ни к деликтной ответственности. В. С. Комарицкий считал, что отличительной чертой преддоговорной ответственности от договорной является отсутствие между контрагентами договора. Главным отличием от деликтной ответственности выступает субъектный состав, то есть возникает между лицами, вступившими в преддоговорной процесс [3, с. 8]. Таким образом, учитывая

пограничное положение преддоговорной ответственности в гражданском праве, ее можно рассматривать не только с точки зрения меры ответственности, но и способа защиты. Мерами ответственности будут выступать взыскание морального вреда, убытков, неустойки. К способам защиты следует отнести понуждение к заключению договора. Данный вывод представляется логичным, так как основанием применения преддоговорной ответственности являются действия стороны, являющиеся преддоговорными нарушениями [4, с. 51].

Обращаясь к зарубежному опыту, можно установить, что имеется три подхода при определении правовой природы преддоговорной ответственности.

Страны с англо-саксонской правовой системой отрицают наличие преддоговорной ответственности. В данном случае акцент делается на свободе договора, субъектам предоставляется право действовать в собственных интересах любыми законными средствами, в том числе в любой момент выходить из переговоров независимо от причины [5, с. 214].

Противоположные подходы содержатся в законодательствах Германии и Франции. Немецкая правовая система считает преддоговорную ответственность («*Culpa in contrahendo*») квазидоговорной. В частности, она возникает с началом переговоров по контракту, с началом самого контракта и при вступлении в аналогичные деловые контакты. Французское право не выделяет преддоговорную ответственность в самостоятельный вид. Напротив, указывается, что субъект, понесший убытки, возникшие вследствие недобросовестных действий стороны в преддоговорном процессе, защищается с помощью деликтного права. То есть законодатель приравнивает преддоговорную ответственность к деликтной и не выделяет ее в обособленную правовую конструкцию [5, с. 216].

Таким образом, правовая природа преддоговорной ответственности в различных странах зависит от правовой семьи, местных особенностей и общей истории развития. В контексте данного исследования наиболее близкой к российской доктрине будет выступать правовая концепция Германии.

В рамках преддоговорной ответственности необходимо обозначить момент возникновения преддоговорных отношений для квалификации недобросовестных действий контрагента как преддоговорного нарушения.

Согласно одному из доктринальных подходов, преддоговорные отношения возникают в момент получения стороной предложения о согласовании условий будущего договора [6, с. 125]. То есть предлагается отчитывать преддого-

ворные отношения как самостоятельный вид отношений с намерения одной стороны заключить соглашение. В качестве примера такого намерения можно привести следующие действия: обсуждение между сторонами условий будущего соглашения. В качестве основания возникновения преддоговорной ответственности будет выступать неправомерный отказ одной из сторон в заключении договора.

Также необходимо ответить на вопрос: какие действия будут являться преддоговорными нарушениями? В ч. 2 ст. 434.1 ГК РФ [1] дается открытый перечень, касающийся недобросовестности переговаривающихся сторон. Содержание данной нормы вытекает из принципа добросовестности сторон и вступает в противоречие с принципом свободы договора. На практике судам приходится отдавать предпочтение одному из принципов. Так, законодатель конкретизирует следующие недобросовестные действия сторон, вступивших в переговоры: предоставление неполной, недостоверной информации, умолчание об обстоятельствах, которые должны были быть доведены до стороны; внезапное, неоправданное прекращение переговоров (в таких условиях, при которых другая сторона не могла этого ожидать). Вышеуказанные действия представляют собой преддоговорные нарушения, наличие которых проблематично доказать в судебном процессе. Рассмотрим каждое из них на примере конкретного юридического кейса.

Предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, о которых должен был знать контрагент. В данном случае основная сложность состоит в доказывании умысла у контрагента на введение в заблуждение. Так, в фабуле дела № А53–31360/2017, рассмотренного Арбитражным судом Ростовской области, указано следующее: ответчик обратился к истцу с заявкой на покраску воздушных судов. Истец приобрел материалы для покраски фирмы «Х» на определенную сумму, которая, по его мнению, была согласована в дополнительном соглашении, направленном по электронной почте. От ответчика поступил ответ, что выполнение работ невозможно в связи с запретом производителя воздушных судов на использование лакокрасочных материалов фирмы «Х». В итоге суд отказал истцу в удовлетворении исковых требований, ссылаясь на факт недоказанности согласования приобретения лакокрасочных материалов. Если бы истец смог документально подтвердить принадлежность электронной почты ответчику и факт направления дополни-

тельного соглашения, то можно было бы говорить, что ответчик скрыл обстоятельства, которые должны были быть доведены до контрагента [7].

Второе преддоговорное нарушение, обозначенное законодателем, — внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Наиболее проблематичным является трактовка понятий «внезапности» и «неоправданности». Так, в рамках дела № А03–5224/2017 Арбитражный суд Алтайского края пришел к выводу, что немотивированное прекращение переговоров не является фактом, подтверждающим недобросовестность стороны. Основаниями для квалификаций внезапности и неоправданности прекращения переговоров служит предшествующая этому письменная договоренность сторон, которую можно подтвердить документально [8, с. 33].

Таким образом, несмотря на закрепление в ГК РФ недобросовестных действий переговаривающихся сторон, фактически их доказывание на практике представляется затруднительным. Без должной конкретизации образуется повышенный стандарт доказывания к стороне, чьи права нарушены.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы. Место преддоговорной ответственности в российском праве до конца не определено, а промежуточное положение данного цивилистического института не позволяет выявить его правовую природу. Данная неопределенность приводит к отсутствию баланса в правоприменительной практике между принципом добросовестности договаривающихся сторон и принципом свободы договора. Кроме того, закономерным результатом неопределенной правовой природы рассматриваемого цивилистического института является открытый и недостаточно регламентированный перечень недобросовестных действий контрагентов в преддоговорном процессе. Как следствие — возникает необоснованно повышенный стандарт доказывания преддоговорного нарушения.

Решить указанные проблемы предлагается следующим путем: обозначить на законодательном уровне преддоговорную ответственность как самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности; расширить и конкретизировать перечень недобросовестных действий сторон в процессе ведения переговоров посредством издания соответствующего постановления Пленума Верховного Суда России.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Шохова, В. А. Правовая природа преддоговорной ответственности в гражданском праве / В. А. Шохова // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 232–234.
3. Комарицкий, В. С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. / В. С. Комарицкий. М., 2016. 205 с.
4. Шварц, Л. В. К вопросу о квалификации преддоговорной ответственности / Л. В. Шварц // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 50–54.
5. Няшина, С. В. Понятие и проблемы практического применения института преддоговорной ответственности / С. В. Няшина // Скиф. 2021. № 6 (58). С. 213–223.
6. Шполтаков, О. В. Понятие и юридическая сущность, момент возникновения и прекращения, содержание преддоговорных гражданско-правовых отношений / О. В. Шполтаков // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 121–126.
7. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 26.12.2017 по делу № А53–31360/2017 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Мой Арбитр». URL: <https://my.arbitr.ru/#index> (дата обращения: 13.11.2024).
8. Тимофеева, Д. Е. Актуальные вопросы и перспективы развития института преддоговорной ответственности в гражданском праве / Д. Е. Тимофеева, М. В. Вронская // Юридическая наука. 2020. № 4. С. 32–37.

УДК 342.5

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Д. А. Мусанова,

студентка 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. В. Черкасов,

д-р юрид. наук, доцент,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье анализируются модели правового регулирования государственной службы Российской Федерации, опыт зарубежных стран, возможность применения его в России. Подводится итог о внесении изменений в законодатель-

ство, направленных на дальнейшее совершенствование института государственной службы.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, государственный служащий, ограничения и запреты, коррупция, правовое регулирование, зарубежный опыт

Генезис института государственной службы произошел одновременно с возникновением государства [1, с. 155], поэтому в разных странах складывались свои традиции регламентации этого института. Где-то развитие происходило активнее, и он нашел свое закрепление в законодательстве раньше, в каких-то странах оно произошло позднее. В настоящее время государства прилагают усилия для осуществления качественного правового регулирования государственной службы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время законодательство должно быть гибким в условиях быстро меняющегося мира, ему необходимо отражать действительность, находить решения новых проблем. Анализ зарубежного опыта позволяет найти самые эффективные подходы, сравнить правовое регулирование государственной службы в иностранных государствах и выделить средства, демонстрирующие эффективность применения таких инструментов в законодательстве нескольких государств. Результатом исследования будет являться анализ опыта зарубежных стран и возможность применения его в России, а также обоснование изменений, которые следует предложить законодателю для совершенствования института государственной службы.

Выделим несколько моделей правового регулирования института государственной службы в иностранных государствах.

Универсальной моделью, встречающейся в законодательстве стран романо-германской и континентальной правовой системы, является конституционное закрепление основ государственной службы, затем детальное регулирование в рамочном законе. В качестве примера приведем Францию. В Конституции Французской республики в статье 1 провозглашается равенство всех перед законом. В статье 34 указано, что законом закрепляются нормы, касающиеся «установления категорий публичных учреждений, основных гарантий, предоставляемых гражданским государственным служащим и военнослужащим» [2].

Институт государственной службы регулируется «Общим статутом», состоящим из 4 законов:

I раздел — Закон 1983 года «О правах и обязанностях чиновников» [3];

II раздел — Закон 1984 г. «Об уставных положениях государственной службы» [4];

III раздел — Закон 1984 г. «О статутных положениях местной службы» [5];

IV раздел — Закон 1986 г. «О государственной медицинской службе» [6].

Во Франции нет четкого деления государственных служащих, их общее название близко по смыслу к нашему «работники бюджетной сферы», исполняющие публичные функции. К «*fonction publique*» относятся как преподаватели государственного университета, врачи, так и служащие администрации президента Франции [7]. Этот термин обозначает лицо, получающее оплату из государственной казны ежемесячно за выполнение административных функций.

Принцип равного доступа к государственной службе является самым часто встречающимся из всех руководящих начал в законодательстве зарубежных стран. Он содержится в российском Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в законодательстве США и Франции.

Еще во Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года [8], которая является составной частью Конституционных актов Франции, закреплялось право на равный доступ к государственной службе: «все граждане равны перед законом и потому все одинаково допускаются на все общественные посты, места или должности соответственно своим способностям и без иных отличий, кроме добродетелей и талантов» [2].

Требования к кандидатам на замещение должностей государственной службы во Франции. В статье 5 Закона 1983 года «О правах и обязанностях чиновников» [3] содержатся следующие требования:

– наличие гражданства Франции. Если гражданство Франции было получено в результате натурализации, то занять государственную должность такое лицо может только через 5 лет после натурализации [9];

– лица, пользующиеся гражданскими правами (дееспособные);

– лица, обладающие «хорошей нравственностью»;

– исполнившие обязательства в соответствии с законодательством о военной службе;

– обладание необходимым уровнем физической подготовки.

Примерно 90 % государственных служащих занимают вакантное место на конкурсной основе. Конкурс проводится с учетом неписаных правил, выработанных юриспруденцией и составляющих «общие принципы права или принципы процедуры» [10].

Статья 25 Закона «О правах и обязанностях чиновников» [3] содержит запрет на занятие на профессиональной основе частной деятельностью, приносящей доход. Дополнительно содержится положение для предупреждения коррупции о том, что в подконтрольной администрации (в которой работает служащий или имеет с ней какие-либо связи) предприятия государственному служащему запрещается «приобретать интересы». Речь здесь идет об имущественном интересе. Ограничения распространяются и на бывших государственных служащих, а именно в течение пяти лет таким лицам запрещено переходить на работу в подконтрольные частные организации.

По статье 10 государственные служащие имеют право на забастовку, но в рамках регламентирующих ее законов. Так, 29 сентября 1948 года во Франции был принят закон, который ограничил право на забастовку для служащих полиции [10].

Унитарные государства Европы, такие как Бельгия, Италия, Люксембург, также использовали французскую модель правовой регламентации государственной службы [11, с. 46].

Можно выделить множество положений, откликающихся в российском законодательстве. К примеру, Федеральный закон «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» [12] содержит следующие сходные положения:

- предусмотрено замещение должностей посредством проведения конкурса;
- требования, предъявляемые к кандидатам на замещение должностей государственной службы (статья 12);
- запрет на занятие предпринимательской, иной оплачиваемой деятельностью (п. 3.1 части 1 статьи 17).

Распространение некоторых ограничений на бывших государственных служащих на определенный период после занятия должности государственной службы. Во Франции 5 лет после увольнения с государственной службы нельзя осуществлять трудовую деятельность в подконтрольных органах. В России согласно статье 12 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противо-

действию коррупции» [13] в течение двух лет после увольнения такое лицо, если в его должностные обязанности входило управление данной организацией, для осуществления трудовой деятельности в ней должно согласовать такое трудоустройство с комиссией по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов.

В качестве второй модели выделим правовое регулирование с множественностью законов, каждый из которых регламентирует аспекты государственной службы. Это характерно для стран англо-саксонской правовой системы, таких, как США и Великобритания.

Правовое регулирование государственной службы и статус государственного служащего регламентируется пятым титулом Свода законов США [14]. Общих требований к кандидатам на замещение должности государственной службы США не предъявляет, отсутствует даже требование о гражданстве США. Государственным служащим может стать гражданин США либо иностранный гражданин, имеющий официальное разрешение на работу, если условие об этом указал представитель нанимателя. Для поступления на должность государственной службы необходимо пройти отбор. Для участия в отборе заполняется резюме, в котором указывается опыт работы, уровень образования, навыки и компетенции, а также список индивидуальных достижений. Кадровая служба определяет список лиц, соответствующих требованиям на занятие определенного служебного поста (это может быть образование, необходимое в данной отрасли, либо опыт работы в соответствующей сфере), а затем, чтобы выявить наиболее подходящего кандидата, даются кейсовые задания, тесты и проводится интервью.

Интересная мера установлена 413 параграфом Свода законов США [14], которой ограничивается общее количество государственных служащих — их количество не должно превышать 10 777 человек.

Запреты и ограничения для госслужащих являются важной составляющей противодействия коррупции на государственной службе. В США сумма подарка государственному служащему не должна превышать 200 долларов (при этом подарком не являются деньги и другой высоколиквидный товар) [14]. Четкий контроль за размером оклада государственного служащего можно также считать антикоррупционной мерой. Оплата труда будет зависеть от конкретной должностной квалификации, регламентирован как сам размер заработной платы, так и

дисциплинарных поощрений (премий). Кроме того, параграфом 208 Раздела 18 Свода законов США установлен запрет на действия, связанные с личным финансовым интересом для госслужащих, в том числе, если есть личная заинтересованность жены и детей служащего. За нарушение этой нормы предусмотрено наложение штрафа либо лишение свободы на срок до одного года. Но государственный служащий избежит ответственности, если сообщит заранее лицу, ответственному за его назначение на должность, либо начальнику в письменном заявлении о наличии финансового интереса и получит письменное заключение о том, что «заинтересованность не является настолько существенной» [14].

Таким образом, американский подход к правовому регулированию государственной службы отличается от французского и российского, хотя схожа система запретов и ограничений для государственных служащих:

1) ограничение, накладываемое на сумму подарка государственному служащему. Как указано ранее, в США сумма подарка не должна превышать 200 долларов, в России эта сумма ограничивается тремя тысячами рублей (статья 575 Гражданского кодекса РФ [15]);

2) обязанность о предупреждении конфликта интересов. Выше рассмотрена эта норма в законодательстве США, а в федеральном законе «О противодействии коррупции» [13] содержится подобное положение об обязанности предотвращения конфликта интересов, в том числе со стороны государственных служащих;

3) установлен размер оклада государственных служащих в зависимости от органа и должности. В России размер оклада федеральных государственных служащих устанавливается Указом Президента РФ [16].

В Российской юридической науке дискуссионным вопросом является определение понятия «коррупция», так как в законе дано нечеткое определение, которое раскрывает понятие лишь фрагментарно — через деяния, которые согласно Уголовному кодексу РФ являются коррупционными правонарушениями. В законодательстве США понятие коррупция определяется следующим образом: обещание и непосредственная передача (принятие) имущественных прав, оказания услуг в обмен на встречное представление в виде совершения официальных действий [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что правовая регламентация института государственной службы в российском законодательстве находится на высоком уровне, имеет много схожих аспектов с регламентацией института государ-

ственной службы в зарубежных странах. При этом видится обоснованным учет позитивного зарубежного опыта и в сопряжении — некоторая корректировка российского законодательства в исследуемой сфере.

Во-первых, необходимо уточнить легальное определение понятия «коррупция». Предлагается использовать формулировку из законодательства США: «принятие или передача встречного представления в виде любого имущества или прав, равно как и обещания за совершение любых официальных действий».

Во-вторых, по аналогии с правовой регламентацией предельного количества федеральных государственных служащих в США установить точное число государственных служащих. В частности, на наш взгляд, достаточно выделить процент от общего трудоспособного населения Российской Федерации, необходимый для выполнения полномочий федеральной государственной службы. Таким образом, будет видно, есть ли необходимость в привлечении большего количества служащих, либо требуется более тщательный отбор и сокращение действующего штата.

1. Никитина, О. В. Из истории становления института государственной службы / О. В. Никитина // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 155–157. URL: <https://moluch.ru/archive/335/74751/> (дата обращения: 04.11.2024).

2. Конституция Французской Республики // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: ИНФРА-М; НОРМА, 1997. С. 665–682.

3. О правах и обязанностях чиновников : закон Франции от 13.07.1983 № 83-634. URL: <https://ozlib.com/> (дата обращения: 04.11.2024).

4. Об уставных положениях государственной службы : закон Франции от 11.01.1984 № 84-16. URL: <https://ozlib.com/> (дата обращения: 04.11.2024).

5. О статутных положениях местной службы : закон Франции от 26.01.1984 № 84-53. URL: <https://ozlib.com/> (дата обращения: 04.11.2024).

6. Sur le service médical public loi. URL: <https://www.service-public.fr/> (дата обращения: 04.11.2024).

7. Савицкий, П. И. Избранные труды / П. И. Савицкий. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2015. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1731184159&tld=ru&lang=ru&name=Савицкий%20Библиотечка.pdf&text> (дата обращения: 04.11.2024).

8. Декларация прав человека и гражданина: принята Учредительным собранием 26.08.1789 // Текст публикуется по изданию: Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–29.

9. Code de la nationalité refonte (art. 81) // Bulletin législatif Dalloz. 1973. Année 56. No 3 85. 91 p.

10. Interdiction des grèves pour les policiers. URL: <https://www.police-nationale.interieur.gouv.fr/> (дата обращения: 04.11.2024).

11. Василенко, И. А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия : учеб. пособие / И. А. Василенко. М.: Логос, 2001. 200 с.

12. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 июля.

13. О противодействии коррупции : федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

14. U.S. Code: Table of Contents. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения: 04.11.2024).

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

16. О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих : указ Президента Российской Федерации от 25.07.2006 № 763 // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3459.

УДК 346.2

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМЫ КАК ОБЪЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

К. Р. Мухамадеева, Э. М. Мотыгуллина,

студентки 4-го курса факультета подготовки специалистов
для судебной системы (бакалавриат)

Российский государственный университет правосудия,

Казанский филиал, г. Казань

Научный руководитель — С. А. Барышев,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры гражданского права

Российский государственный университет правосудия,

Казанский филиал, г. Казань

Аннотация. В статье раскрываются особенности онлайн-платформ в сфере образования как объектов предпринимательского права. Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что понятие «образовательная онлайн-

платформа» еще не закреплено. Существует многообразие форм регистрации таких платформ, их правовое регулирование.

Ключевые слова: образование, онлайн-платформа, онлайн-курс, электронные образовательные ресурсы, правовое регулирование, предпринимательское право

Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) раскрывает понятие предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [1].

Правоотношения в области предпринимательского права возникают в различных сферах общественной жизни. Также и в сфере образования. Образование представляет собой систему обучения и воспитания, а также совокупность знаний, умений и навыков, предоставляемых в соответствующем учебном заведении [2]. Но двадцать, а то и десять лет назад никто не мог представить, что преподавать и учиться будет возможно через экран монитора. При этом, с одной стороны, легально зарабатывать деньги посредством предоставления образовательных услуг, а с другой — получать знания от квалифицированных специалистов, не выходя из дома. Такой подход к преподаванию и обучению получил новое название «образовательная онлайн-платформа», которая обеспечивает учителя необходимыми материалами, а обучающегося — удобным сервисом для приобретения новых знаний и умений.

Для начала следует обратиться к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]. Статья 16 данного закона содержит понятие «электронного обучения». Под таковым понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями, в свою очередь, понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [2].

При этом образовательная деятельность подлежит лицензированию. Статья 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3] четко определяет перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию. В него входит также образовательная деятельность, за исключением деятельности, осуществляемой частными образовательными организациями на территории инновационного центра «Сколково».

Но существуют ситуации, когда образовательная деятельность не нуждается в лицензировании без учета обозначенной оговорки.

Во-первых, обучение может проводить самозанятый или индивидуальный предприниматель (далее — ИП) без привлечения сотрудников, даже если деятельность образовательная. Такими сотрудниками выступают преподаватели и тьюторы, то есть именно те, кто осуществляет учебный процесс.

Во-вторых, занятия проводятся разово, не предполагают под собой систематическое проведение занятий. Это вебинары, мастер-классы, тренинги.

В-третьих, доступ к урокам проводится без обратной связи или оценки.

В настоящее время на рынке оказания образовательных услуг можно встретить огромное количество курсов по саморазвитию, которые используют нереалистичные ожидания пользователей, обещая «сказочные» результаты, но, к сожалению, не приводят к реальным результатам и изменениям. Однако не стоит считать, что хорошее качественное образование на просторах Интернета и вовсе отсутствует, что в конечном итоге запутывает людей, у которых и без того часто нет ясного понимания об эффективном пути самосовершенствования своих профессиональных и личностных навыков. Следовательно, потенциальным потребителям сложно выбрать подходящие ресурсы для повышения своей квалификации. Это может привести к тому, что они потратят свое время и средства на курсы, не оправдавшие возложенные на них надежды, в то время как действительно полезные материалы остаются незамеченными. В результате борьба за внимание и доверие пользователей становится особенно актуальной в условиях избытка информации и разнообразия предложений на рынке.

Возникает вопрос: будет ли отличаться регулирование таких платформ в зависимости от их правовой формы?

В России есть три формы регистрации бизнеса: общество с ограниченной ответственностью (далее — ООО), ИП и самозанятость.

По закону любой человек, занимающийся предпринимательской деятельностью, должен зарегистрировать бизнес. Поэтому открыть онлайн-школу физическому лицу без регистрации бизнеса не получится.

Стоит разобраться в каждой форме подробнее.

В России существует такая форма организации бизнеса, как самозанятость. Особенности такой формы — в налогообложении. Налоговая ставка для данного бизнеса составляет 4 % при работе с физическими лицами без статуса ИП и 6 % — при работе с ИП и компаниями. Также существуют ограничения, нарушение которых приведет к потере статуса самозанятого. Это, в частности, привлечение сотрудников на работу по трудовому договору, доход больше 2 400 000 рублей в год, а также перепродажа товаров или выступление в качестве посредника [4].

Следующая возможная форма регистрации онлайн-школы — это ИП. ИП может нанимать сотрудников и вести свой бизнес без особых ограничений. Поэтому такой вариант подойдет большинству онлайн-школ, поскольку здесь меньше сложностей, чем у ООО.

Также онлайн-школа может зарегистрировать себя в качестве ООО. Это юридическое лицо, которое могут создать один или несколько учредителей. У такой организации должен быть уставный капитал не менее 10 000 рублей, а также юридический адрес [5]. Эта форма организации может подойти для онлайн-школы, если компания планирует сотрудничать с другими компаниями, привлекать партнеров, а также инвестиции в обмен на долю в бизнесе.

Получив доступ к онлайн-платформе, пользователь не обязан проходить и осваивать программу полностью, за исключением случаев, когда результатом прохождения обучения является получение сертификата. Подтверждение прохождения курса будет оформлено соответствующим документом, однако необходимо соблюсти некоторые условия. Так, требуется усвоить материал, подтвердить свое участие, а также выполнить определенные задания, которые покажут количество баллов, набранных во время их выполнения.

При взаимодействии с обучающимися могут возникнуть спорные вопросы, поэтому большинство онлайн-платформ публикуют на своих сайтах оферту, в которой отражаются все тонкости обучения. Отличие оферты в том, что она направлена на неопределенный круг лиц, то есть на тех пользователей, которые желают ознакомиться с представленной программой на сайте [6]. Однако это не означает, что получать информацию или обучаться на такой платформе можно

анонимно. Для этого будущему клиенту нужно пройти регистрацию, предварительно ознакомившись с пользовательским соглашением и политикой конфиденциальности, размещенными на сайте образовательной платформы.

Большинство пользователей беспокоятся о защите своих персональных данных, регистрируясь на подобных сайтах, поэтому им необходимо проходить регистрацию в реестре операторов, осуществляющих обработку персональных данных в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [7] (далее — Роскомнадзор). Это требуется для сокращения количества «похищенных данных», а также профилактики проверок подобных онлайн-платформ на предмет сомнительных действий.

Условия оферты не должны противоречить законодательству. В соответствии со статьей 16 Закона № 2300-1 «О защите прав потребителей» условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с другими правовыми актами Российской Федерации, признаются недействительными. В соответствии с ним просрочка возврата денег за неоказанные услуги влечет за собой наложение пени в размере 3 % от цены оказания услуги за каждый день просрочки [8].

Таким образом, образовательный процесс в онлайн-сфере получает все большее развитие с внедрением информационных технологий в жизнь людей. Поэтому растет количество желающих обучаться и, соответственно, число желающих работать на таких образовательных платформах. Вопрос регистрации данного вида обучения будет зависеть от выбранной системы преподавания, от количества сотрудников в онлайн-школе или их отсутствия, а также от качества предоставляемого материала для изучения. В той или иной мере данный процесс не до конца изучен и будет совершенствоваться с течением времени, в том числе с принятием новых норм законодательства, закрепляющих такую систему, как образовательная онлайн-платформа.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

3. О лицензировании отдельных видов деятельности : федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

4. Налог на профессиональный доход для самозанятых граждан. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/princtax/> (дата обращения: 15.11.2024).

5. Галичевская, Е. Как зарегистрировать онлайн-школу, чтобы у налоговой не было претензий / Е. Галичевская. URL: https://secrets.tinkoff.ru/biznes-s-nulya/onlineshkolaregistratsiya/?internal_source=copypaste (дата обращения: 15.11.2024).

6. Договор оферты для инфобизнеса. URL: <https://ezybrand.ru/blog/dogovor-oferty-dlya-infobiznesa/> (дата обращения: 15.11.2024).

7. О персональных данных : федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

8. О защите прав потребителей : закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

УДК 341.1/8

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Д. М. Мучкаева,

курсант 2-го курса (специалитет)

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону

Научный руководитель — Е. А. Рыбалка,

д-р филос. наук, профессор,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассмотрена цифровая дипломатия (*digitaldiplomacy*), также называемая электронной дипломатией, которая возникла в системе международных отношений как механизм влияния на пользователей социальных сетей, а именно молодое поколение, и которая применяется правительствами примерно с 2010 г.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, молодежь, социальные сети, форумы, медиа-площадки, глобальная сеть Интернет

Под понятием «цифровая дипломатия» подразумевается «использование интернета и новых информационных коммуникационных технологий для достижения дипломатических целей» [2, с. 542]. Сам термин «digital diplomacy» начали использовать в США, когда национальные ведомства государства, ответственные за развитие информационно-коммуникационных технологий, стали активно использовать «новые медиа»: социальные сети, блоги и другие медиа-площадки в глобальной сети, подразумевающие массовые охваты. В этом

определении основное внимание уделяется наличию взаимосвязи между сетью Интернет и социальным взаимодействием [1, с. 137–138].

В цифровой дипломатии принимают участие правительственные органы и контролирующие ведомства, а также неправительственные организации, например, СМИ. Главными целями цифровой дипломатии являются: продвижение внешнеполитических интересов, информационная пропаганда через интернет-телевидение, социальные сети и мобильные телефоны, направленная на общественное сознание, формирование мышления молодого поколения и политических элит.

Появление термина «цифровая дипломатия» сопоставимо с предпосылками возникновения феномена такой дипломатии. На рубеже 2009–2010 гг. госструктуры Соединенных Штатов Америки, России, Франции, Германии, Китая и Ирана, приступили к созданию официальных учетных профилей (аккаунтов) в различных социальных сетях. В числе первых площадок, где была осуществлена регистрация аккаунтов госструктур, стали Фейсбук, Ютуб, Твиттер [3].

Предпосылкой возникновения феномена цифровой дипломатии стало упрощение и широкое распространение доступа молодежи к социальным сетям, а также их популяризация. Со временем не только граждане, но и организации начали осуществлять регистрацию аккаунтов в соцсетях, используя интернет-площадку для целей распространения своей деятельности, расширения целевой аудитории, а также ее информирования. На следующем этапе регистрация в социальных сетях начала осуществляться государственными органами либо их официальными представителями. В силу активного ведения официальных страниц министерств и ведомств гораздо чаще стали преподноситься новости внешней политики, процессы принятия решений по международным делам, а также оглашаться в открытом доступе итоги дипломатических встреч.

Проблемы и перспективы внешнеполитического развития, процесс принятия решений, информационные проекты и прочие мероприятия стали все чаще освещаться в социальных сетях. Следствием активности официальных аккаунтов министерств и иных органов власти стали многочисленные дебаты, затронувшие прежде всего вопросы внешней политики: миллионы подписчиков — фолловеров — оказались задействованы в активном мониторинге новостей международной политической обстановки и их распространении. Таким обра-

зом, развитие соцсетей выступило своеобразным средством дипломатии, когда установление государствами двустороннего или «диалогического» общения с другими дипломатическими деятелями и их зарубежной общественностью стало активнее по сравнению с односторонним характером традиционной публичной дипломатии. В то время как традиционная дипломатия происходит в формате офлайн и в относительной приватности, онлайн-дипломатия открыла возможность множеству участников, а в основном современному поколению — молодежи, обсуждать организацию внешней политики, повышая влияние общественного мнения на внешнеполитическую повестку дня.

Выделяют две главные цели цифровой дипломатии:

- продвижение интересов государства на внешнеполитическом уровне;
- информационная пропаганда через Интернет-телевидение, социальные сети и мобильные приложения, направленная на общественное сознание, формирование мышления молодого поколения и политических элит.

Рассмотрим, как эволюционировала цифровая дипломатия. Первым трудом, посвященным вопросам публичной дипломатии, стало произведение Аллена К. Хансена «Публичная дипломатия в компьютерную эпоху» (1984 г.). В своем произведении автор исследует публичную дипломатию, проводимую Информационным агентством США (от англ. UEIA) [4, с. 174–196]. Уже в 1994 г. между главами правительств Карлом Бильдтом и Биллом Клинтоном был произведен первый обмен адресами электронной почты, который ознаменовал переход на электронное взаимодействие. В 2003 г. Рид Хоффман, венчурный капиталист и писатель, основывает запуск LinkedIn с командой из системы электронных кошельков PayPal и SocialNet [5, с. 104–106].

В 2004 г. была основана популярная социальная сеть «Фейсбук», которая в 2016 г. насчитывала более 1 млрд зарегистрированных пользователей, а через год Чадом Херли, Джаведом Каримом и Стивом Ченом был создан популярный онлайн-видеосайт «Ютуб» [6, с. 60–76]. Сегодня данная платформа, представляющая собой видеохостинг, находится вне конкуренции по количеству пользователей, лидеров мнений (т. н. «инфлюенсеров») и количеству загруженных материалов. В настоящее время на Ютуб зарегистрирован широкий ряд министерств и ведомств разных стран, в том числе и России. Так, например, на кана-

ле Министерства иностранных дел Российской Федерации активно публикуются видеозаписи брифингов, встреч, интервью и пресс-конференций [1, с. 77–81].

В 2006 г. Дж. Дорси реализует идею создания социальной сети, в которой публикация постов осуществляется по принципу «SMS», — Твиттер [5, с. 104–106]. Твиттер стал ключевой платформой для цифровой дипломатии и ведущим сайтом микроблогов, который часто называют «твиттер-дипломатией» или «твипломатией». Твиты, ограниченные 280 символами, включают в себя текст, ссылки, изображения, видео и опросы. Эта форма дипломатии сочетает официальные сообщения дипломатических миссий с откровенными или провокационными заявлениями политических деятелей, формируя общественное мнение по мере того, как пользователи, включая журналистов, взаимодействуют с официальными внешнеполитическими аккаунтами [6, с. 67–70].

В 2010 г. для пользователей iPhone запускается приложение «Вотсап», однако уже через 4 года данное приложение было выкуплено компанией «Фейсбук». Еще через 2 года данное приложение было признано максимально безопасным и заключающим в себе особую пользу. В силу вышесказанного данная соцсеть стала инструментом цифровой дипломатии. Признанное безопасным и крайне удобным для общения во время встреч, позволяющее быстро и эффективно применять дискретные стратегии и тактики приложение имеет даже собственное подполе в цифровой дипломатии — «Дипломатия Вотсап» [2, с. 137–138].

В 2015 г. приложение «Снэпчат», в котором можно делиться актуальными фотографиями и короткими видео, совместно с ЮНИСЕФ запустили инициативу, направленную на увеличение общественной осведомленности о детях, ставших жертвами группировки «Боко Харам» в Нигерии [3, с. 37–47]. Эта инициатива была призвана привлечь внимание к проблемам сотен тысяч пострадавших детей. В 2016 году был создан официальный аккаунт Белого дома [3, с. 37–47].

Как и ожидалось, на совершенствование цифровой дипломатии в большей части влияет развитие платформ социальных сетей и их возможности по взаимодействию с молодежью. С 2015 по 2017 гг. активность акторов в социальных медиа и инструменты для распространения информации значительно расширились [3, с. 37–47]. Инфлюенсеры стали ключевыми фигурами в создании влиятельных сетей в рамках цифровой дипломатии, так как они способны воздей-

ствовать на свою аудиторию. Это оказалось более эффективным способом продвижения государственных позиций и борьбы с конкурентами, нежели линейное распространение информации. Во внешней политике начали разрабатывать алгоритмы для фильтрации пользователей и целевого распространения информации. Возникли проекты, направленные на нейтрализацию пропаганды экстремистов, а также ориентированные на обеспечение влияния на небольшие группы и сообщества в интернете.

Научная литература активно изучает специфические подходы в цифровой практике официальных аккаунтов. Например, использование визуальных образов, ностальгии или сарказма для дискредитации оппонентов либо привлечения внимания аудитории к своей точке зрения. Одним из таких исследований стал анализ информационного противостояния между цифровой дипломатией США и экстремистской активностью в социальных медиа. Однако этот этап развития цифровой дипломатии был прерван в период с 2018 по 2022 гг. из-за датафикации. Различные субъекты получили неконтролируемый доступ к технологиям искусственного интеллекта с целью быстрого воздействия на целевую аудиторию через эффективные информационные кампании, фильтрацию, создание синтетических СМИ и дипфейков [1, с. 137–138]. Дипломаты осознали, что без использования аналитики больших данных невозможно успешно провести цифровую информационную кампанию или повлиять на целевые аудитории.

«Новая волна» развития расширила функционал возможностей для цифровой дипломатии. В пример можно привести Леонардо Ди Каприо, который финансово поддержал президентскую кампанию Д. Байдена и в течение нескольких месяцев регулярно публиковал на своей странице в Инстаграм (запрещена в РФ) посты о важности голосования, его дедлайны в каждом штате [5, с. 104–106]. Безусловно, этот кейс больше относится к внутривнутриполитическим процессам, но важно понимать, что пока Ди Каприо, являясь лидером мнений, в социальных сетях поддерживает предвыборную кампанию Байдена, по цифровым площадкам «разливается яркий свет» американской демократии.

Конечно, нельзя забывать о событиях 2020 г., когда «сила» социальных сетей в контексте влияния на мнение и восприятие молодежи стала очевидной. Во время распространения пандемии COVID-2019, приблизившей большинство стран мира к началу нового социального и экономического кризиса, сотни тысяч

видео, изображений и текстовых материалов были размещены на таких виртуальных платформах, как Инстаграм, Фейсбук, Твиттер, Ютуб и даже Тик-Ток.

Таким образом, цифровая дипломатия, возникшая в эпоху смарт-технологий и социальных медиа, переосмысливает способы воздействия на международное сообщество. С развитием социальных сетей и цифровых технологий она становится ключевым инструментом внешнеполитических стратегий, однако при этом возникают новые вызовы, такие как распространение фейковых новостей и риски в защите личных данных. Эта эволюция требует от дипломатического сообщества адаптации к новым реалиям и развития новых навыков во взаимодействии с молодежью и другими государствами в целом.

1. Аликберова, А. Р. Цифровая дипломатия с китайской спецификой / А. Р. Аликберова, Д. А. Балакин // *Современные востоковедческие исследования*. 2019. Т. 1. № 3. С. 77–81.

2. Ушакова, А. Б. Понятие цифровой дипломатии в современных международных отношениях / А. Б. Ушакова // *Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании : сборник материалов междунар. студ. конф. (г. Екатеринбург, 14–16 марта 2019 года) / сост. И. В. Красавин; Уральский федер. ун-т им. первого президента России Б. Н. Ельцина*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. С. 540–543.

3. Цветкова, Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н. А. Цветкова // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.

4. Цветкова, Н. А. Цифровая дипломатия и digitalinternationalrelations: вызовы и новые возможности / Н. А. Цветкова, А. Н. Сытник, Т. А. Гришанина // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 174–196.

5. Tuch, N. H. *Communicating with the World: U.S. Public Diplomacy Overseas*[M] / N. H. Tuch. New York: St. Martin's Press, 1990. No 7. 224 p.

6. Nye JR, J. S. *The Information Revolution and American Soft Power* / J. S. Nye JR // *Asia-Pacific Review*. 2002. Vol. 9. No.1. Pp. 60–76.

УДК 347.511

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ ВИНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

С. В. Мышьяков,

соискатель кафедры гражданско-правовых дисциплин
юридического института

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. И. Коробко,

д-р юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассматриваются общие вопросы соотношения двух разновидностей гражданско-правовой ответственности: ответственности при наличии вины, предполагающей привлечение к ответственности на началах принципа вины, и ответственности, в основе которой лежит принцип причинения. Установлено, что гражданско-правовая ответственность при наличии вины и ответственность без вины заключают в себе разнонаправленные принципы — принцип вины, генерального деликта, принцип причинения, а также объединены общей целью достижения справедливости в регулировании общественных отношений, общими условиями привлечения к ответственности.*

***Ключевые слова:** гражданско-правовая ответственность, ответственность без вины, вина, воля, принцип причинения*

Одним из основных аспектов права является возможность его принудительной реализации посредством, как правило, деятельности специализированных органов государства. Принудительная реализация в этом контексте означает не только возможность принудительного осуществления субъективного права, но и применения мер защиты и ответственности, в которых находят свое осуществление гражданско-правовые санкции. Санкция правовой нормы выражается, по сути, в ответственности за нарушение юридически признанного и защищаемого законом интереса [3, с. 204], который может быть имущественным и неимущественным.

Основным условием привлечения к гражданско-правовой ответственности является вина правонарушителя в причинении ущерба потерпевшему лицу. Принцип вины при привлечении к гражданско-правовой ответственности необ-

ходимо считать основным, превалирующим признаком названного вида юридической ответственности. Как следует из ст.ст. 401 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), лицо, не исполнившее обязательство или исполнившее его ненадлежащим образом, а также лицо, причинившее вред, несут ответственность при наличии вины [1; 2].

Следовательно, по общему правилу, для того, чтобы возложить юридическую ответственность на лицо, необходимо наличие его вины (умысла либо грубой или легкой неосторожности) [9, с. 60]. Отсюда возникает вопрос об основании привлечения к ответственности без вины: при каких условиях и обстоятельствах возникает указанная разновидность гражданско-правовой ответственности, почему поведение одного субъекта без вины влечет его юридическую ответственность перед другим. Это показывает, что развитие гражданско-правовой ответственности как правового института в целом происходит в русле единства и «борьбы» двух противоположных полюсов: ответственности при наличии вины и ответственности без вины в гражданском праве, принципа вины и принципа причинения.

Гражданско-правовая ответственность без вины имеет под собой серьезные практические основания, связанные с решением вопроса о том, на какую сторону ляжет риск несения неблагоприятного имущественного результата в том случае, если за причиненный ущерб ни одной стороне действующего обязательственного или возникшего деликтного правоотношения нельзя вменить в вину причиненный ущерб [8, с. 106]. Указанное актуализирует вопрос рассмотрения диалектики соотношения ответственности при наличии вины и ответственности без вины в гражданском праве.

Как известно, одним из всеобщих законов диалектики является закон единства и борьбы противоположностей — это первый закон диалектики. Он показывает внутренний источник развития явления [6, с. 75]. Применительно к развитию гражданско-правовой ответственности это означает, что возникновение юридической ответственности происходит в русле единства и борьбы двух противоположностей: ответственности при наличии вины и ответственности без вины. Необходимость появления в частном праве ответственности за невиновное поведение или даже за случай, действия третьих лиц показывает, что вменение ответственности только за вину, а, следовательно, оставление на стороне потерпевших понесенного ими ущерба в случаях, когда невозможно никому

иному вменить виновное поведение, входит в противоречие с общеправовым принципом справедливости.

Диалектика рассматривает наличие противоречий в самой сущности предмета. Анализируя существо соотношения противоречий в диалектике Э. Ильенков и С. Мареев отмечали, что «закон единства и борьбы противоположностей, отражая объективную противоречивую природу самих вещей, указывает на наличие в их структуре противоречивых сторон, которые одновременно и предполагают друг друга, и отрицают... при этом каждая из сторон не внешним образом обуславливает свое отрицание, а таким образом, что каждая содержит в себе другую как иное самого себя» [5, с. 67]. С. Ю. Иванов также указывает, что «в этом противоречивом единстве заключен источник движения и развития самой вещи» [4, с. 122].

Развитие общественных отношений и появление новых случаев, в которых согласно принципу справедливости имелась настоятельная необходимость переложения риска несения неблагоприятных последствий на одну из сторон обязательства, влекли возникновение новых норм об ответственности без вины в гражданском праве (к примеру, ответственность за использование источника повышенной опасности, ответственность государства за вред, причиненный правомерными действиями публичных органов власти). Данный аспект развития рассматриваемого института проходит в русле второго закона диалектики: перехода количественных изменений в качественные.

Диалектику соотношения ответственности при наличии вины и ответственности без вины необходимо рассматривать с позиций тождества и различия самой конструкции юридической ответственности в гражданском праве. Так, тождество исследуемых разновидностей ответственности заключается в том, что обе они основываются на едином общеправовом принципе справедливости. И если для ответственности при наличии вины в самом простом случае, когда у одной стороны уменьшается имущественная сфера из-за виновных действий (бездействия) правонарушителя, основанием является принцип ретрибутивной справедливости, указанный принцип заключается в эквивалентном уменьшении имущественной сферы правонарушителя с целью восстановления существовавшего до нарушения status quo. В то же время для ответственности без вины только одного принципа справедливости недостаточно.

Другими элементами тождества являются единые условия привлечения к ответственности (кроме элемента вины) в виде ущерба и каузальной связи между

действиями (бездействием), событием и понесенными потерпевшим убытками. Категории тождества и различия в диалектике представляют собой результат отражения действительности [7, с. 4]. Их соотношение есть момент развития исследуемого предмета. К примеру, даже в моменте противоречия (различия) между указанными видами ответственности (элемент вины) можно увидеть и их сходство (тождество), выражающееся в том, что сама категория вины является разновидностью воли, без наличия которой невозможно вменение юридической ответственности вообще, в том числе и ответственности без вины.

Диалектика изучает предмет в его развитии, изменении, становлении [6, с. 175]; противоречия являются движущим механизмом такого развития. Поскольку существуют противоречия, то с необходимостью возникает вопрос о снятии таких противоречий в процессе развития исследуемого предмета. В процессе исторического развития гражданско-правовой ответственности противоречие между ответственностью при наличии вины и ответственностью без вины снимается следующим образом: в настоящее время общепризнан и соответствует принципу справедливости тот факт, что основанием ответственности «по умолчанию» является принцип вины, тогда как ответственность без вины допускается в строго определенных случаях, указанных в законе (к примеру, в п. 2 ст. 1064 ГК РФ [2]), и конкретизируется с помощью политико-правовых оснований. Под последними предлагается понимать основания вменения юридической ответственности по каждому конкретному случаю привлечения к ответственности без вины, имеющие комплексную природу: политическую, социально-экономическую и правовую. Применение данной категории позволяет объяснить мотивы введения юридической ответственности без вины.

Кроме того, следует подчеркнуть, что противоречие между ответственностью при наличии вины и ответственностью без вины является неантагонистическим: снятие противоречия заключается не в поглощении одного вида другим, а в их своеобразном синтезе: поглощение ответственности при наличии вины ответственностью без вины невозможно по той причине, что распространение принципа причинения на все случаи причинения вреда приведет к явной несправедливости в применении юридической санкции; также невозможна и обратная ситуация. В последнем случае переложение ущерба только на сторону потерпевшего вступает в противоречие с общественной потребностью в распределении имущественного ущерба между сторонами обязательства, вытекающей из необходимости соблюдения и поддержания установившегося баланса интересов сто-

рон обязательственного отношения. Появление ущерба на стороне потерпевшего лица требует компенсации на основании вины причинителя вреда или норм закона, устанавливающих ответственность без вины. Другим альтернативным последствием является оставление ущерба на стороне потерпевшего в случаях, если вина иного лица как таковая отсутствует или данное происшествие подпадает под случай, за который нормативно ответственность не переложена на иное лицо, либо имеют место обстоятельства непреодолимой силы.

Таким образом, следует сделать вывод, что развитие гражданско-правовой ответственности протекает в русле диалектических законов единства и борьбы противоположностей и перехода количества в качество; само же противоречивое соотношение двух разновидностей юридической ответственности снимается путем синтеза. Каждый вид ответственности регулирует только соответствующие ее природе отношения: для ответственности при наличии вины при этом достаточным условием выступает виновное нарушение одной стороной субъективного права другой стороны, а для ответственности без вины — специальное нормативное закрепление случаев такой ответственности в законе.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994. № 52-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Ибрагимова, А. И. Общетеоретическое, научно-концептуальное и законодательное определение гражданско-правовых понятий ответственности и санкций/ И. А. Ибрагимова // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 203–208.

4. Иванов, С. Ю. Проявление основных законов диалектики в научном познании/ С. Ю. Иванов // Вестник ОГУ. 2008. № 7 (89). С. 75–79.

5. Ильенков, Э. Центральный вопрос диалектики / Э. Ильенков, С. Мареев // Политическое самообразование. 1973. № 10. С. 65–72.

6. Кедров, Б. М. Диалектика и логика, законы мышления / Б. М. Кедров. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 175 с.

7. Ким, В. В. Тождество и различие в материалистической диалектике / В. В. Ким. Свердловск: [б. и.], 1969. 44 с.

8. Осипова, А. Е. Безвиновное причинение вреда / А. Е. Осипова // Вестник магистратуры. 2021. № 9–2. С. 105–107.

9. Слесарев, В. Л. Вина в гражданском праве: нормативно-правовой и юридико-фактический аспекты / В. Л. Слесарев, В. Д. Кравец // Вестник Омского университета Серия «Право». 2019. Т 16. № 1. С. 57–66.

УДК 342.59

К ВОПРОСУ О ТРЕБОВАНИЯХ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СВЯЗИ С ОБОРОТОМ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Р. Н. Надырова,

студент 4-го курса (специалитет)

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Крымский юридический институт (филиал), г. Симферополь

Научный руководитель — Е. А. Паращевина,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Крымский юридический институт (филиал), г. Симферополь

***Аннотация.** Статья посвящена актуальному вопросу правового регулирования криптовалют и их статуса в России. Автор подчеркивает, что с развитием цифровых технологий и все более значимой ролью криптовалют в экономике возникает необходимость осмысления правовой базы, касающейся денежных правоотношений, связанных с данным видом активов. Также затронута проблематика декларирования криптовалют государственными служащими, рассмотрены существующие правовые ограничения и обязательства в этой сфере.*

***Ключевые слова:** цифровая валюта, криптовалюта, государственная служба, противодействие коррупции*

На сегодняшний момент в связи с активным развитием цифровых технологий и повышением экономической роли криптовалют стал актуальным вопрос осмысления содержания правового регулирования денежных правоотношений, непосредственно с ними связанных. Как отмечает Е. А. Паращевина, «одним из основных приоритетов развития Российской Федерации является создание цифровой экономики. В мировом масштабе цифровые технологии широко применяются во всех сферах жизни общества. Развитие цифровизации открывает возможности для интеграции как отдельных людей и организаций, так и всего государства в мировую экономическую систему» [1, с. 990].

Криптовалюта — это цифровая валюта, использующая криптографию для обеспечения безопасности транзакций. Это разновидность цифровой валюты, которая позволяет людям совершать платежи напрямую друг другу через он-

лайн-систему. Криптовалюты не имеют законодательно закрепленной или внутренней ценности; они стоят столько, сколько люди готовы за них заплатить на рынке, в отличие от национальных валют, которые сохраняют свою ценность благодаря тому, что являются законным платежным средством на территории того или иного государства. Сегодня существует множество наименований криптовалют, и с каждым днем их количество растет. Также в мае 2024 года платформа «Chainalysis» опубликовала новый отчет под названием «Отчет о криптовалютной весне 2024 года» [2], согласно которому количество активных криптокошельков постоянно растет, превысив отметку в 400 миллионов адресов с «положительным балансом».

Несмотря на то, что история развития криптовалюты насчитывает уже более десятилетия, вопрос правового регулирования и правового статуса данной формы денег во многих странах, в частности в Российской Федерации, долгое время оставался неразрешенным. Отправной точкой регулирования отношений, связанных с криптовалютой, считается упоминание терминов «денежный суррогат» и «виртуальная валюта» в пресс-релизе на сайте Центрального банка России от 27 января 2014 года «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности Биткойн» [3]. Хотя данный пресс-релиз и не имел юридической силы, однако он указал законодателю на пробелы, возникающие в связи со стремительным развитием нового явления, а также обратил внимание правоохранительных органов на сделки, совершаемые с использованием криптовалюты. Далее криптовалюта была упомянута 6 февраля 2014 года на заседании экспертной группы при Межведомственной рабочей группе по противодействию преступлениям в сфере экономики в Генеральной прокуратуре Российской Федерации при участии представителей Центрального банка России, Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел. В ходе данного заседания обсуждались вопросы легализации доходов, нажитых преступным путем, посредством биткойна, а также запрет на оборот и сделки с криптовалютой в России [4].

Необходимо отметить, что в данный период Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации в своих ведомственных актах информационного характера неоднократно подчеркивала угрозу при использовании криптографической валюты в качестве средств платежа в преступной деятельности, а также как финансового инструмента для отмыывания доходов, полученных преступным путем [5].

В объективной действительности имеют место случаи применения криптовалюты в преступной деятельности, особенно в совершении преступлений коррупционной направленности. Первый такой эпизод был отмечен Генеральным прокурором Российской Федерации Игорем Красновым в интервью ТАСС к Международному дню борьбы с коррупцией в 2022 году. Он указал на один случай в Республике Хакасия, где глава отдела на правах управления по контролю за оборотом наркотиков согласился, исходя из личной корыстной заинтересованности, привлечь к уголовной ответственности лицо, осуществившее хищение наркотического средства у нелегального интернет-магазина. За это действие правоохранитель получил взятку в биткоинах [6]. Также одним из резонансных случаев можно назвать получение взятки лицами, являвшимися в прошлом сотрудниками следственного управления ФСБ России, у семьи экс-директора издательства «Известия» Эраста Галумова. Следствием установлено, что бывшие правоохранители требовали около трех миллионов долларов в пересчете с криптовалюты [7]. В октябре 2024 года был осужден начальник следственных отделов московского Следственного комитета по Мещанскому и Тверскому району Марат Тамбиев за рекордную взятку в биткоинах, размер которой составлял 7 млрд рублей. Тамбиев обвинялся в получении взятки от участников хакерской группировки Infracore Organization за содействие по их уголовному делу; общую сумму следствие оценило в 2 718 биткоинов [8].

Стоит сказать, что в течение длительного времени предпринимались попытки разработки законопроектов, которые бы регулировали криптовалютный рынок и отношения, возникающие при обороте криптовалюты. Как итог, в 2020 году был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующий вопросы, связанные с криптовалютой: в частности, ее называют цифровой валютой и считают «совокупностью электронных данных — цифрового кода или обозначения» [9]. Также он внес изменения в ряд федеральных законов, в том числе в Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [10] (далее — ФЗ № 273): согласно законодательству криптовалюта рассматривается как имущество, которое может быть использовано в коррупционных практиках. В связи с этим лица, декларирующие свои доходы, обязаны помимо прочего указывать и цифровые активы, хотя ранее, в 2018 году Министерство труда Россий-

ской Федерации в методических инструкциях, относящихся к заполнению деклараций, акцентировало внимание на том, что сведения о криптовалюте не должны включаться, так как данный вид активов не имеет юридического статуса и не классифицируется как собственность или финансовое обязательство [11].

Как известно, правовые основы государственной гражданской службы РФ, помимо вышеупомянутого ФЗ № 273, устанавливаются Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ [12] (далее — ФЗ № 79 от 27.07.2004), который и определяет основные ограничения и запреты для госслужащих. Одним из запретов, накладываемых на государственных служащих и их семьи, является запрет на открытие банковских счетов, а также накопление наличных средств и инвестирование ценностей в зарубежные банки, как и использование иностранных финансовых активов. Однако этот запрет не является абсолютным и применим только в определенных ситуациях, указанных в Федеральном законе от 07 мая 2013 года № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [13] (далее — ФЗ № 79 от 13.05.2013), который явно воспрещает государственным служащим контактировать с международными финансовыми системами. Также стоит отметить, что статья 1 данного нормативного правового акта классифицирует криптовалюту как иностранный финансовый инструмент, что имеет определенные последствия. А статья 2 ФЗ № 79 от 13.05.2013 обозначает исчерпывающий перечень должностей, при замещении которых лицам нельзя владеть криптовалютой. При замещении других должностей это возможно, однако при соблюдении отчетности, то есть при включении данных активов в декларации о доходах.

Но стоит отметить, что могут возникнуть проблемы при проверке достоверности предоставляемой информации. Контроль за соблюдением антикоррупционных норм осуществляют органы прокуратуры, которые также ответственны за анализ информации из деклараций. В своей работе Е. А. Парашевина указывает, что «прокуратура осуществляет защиту лиц, сообщающих о фактах коррупции, совместно с органами финансового контроля (Росфинмониторинг) проверяет соблюдение требований, предусмотренных законодательством в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муни-

ципальных нужд. Также одним из важных полномочий прокурора является обращение в суд с заявлением о взыскании в доход Российской Федерации средств, полученных должностными лицами противозаконным путем» [14, с. 227]. Необходимо заметить, что реализация проверки этих данных без информации о местоположении криптовалютного кошелька вызывает значительные затруднения. Однако прозрачность, инструменты анализа и степень контроля постоянно растут. «Скорее всего, спрятав что-то сейчас, вы столкнетесь в будущем с трудностями при объяснении, откуда у вас этот актив», — прокомментировал Виктор Достов, председатель Ассоциации участников рынка электронных денег и денежных переводов. «Это не вопрос года или двух, но в перспективе пяти лет, скорее всего, так и будет» [15].

Исходя из вышесказанного, можно увидеть, что в последние годы в России идет активное развитие законодательства о криптовалюте. Однако из-за специфики этого вида цифровой валюты на данный момент нельзя говорить о том, что нововведения в правовом регулировании полностью регламентируют все вопросы, в том числе проблемы, возникающие при создании, регистрации и обороте цифровых финансовых активов, а также вопрос исключения использования криптовалют в незаконной деятельности. Важно отметить, что вступление в силу с 1 ноября 2024 года Федерального закона от 08 августа 2024 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16] знаменует собой новый этап в развитии регламентации общественных отношений, связанных с криптовалютой. Данный закон поможет повлечь существенные налоговые поступления в бюджет Российской Федерации, поскольку будет легализован бизнес в хорошо развитой отрасли добычи криптовалют в России. Также, в рамках эксперимента, российские импортеры и экспортеры теперь могут приобрести и использовать добытую криптовалюту для внешнеторговых расчетов. Несмотря на экспериментальный характер некоторых положений вышеуказанного закона, нельзя не сказать, что это уже значительный шаг вперед в развитии законодательства.

1. Паращевина, Е. А. Проблемы налогового стимулирования малых IT-компаний в Российской Федерации, как наиболее нуждающихся в государственной помощи / Е. А. Паращевина // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современ-

ных условиях : сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, Симферополь, 15 марта 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство "Типография «Ариал»», 2024. С. 989–997.

2. The Chainalysis Crypto Spring Report // Chainalysis Inc. URL: <https://go.chainalysis.com/crypto-spring-report.html> (дата обращения: 23.10.2024).

3. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн // Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 23.10.2024).

4. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось совещание по вопросу правомерности использования анонимных платежных систем и криптовалют // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=83101813> (дата обращения: 17.11.2024).

5. Информационное сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу от 6 февраля 2014 г. «Об использовании криптовалют» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70487296/> (дата обращения: 23.10.2024).

6. Генпрокурор РФ: в этом году в стране выявлено получение взяток почти на 2 млрд рублей // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16544731> (дата обращения: 23.10.2024).

7. Экс-сотрудники ФСБ получили 9 и 12 лет колонии по делу о взятках в биткоинах // Российское агентство правовой и судебной информации РАПСИ. URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20210226/306804333.html (дата обращения: 23.10.2024).

8. Экс-следователя осудили за взятку в 7 млрд рублей // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/255509/> (дата обращения: 23.10.2024).

9. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 06 августа.

10. О противодействии коррупции : федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

11. Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2018 году (за отчетный 2017 год). URL: https://must.rk.gov.ru/file/metod_rec.PDF (дата обращения: 07.11.2024).

12. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 июля.

13. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных

за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ // Российская газета. 2013.14 мая.

14. Паращевина, Е. А. Органы прокуратуры в системе обеспечения экономической безопасности государства / Е. А. Паращевина // Крымские юридические чтения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 21 июня 2024 года. Симферополь: Литературно-издательский центр «Строки», 2024. С. 224–228.

15. Чиновникам объяснили, как отчитаться о криптовалюте // Электронное периодическое издание «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/economics/chinovnikam-obyasnili-kak-otchitatsya-o-kriptovalyute.html> (дата обращения: 23.10.2024).

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ // Российская газета. 2014. 13 августа.

УДК 349.3

**ПРОБЛЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖЕНЩИН,
РОДИВШИХ ДВУХ И БОЛЕЕ ДЕТЕЙ И ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА
50 ЛЕТ, В РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ПРИРАВНЕННЫХ
К НИМ МЕСТНОСТЯХ**

Р. Н. Носова,

студентка 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

В. В. Жиделева,

д-р экон. наук, профессор, заместитель Председателя

Государственного совета Республики Коми

Научный руководитель — Т. Л. Курач,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы пенсионного обеспечения женщин, которые родили двух и более детей и достигли возраста 50 лет, в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Исследуются особенности и выявляются проблемы правового регулирования социального обеспечения данных категорий женщин. Предлагаются рекомендации по устранению пробела в законодательстве, что повысит социальную защищенность женщин, проживающих на Севере.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, страховая пенсия, суммирование периодов работы в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях, социальная защищенность женщин, смешанный стаж

С каждым годом все более важной проблемой становится сокращение численности населения в Российской Федерации. В северных регионах нашей страны в силу суровых климатических условий, отдаленности от центра, больших территорий и малой заселенности эта проблема приобретает еще большую актуальность. Одним из способов решения демографических проблем является установление дополнительных социальных гарантий в области пенсионного обеспечения, что для северных территорий нашей страны определяется современным законодательством, как и действовавшим ранее.

Так, страховая пенсия по старости назначается досрочно согласно положениям пункта 6 части 1 статьи 32 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400 «О страховых пенсиях» мужчинам по достижении возраста 60 лет и женщинам по достижении возраста 55 лет, если они проработали не менее 15 календарных лет в районах Крайнего Севера либо не менее 20 календарных лет в приравненных к ним местностях и имеют страховой стаж, соответственно, не менее 25 и 20 лет. Гражданам, работавшим как в районах Крайнего Севера, так и в приравненных к ним местностях, страховая пенсия устанавливается за 15 календарных лет работы на Крайнем Севере. При этом каждый календарный год работы в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, считается за девять месяцев работы в районах Крайнего Севера [1]. Указанная норма устанавливает не только досрочный выход на пенсию в северных регионах, но и определяет механизмы суммирования стажа, заработанного на Крайнем Севере и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, для преобразования его в смешанный северный стаж, который позволяет претендовать на льготное пенсионное обеспечение.

Одной из причин ухудшения демографической ситуации является низкая рождаемость на северных территориях. Для повышения мотивации женщин к рождению детей и компенсации времени нахождения в отпуске по уходу за ребенком, когда отсутствовала возможность осуществлять трудовую деятельность, законодатель предусмотрел льготные условия возникновения права на досрочное назначение страховой пенсии по старости для женщин-северянок,

родивших двух и более детей, достигших возраста 50 лет, по сравнению со всеми остальными северянами. Согласно пункту 2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях», женщинам, родившим двух и более детей, достигшим возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж не менее 20 лет и проработали не менее 12 календарных лет в районах Крайнего Севера либо не менее 17 календарных лет в местностях, приравненных к ним [1].

Таким образом, для наличия права на досрочное назначение страховой пенсии необходимо заработать требуемый стаж только в какой-то одной климатической зоне — или в районах Крайнего Севера, или в местностях, приравненных к ним. Суммирование северного стажа для указанной выше категории женщин законодатель не предусмотрел.

В силу объективных причин, таких как смена работодателем места осуществления своей деятельности, изменение работником места жительства по семейным обстоятельствам и другим, механизм суммирования периодов работы в северных регионах играет важнейшую роль в пенсионном обеспечении, так как позволяет учитывать в общем стаже работы стаж, приобретенный хотя и в разных, но в целом суровых климатических условиях, для досрочного назначения страховой пенсии.

Такие различные подходы в вопросах учета периодов работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях для досрочного назначения страховой пенсии по старости в пределах одной статьи федерального закона не позволяют претендовать на досрочное назначение страховой пенсии по старости женщинам, родившим двух и более детей, достигшим возраста 50 лет, при наличии страхового стажа и смешанного стажа работы (когда имеется как период работы в районах Крайнего Севера, но менее 12 лет, так и период работы в приравненных к районам Крайнего Севера местностях, но менее 17 лет).

Наши исследования показывают, что ежегодно в Республике Коми при обращении за досрочным назначением страховой пенсии по старости отказывают примерно 10 % женщин, имеющих смешанный стаж работы. Столь значительное число отказов свидетельствует, что женщины не в полной мере осведомлены о требованиях к наличию необходимого стажа, и о том, в какой климатической зоне они должны его заработать для возникновения права на досрочное назначение страховой пенсии. Также они не знают об отсутствии законодательной нормы, предусматривающей суммирование периодов работы в северных

регионах для этой категории граждан. На наш взгляд, необходимо усилить разъяснительную работу в этом направлении.

Также следует отметить, что судебные органы с учетом действующего правового регулирования отказывают женщинам в праве на суммирование стажа, несмотря на то что граждане большую часть трудовой жизни проработали в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Так, например, Печорским городским судом Республики Коми гражданке отказано в назначении досрочной страховой пенсии при том, что она имела стаж работы в районах Крайнего Севера — 13 лет и 8 месяцев и стаж работы в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, — 10 лет и 11 месяцев, то есть общий стаж с учетом порядка суммирования более 21 года [2]. Отказывая в удовлетворении исковых требований обратившимся женщинам, суды руководствуются прямой нормой закона. Вынесенные судом решения обоснованные и законные.

Однако Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 3 июня 2004 г. № 11-П указал на то, что в сфере пенсионного обеспечения соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает помимо прочего запрет вводить такие различия в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) [3].

Исходя из изложенного, установлено, что в отношении женщин, проработавших в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, родившим двух и более детей, нарушен принцип равенства и установлены различия в их пенсионных правах как лиц, принадлежащих к одной и той же категории, а именно граждан, имеющих смешанный стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Работа и проживание в северных климатических условиях имеет свои негативные последствия. Эти последствия одинаково отражаются абсолютно на всех лицах, находящихся на этих территориях. Следовательно, меры социальной защиты также должны предоставляться на равных условиях. Одной из таких мер государственной поддержки является льготное пенсионное обеспечение при наличии стажа работы в этих районах и местностях установленной законом продолжительности.

Представляется, что отсутствие нормы о возможности суммирования периодов работы в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях является пробелом пенсионного законодательства, которое необоснованно лишает женщин, родивших двух и более детей, достигших возраста 50 лет и имеющих установленный законом страховой стаж, права на досрочное назначение пенсии по старости. Этот пробел можно устранить путем изложения пункта 2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» в следующей редакции:

«2) женщинам, родившим двух и более детей, достигшим возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж не менее 20 лет и проработали не менее 12 календарных лет в районах Крайнего Севера либо не менее 17 календарных лет в приравненных к ним местностях. Женщинам, указанным в настоящем пункте, работавшим как в районах Крайнего Севера, так и в приравненных к ним местностях, страховая пенсия устанавливается за 12 календарных лет работы на Крайнем Севере. При этом каждый календарный год работы в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, считается за девять месяцев работы в районах Крайнего Севера».

Для реализации новой нормы из федерального бюджета потребуется выделение дополнительных финансовых средств. Однако указанное изменение установит единообразный подход к исчислению периодов работы в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости, и распространит на женщин, родивших двух и более детей и достигших возраста 50 лет, норму, в соответствии с которой каждый календарный год работы в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, считается за девять месяцев работы в районах Крайнего Севера.

Обозначенная проблема очень актуальна не только для Республики Коми, но и для всех северных территорий Российской Федерации. Принятие соответствующих изменений позволит устранить имеющийся пробел в законодательстве, повысить социальную защищенность женщин, проработавших как в районах Крайнего Севера, так и в приравненных к ним местностях, родивших двух и более детей и достигших возраста 50 лет.

1. О страховых пенсиях : федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 52. Ст. 6965.

2. Решение по делу № 2-528/2023 // Печорский городской суд Республики Коми: официальный сайт. URL: pechora.komi.sudrf.ru (дата обращения: 17.10.2024).

3. По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами Государственной Думы Астраханской области, Верховного Суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Елецкого городского суда Липецкой области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов города Липецка, а также жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.06.2004 № 11-П // Собр. законодательства РФ. 2004. № 24. Ст. 2476.

УДК 343.24

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В. С. Осипов,

студент 1-го курса юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема назначения наказания для военнослужащих в уголовном праве Российской Федерации. Особое внимание уделяется недостаткам действующего законодательства, проявляющимся в несоответствии между преступлением и назначаемой санкцией. Актуальность темы обусловлена уникальными условиями службы военнослужащих и изменением характера совершаемых ими преступлений, что требует особого подхода к назначению наказания. Исследование направлено на выявление пробелов в законодательстве и выработку рекомендаций по их устранению, что имеет важное значение для повышения эффективности уголовного права. Также анализируются основные принципы, закрепленные в Уголовном кодексе России, такие как законность, равенство перед законом, справедливость и гуманизм, а также виды наказаний, применяемые к военнослужащим.*

***Ключевые слова:** уголовное право, уголовная ответственность, наказание, система, специальные виды уголовного наказания, воинские уголовные наказания, огра-*

ничество по военной службе, арест с содержанием на гауптвахте, содержание в дисциплинарной воинской части

Назначение наказания в уголовном праве Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, особенно когда речь идет о специальных субъектах преступления.

Современная практика назначения наказания сталкивается с рядом вызовов и проблем. Усложнение социальных условий, появление новых видов преступлений, изменения в общественном сознании ставят перед правозащитниками, судьями и законодателем актуальные вопросы о том, как правильно балансировать между необходимостью защиты общественных интересов и соблюдением прав личности.

Данное исследование имеет практическое значение для обеспечения справедливости в условиях правоприменения, повышения эффективности уголовного законодательства и улучшения защиты прав военнослужащих. Военнослужащие, находящиеся на службе, подвержены уникальным, сложным условиям, которые могут влиять на их поведение и принятие решений. Зачастую соразмерность преступления и назначаемого за него наказания имеет несоответствие, что является актуальной проблемой.

Изучение наказаний в уголовном праве является важным элементом, так как это помогает проанализировать основные принципы, закрепленные в Уголовном законе Российской Федерации, такие как принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип справедливости, вины и гуманизма; позволяет оценивать, насколько наказание соответствует совершенному преступлению.

Статья 6 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) раскрывает смысл принципа справедливости, который гласит, что наказания, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми. Обстоятельства преступного деяния и характеристика субъекта преступления являются важнейшими факторами, влияющими на назначение наказания.

Первостепенное значение обстоятельств преступления состоит в том, что они помогают понять природу и социальную опасность деяния. К таким обстоятельствам относятся место и время совершения преступления, способы его исполнения, а также последствия для потерпевших и общества в целом.

Характеристика субъекта преступления, включая его возраст, пол, психическое состояние, предшествующую судимость и социальное положение, также имеет огромное значение.

Законодательство зачастую учитывает возможность реабилитации лица, совершившего преступление, что подразумевает акцент на его потенциальное исправление, а не только на наказание [1].

Таким образом, суды, сталкиваясь с необходимостью определить меру наказания, должны учитывать как обстоятельства совершенного деяния, так и индивидуальные качества правонарушителя. Такой подход способствует более справедливой и гуманной системе правосудия, позволяя учитывать не только преступление как таковое, но и человека, который его совершил. Это, в свою очередь, помогает достигать целей уголовного наказания, направленных на исправление, а не только на лишение свободы.

Понятие и цели наказания в российском законодательстве регламентированы статьей 43 УК РФ. Согласно вышеупомянутой статье «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [1].

Разнообразие видов и размеров наказаний включает такие меры, как ограничение по военной службе, арест, содержание в дисциплинарной воинской части и лишение свободы. Ограничение по военной службе и содержание в дисциплинарной воинской части применяются исключительно к военнослужащим.

Наказания за преступления против военной службы, как правило, связаны с лишением свободы. Ограничение по военной службе, согласно статье 51 УК РФ [1], влечет за собой определенные ограничения для осужденного, такие как удержания из его денежного довольствия в пользу государства, ограничение возможности повышения в должности или воинском звании и невключение этого периода в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания.

Еще одним видом наказания, применяемого в отношении военнослужащего, является содержание его в дисциплинарной воинской части [1]. Стоит отметить исключительность применения такого вида наказания как основного в отношении

вышеупомянутого субъекта, в том числе в случаях, когда обстоятельства преступления и личность виновного позволяют заменить наказание в виде лишения свободы на содержание в дисциплинарной воинской части сроком до двух лет.

В современной действительности существует ряд проблем, возникающих при назначении наказания для военнослужащих. Например, актуальным становится вопрос назначения специальных видов наказания лицу, который ранее имел статус военнослужащего, но к моменту назначения наказания не относился к категории специального субъекта, то есть не имел статус военнослужащего. Постановление Пленума Верховного Суда РФ гласит, что «при увольнении осужденных военнослужащих с военной службы по иным предусмотренным законодательством основаниям они могут быть в установленном законом порядке досрочно освобождены судом от наказания с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания или без таковой» [2]. Остается нераскрытым вопрос о назначении наказания таким лицам, поскольку при назначении наказания преследуются следующие цели: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение новых преступлений.

На любом этапе совершения преступления военнослужащий должен осознавать неправомерность своих действий и последующее за ними наказание. Отсутствие должного правосознания, а также безнаказанность могут подвигнуть лицо на совершение новых преступлений, а это уже совершенно противоречит целям назначения наказания.

Актуальность данной темы поднималась у исследователей уголовного права, а именно в части вопроса о необходимости включения дополнительной статьи, регулирующей правила замены специальных видов воинских наказаний на общеуголовные наказания [3].

Также при невозможности назначения специальных видов наказания стоит использовать более мягкое общеуголовное наказание, но никак не освобождение от этого наказания.

При назначении наказания лицу, потерявшему статус военнослужащего, возникает вопрос о соразмерности специального вида наказания и общеуголовного.

Исходя из приведенного выше анализа, предлагаем определенные изменения:

1. Ограничение по военной службе в форме удержания из его денежного довольствия в пользу государства считать соразмерным с наказанием в виде исправительных работ.

2. Наказание по военной службе в виде содержания в дисциплинарной воинской части считать соразмерным с наказанием в виде лишения свободы в колониях-поселениях.

Соответствующие уточнения и конкретизацию указанных новелл следует отразить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что изменения в назначении наказания по воинским преступлениям требуют глубокого и системного подхода. В современном мире необходимо уделять должное внимание вопросам военного уголовного права в целях обеспечения эффективности и правопорядка не только в Вооруженных силах Российской Федерации, но и во всем государстве. Необходимо обеспечить единообразие в практике судов в аспекте назначения наказания за воинские преступления с учетом вышеизложенной проблемы.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 18.05.2023 № 11 // Российская газета. 2023. 02 июня.

3. Закомолдин, Р. В. Проблемы законодательной регламентации и практики применения специальных воинских уголовных наказаний / Р. В. Закомолдин // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatelnoy-reglamentatsii-i-praktiki-primeneniya-spetsialnyh-voinskih-ugolovnyh-nakazaniy> (дата обращения: 11.11.2024).

4. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22.12.2015 № 58 // Российская газета. 2015. 29 декабря.

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ РОССИИ: ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

А. Ю. Острикова,

студентка 1-го курса юридического факультета (специалитет)

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Научный руководитель — Л. Н. Дегтярева,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Аннотация. В статье автор исследует природу конституционного строя Российской Федерации в ее становлении и развитии. Анализируются черты конституционного строя, проводится исторический экскурс с середины XIX века и до наших дней. Делается вывод о значении данного института конституционного права России.

Ключевые слова: конституционный строй, черты, природа, основы конституционного строя, Конституция Российской Федерации

Впервые понятие «конституционный строй» было закреплено в Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, в первой главе которой определены основы конституционного строя [1]. С этого времени данный институт стал центральным, основополагающим конституционным институтом, нормы которого обладают более высокой юридической силой по сравнению с нормами других конституционных институтов. При этом категория конституционного строя — не только правовая, но и в значительной степени философская, политическая. Поэтому до сих пор ни в конституционно-правовой науке, ни в законодательстве не выработано конкретного определения понятия конституционного строя [2, с. 259].

Конституционный строй включает в себя различные черты, которые характеризуют его как систему государственной власти. Перечислим.

Разделение власти — принцип, согласно которому государственная власть осуществляется законодательными, исполнительными и судебными органами.

Каждая ветвь власти выполняет свои функции, что позволяет работать системе организованно.

Приоритет прав и свобод личности: государство берет на себя обязательство гарантировать и защищать права и свободы человека и гражданина, которые закреплены в Основном законе.

Демократия: Конституция страны предусматривает выборы, референдумы, свободу слова, публичные мероприятия и многие другие возможности для народа, что также является неотъемлемой чертой конституционного строя.

Социальная справедливость: Конституция Российской Федерации включает в себя положения о защите граждан путем грамотного распределения возможностей и привилегий в обществе; преодоление барьеров в реализации права на здравоохранение, образование и многое другое, что обеспечивает равенство в социуме.

Федерализм: наше государство является обширным, поэтому в нем закреплена федеральная власть и власть субъектов, что помогает разграничить полномочия и предметы ведения.

Есть и другие черты основ конституционного строя, но вышеперечисленные являются основными, используемыми конкретно в нашей стране. Черты основ конституционного строя могут варьироваться в зависимости от конкретной страны и ее конституции.

Природа основ конституционного строя заключается в том, что они являются фундаментом правового государства и базой для развития демократии; обеспечивают защиту, стабильность своему народу и населению.

Предсказуемость в политической «цепочке» конституционного строя является одним из основных критериев природы данного института. Она позволяет своему населению знать, какие у него есть права, свободы и обязанности. В нашей стране предсказуемость законодательства дает уверенность в завтрашнем дне, в неизменности базовых вещей, позволяет планировать свою жизнь, не опасаясь негативного влияния со стороны власти.

Благодаря данной основе развивается экономика и социальная сфера нашей страны в лучшую сторону, кризисы минуют, устанавливается мирное и гармоничное развитие нации [3, с. 79].

Стоит сказать о том, как зародилась природа основ конституционного строя. Зарождение конституционного строя в России началось с середины XIX века. Первоначальным конституционным планом в стране считается работа М. М. Сперанского «План государственного преобразования» [4]. В него вошли такие задачи, как развитие экономики, социальная политика, культурная политика, реформирование систем управления, международное сотрудничество и вовлечение граждан в политическое управление страной. На данный момент конституционный строй нашей страны реализует подобные задачи, характерные для современности.

Следующим шагом в разворачивании конституционных установлений стал манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», принятый в 1905 году [4]. Согласно его положениям народ получал политические и гражданские полномочия и права, а государство — новый общественно-политический орган, Государственную Думу. Манифест провозглашал «дарование свободы слова, собраний и союзов» [4], что позволяло гражданам выражать свое мнение и объединяться для защиты своих интересов. Этот манифест — усовершенствованная версия проекта М. М. Сперанского, где народ также привлекался в целях участия в политических делах своей страны. Данный документ положил начало формированию парламентаризма и стал основой для будущих реформ. Манифест оказал значительное влияние на конституционный строй России, ведь он ограничил самодержавие и установил конституционную монархию.

Также основы конституционного строя России во многом определили идеи декабристов. Основные положения их программных документов — «Русской правды» П. И. Пестеля (Южное общество) и «Конституции» Н. М. Муравьева (Северное общество) — легли в основу действующей Конституции Российской Федерации [5] (далее — РФ). Идеи декабристов во многом были схожи с ранее перечисленными, в их основу входили социальные гарантии, ограничение власти монарха и многие другие, но все же они повлияли на конституционный строй России преимущественно тем, что косвенно обеспечили формирование общественного сознания и политической мысли.

Подводя итог, можно сделать вывод, что с течением времени конституционный строй подлежал поправкам и видоизменениям, что сказывалось на полити-

ке страны. Нельзя сказать, что это негативно отражалось на различных аспектах функционирования нашего государства. Наоборот, благодаря влиянию на политику, мы имеем сейчас структурированный, стабильный конституционный строй Российской Федерации, позволяющий верить в светлое будущее нашего государства.

Конституционный строй на данный момент постоянно совершенствуется, для нашего населения прежде всего, поэтому ученые-конституционалисты до конца не могут найти точного определения данному понятию. Единственное, что можно с уверенностью сказать о данном институте, — это то, что он является основой государственного устройства и общественного порядка, который обеспечивает стабильность, защиту прав и свобод своему населению, развитие демократии и многие другие критерии, закрепляющие основные ценности и институты общества. Конституционный строй является важнейшим элементом правовой системы любого государства. Наше государство структурировало понятия общественный строй, государственный и конституционный, тем самым позволило нам полноценно осознать всю сущность конституционализма.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Медведева, А. П. Закрепление основ конституционного строя / А.П. Медведева // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал : материалы VII Международной научно-практической конференции (симпозиума) для молодых исследователей, Краснодар, 23 ноября 2022 года. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2023. С. 258–261.

3. Савин, С. В. Трансформация социальных основ конституционного строя Российской Федерации в современных условиях / С. В. Савин, В. С. Степанов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5–3 (92). С. 79–82.

4. <https://wika.tutoronline.ru/obshhestvoznanie/class/9/konstitucionnyj-stroj-rf> (дата обращения: 05.11.2024).

5. <https://nsportal.ru/vuz/istoricheskie-nauki/library/2017/12/18/filippova-anna-nauchno-issledovatel'skaya-rabota-istoki> (дата обращения: 05.11.2024).

УДК 347

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ФАКТОР АВТОРСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАНЫХ С ЕГО УЧАСТИЕМ

В. Н. Пахомов,

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Юридического института

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — К. И. Коробко,

д-р юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные направления развития частноправовых подходов к охране произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. Отмечаются недостатки и риски, присущие подходам, требующим признания правосубъектности искусственного интеллекта. Отмечается перспектива внедрения творческих произведений искусственного интеллекта в перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Защищается точка зрения о том, что автором произведения, сгенерированного искусственным интеллектом, должен быть собственник этой технологии. Рассматривается возможность перехода авторства на сгенерированные произведения в рамках заключения гражданско-правовых договоров о передаче в пользование технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, художественное произведение, интеллектуальная деятельность, научно-технологический прогресс, правовой режим

Технологии искусственного интеллекта справедливо рассматриваются в современной литературе как одна из наиболее примечательных черт текущего этапа развития научно-технологического прогресса. На эволюцию искусственного интеллекта возлагаются большие надежды, однако правовые рамки его использования все еще остаются недостаточно определенными в правовых системах современных государств. Одним из серьезных вызовов для авторского права на сегодняшний момент является возможность создания (генерации) художественных произведений как самим искусственным интеллектом, так и человеком при помощи искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект способен генерировать художественные произведения, включая живопись, музыку и литературу, поскольку эта технология ана-

лизирует огромные объемы данных, учится на примерах произведений известных художников и создает уникальные работы, которые можно рассматривать иногда как результат совместного творчества «человека и машины», иногда — только как результат работы искусственного интеллекта. Очевидная проблема авторства возникает в рамках квалификации искусственного интеллекта как автора и соавтора художественного произведения. Искусственный интеллект не становится инициатором творчества, однако он может вносить основной вклад в создание творческого результата.

В юридической практике авторские права традиционно признаются только за традиционными субъектами права, что создает трудности для квалификации субъекта прав на произведения, созданные искусственным интеллектом [5, с. 16]. Российское законодательство на сегодняшний момент не признает искусственный интеллект субъектом права. Искусственный интеллект способен генерировать оригинальные материалы, которые в ряде случаев могут конкурировать с традиционным человеческим творчеством, удовлетворять практически всем традиционным признакам художественного творчества. Однако, как указывают Ж. Т. Искакова и С. Ю. Кашкин, «только человек может являться автором и, соответственно, признаваться таковым законом» [4, с. 50].

Творческий результат деятельности искусственного интеллекта не признается результатом интеллектуальной деятельности или средством индивидуализации, которые предусмотрены ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ). Это закономерно ставит вопрос о необходимости пересмотра имеющегося законодательства для учета новых реалий, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта.

Частноправовая наука активно обсуждает сложные вопросы, связанные со статусом произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта. В рамках юридической литературы высказываются мнения о необходимости признания правосубъектности искусственного интеллекта, что предполагает возможность его признания в качестве автора и правообладателя соответствующего произведения. Такое решение, несомненно, изменит традиционное понимание авторства, где создателем художественного произведения является человек; также потребуется пересмотреть существующие правовые рамки, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование «человеческого» и «машинного» авторства в сфере художественного творчества. С одной стороны, искусственный интеллект способен создавать оригинальные произведения, что ставит перед пра-

вом задачу определить, кому именно принадлежат права на эти результаты творчества. С другой стороны, переход к признанию искусственного интеллекта полноценным субъектом авторских прав может спровоцировать крупномасштабные изменения в основах законодательства, к чему может быть не готово ни государство, ни юридическое сообщество.

В условиях консервативного подхода российского законодателя данная идея вызывает значительные сомнения, так как нерешенным останется вопрос о том, кто именно будет нести ответственность за произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Неясно, кто станет, как указывают Е. Н. Абрамова и Е. В. Старикова, обладателем прав автора на безграничное количество музыкальных произведений [2, с. 35], ведь искусственный интеллект способен генерировать произведения в неограниченном количестве.

Одним из возможных решений этой проблемы, помимо признания искусственного интеллекта субъектом права, является разработка правового режима охраны результатов интеллектуальной деятельности, аналогичного тому, который применяется к служебным произведениям. В данном случае искусственный интеллект может рассматриваться, по мнению Е. Афанасьевой, «как наемный работник, создающий служебное произведение» [3, с. 64].

Титульный собственник в этом случае занимает место своеобразного работодателя, в подчинении которого находится наемный работник, способный создавать художественные произведения. Место такого работника, в свою очередь, занимает технология искусственного интеллекта. Такая модель не лишена недостатков, однако она может быть конструктивным выходом из ситуации, не предполагая такие радикальные шаги, как признание правосубъектности искусственного интеллекта. В этом случае автором произведения может быть признан титульный собственник технологии.

Так или иначе, сегодня нет причин для радикального пересмотра базисных положений авторского права. Точечные изменения в гражданском законодательстве могут заложить основу для будущего пересмотра инструментов правовой охраны сгенерированных творческих произведений. Здесь необходимо учитывать, что создание любого такого произведения осуществляется по воле пользователя, ведь именно он задает параметры такого «творчества». Технология искусственного интеллекта лишь выполняет поставленную перед ним задачу, хотя и вносит явно выраженный элемент новизны и уникальность в создаваемый продукт.

Признание творческого результата, полученного с помощью искусственного интеллекта, результатом интеллектуальной деятельности становится конструктивным шагом на пути внесения ясности в правовой режим авторско-правовой охраны этих результатов. Появление творческих результатов, созданных искусственным интеллектом, в перечне охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (ст. 1225 ГК РФ) позволит обозначить, что автором таких результатов должен быть признан собственник искусственного интеллекта.

Собственник технологии искусственного интеллекта имеет законные права на распоряжение своей интеллектуальной собственностью, что включает, в частности, возможность предоставления лицензий на использование данной технологии третьим лицам. В современных условиях, когда искусственный интеллект активно применяется в различных сферах деятельности, от искусства до науки, необходимо понимать, что права на созданные произведения могут зависеть от условий договора между собственником и пользователем. На основании новых договорных конструкций в будущем можно будет передавать права на созданные искусственным интеллектом произведения.

Например, когда третьи лица используют искусственный интеллект с разрешения его собственника для создания новых произведений, то авторские права на эти произведения могут принадлежать этим лицам, если такие условия предварительно оговорены в соответствующем договоре. В противном случае созданные произведения продолжают оставаться собственностью разработчика искусственного интеллекта. Поиск подходящей договорной конструкции передачи прав на результаты деятельности искусственного интеллекта пока находится в зачаточном состоянии. В результате заключения таких договоров между собственником искусственного интеллекта и третьими лицами последние смогут правомерно распоряжаться сгенерированными произведениями. Таким образом, и собственник, и пользователи смогут максимально эффективно находить применение потенциала искусственного интеллекта, соблюдая при этом все необходимые юридические формальности.

Подводя итоги, следует отметить заметное отставание системы российского права от реалий научно-технологического прогресса (аналогичная картина, впрочем, наблюдается и во многих зарубежных юрисдикциях). Едва ли можно признать конструктивным направлением революционные сдвиги в развитии авторско-правовой охраны произведений, созданных искусственным интеллектом, когда речь заходит, например, о признании правосубъектности искусственного интел-

лекта. Необходимо предложить дальнейшее развитие доктрины авторского права, которое должно основываться на признании только человека создателем того или иного художественного произведения. Однако это не исключает необходимости расширения договорных конструкций, которые могут быть использованы при охране произведений, сгенерированных искусственным интеллектом.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 декабря.

2. Абрамова, Е. Н. Искусственный интеллект как субъект авторского права / Е. Н. Абрамова, Е. В. Старикова // Гипотеза. 2020. № 1 (10). С. 32–38.

3. Афанасьева, Е. Авторское право в эпоху искусственного интеллекта / Е. Афанасьева // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 6. С. 59–66.

4. Исакова, Ж. Т. Современное авторское право и проблемы развития искусственного интеллекта / Ж. Т. Исакова, С. Ю. Кашкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2 (66). С. 43–52.

5. Хасанов, Э. Р. Искусственный интеллект, а также результаты творческой деятельности искусственного интеллекта как объекты авторских прав / Э. Р. Хасанов // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 14–18.

УДК 343.01

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Е. М. Пашина,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные аспекты квалификации умышленных преступлений, совершенных с публичной демонстрацией. В частности, обращается внимание на затруднения в понимании «публичной демонстрации»; образуют ли ее исключительно трансляция в режиме «онлайн» или же и иные действия,

например, пересылка видеофайла в мессенджерах для дальнейшего просмотра получателем в режиме «офлайн»; как следует квалифицировать публичную демонстрацию не процесса совершения преступления, а его результата. Акцентируется внимание на сложности определения степени общественной опасности таких преступлений, влияющих на данный процесс критериев оценки.

Ключевые слова: публичная демонстрация преступления, информационно-телекоммуникационные сети, треш-стримы

Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ [1] статья 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дополнена такимотягчающим обстоятельством, как «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”» [2]. Кроме того, аналогичным квалифицирующим признаком дополнен ряд статей Особенной части УК РФ — ст. 105 «Убийство», ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 126 «Похищение человека» [2] и др.

Следует отметить, что такой квалифицирующий признак не стал принципиальной новеллой уголовного законодательства, так как еще в 2017 году на фоне вызвавших большой общественный резонанс многочисленных так называемых «треш-стримов» с издевательствами над животными статья 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» была дополнена квалифицированным составом с признаком «совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)» [3]. В 2024 году данный признак был системно включен в Особенную часть УК РФ, кроме того, им дополнен перечень обстоятельств, отягчающих наказание (соответственно, для тех деяний, в которых этот признак не предусмотрен в качестве квалифицирующего) [1].

В Пояснительной записке к законопроекту № 218 отмечалось, что треш-стримы, помимо прочего, опасны тем, что вводят данное преступное поведение в ранг допустимого и возможного для неограниченного круга лиц. Крайне часто потребителями такого контента выступают подростки, то есть лица с еще не до конца сформированной нравственно-психологической сферой и социально-правовой позицией, и треш-стримы выступают фактором, который может сформировать у несовершеннолетних понимание криминальных деяний как некой «нормы» [4]. Условно говоря, когда подросток смотрит трансляцию пре-

ступления на интернет-ресурсе с миллионами подписчиков, наблюдает положительную реакцию множества зрителей (выраженную в символах, словесных комментариях и др.), у него возникает ощущение допустимости и даже одобряемости демонстрируемых действий. В конечном итоге все это может привести к тому, что подросток начнет подражать «стримеру» и уже сам совершит аналогичное преступление.

Повышенная общественная опасность таких преступлений очевидна: современные информационно-телекоммуникационные сети позволяют практически бесконтрольно и крайне оперативно создавать, хранить информацию, распространять ее, в том числе делая ее доступной для неограниченного круга случайных пользователей. Так называемые «треш-стримы» давно превратились в средство получения дохода. При этом, как отмечают исследователи, «треш-блоггеры» сформировали в России относительно новое криминальное явление, в рамках которого преступление рассматривается не как самоцель, а как своего рода «сюжет» или «сценарий», посредством которого «блоггер» создает анти-социальный информационный продукт, привлекающий внимание пользователей сети Интернет. Безусловно, особняком в данном случае стоит вопрос, почему пользователей сети привлекают такие трансляции: очевидны глобальные проблемы общесоциального воспитания (если рассматривать «треш-стримы» как средство получения дохода, то, как и любой иной вид «бизнеса», такие стримы существуют лишь потому, что на их контент существует устойчивый спрос), и важнейшая задача уголовного права — предупреждать публичную демонстрацию преступлений посредством ужесточения ответственности за такие деяния, что одновременно будет действенным инструментом общесоциального воспитания [5, с. 151].

Следует отметить, что отдельной статистики по преступлениям, связанным с их публичной демонстрацией в сети «Интернет», до настоящего времени не велось в связи с отсутствием соответствующих уголовно-правовых норм. Но даже такой показатель, как динамика преступлений, предусмотренных п. «г» части 2 ст. 245 УК РФ (публично-демонстрируемое жестокое обращение с животными), показывает рост за период 2019–2023 гг. на 148,7 % — с 355 до 528 преступлений [6], явно свидетельствуя о том, что «треш-стримы» представляют собой крайне актуальную социально-правовую проблему.

Переходя к анализу признаков умышленных преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией, следует в первую очередь обратиться к базовым понятиям. Так, под «информационно-телекоммуникационными сетями» в ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] понимаются технологические системы, предназначенные для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Среди таких сетей выделяют глобальные (сеть Интернет) и локальные, например, внутренние компьютерные сети какой-либо организации. Под средством массовой информации Законом РФ «О СМИ» понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) [8].

Следует отметить затруднения в понимании категории «публичная демонстрация». Так, например, образует ли ее исключительно трансляция в режиме «онлайн» заранее определенному («подписчикам» интернет-ресурса) или неопределенному кругу лиц посредством размещения треш-контента на открытом информационном ресурсе, когда в зависимости от множества обстоятельств контент просматривается множеством лиц или, наоборот, не просматривается никем; входят ли в «публичную демонстрацию» иные действия, например, пересылка видеофайла в мессенджерах для дальнейшего просмотра конкретным получателем в режиме «офлайн». Очевидно, что в ст. 63 УК РФ либо в одной из статей Особенной части УК РФ, куда включен исследуемый квалифицирующий признак, требовалось (например, в примечании) раскрыть дефиницию «публичной демонстрации преступления», распространив действие данного примечания на весь Уголовный кодекс. При этом понятие «публичной демонстрации» отчасти раскрыто в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [9]. Оно является достаточно узким, поскольку использовано исключительно в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции, однако его можно использовать и для конструирования общего понятия «публичной демонстрации», под которой в таком случае следует понимать открытый показ процесса совершения преступления на любой его стадии или наступивших преступных последствий (тела жертвы и т. д.) либо предоставление неограниченному числу лиц возможности просмотра ма-

териалов, на которых запечатлен процесс совершения преступления или его результаты. Как «публичная демонстрация» подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, — стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах).

Говоря о степени общественной опасности публично-демонстрируемых преступлений, следует обращать внимание на такой признак, как количество постоянных зрителей («подписчиков») информационного ресурса. Иными словами, очевидно, что публичная демонстрация преступления на ресурсе с миллионами подписчиков причиняет социальным отношениям намного больший вред, чем если такая демонстрация осуществляется на ресурсе с небольшим количеством подписчиков. Вместе с тем, какая-либо дифференциация на уровне закона в зависимости от данных обстоятельств вряд ли целесообразна — реализовывать принцип справедливости наказания по объему преступных последствий необходимо на правоприменительном уровне. Представляется, что Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно разработать и принять соответствующее постановление, которое бы должным образом ориентировало суды при рассмотрении дел о публично-демонстрируемых преступлениях. В частности, в таком постановлении следовало бы указать, что при определении вида и размера наказания в пределах предусмотренной санкции судам в обязательном порядке необходимо учитывать постоянную аудиторию (количество подписчиков) ресурса, на котором велся «треш-стрим». Кроме того, в данном постановлении требуется регламентировать вопросы ответственности администраторов или владельцев подресурсов, на которых публично демонстрируется преступление, например, если гражданин создает в социальной сети группу (сообщество), пользователи которых размещают материалы с публично-демонстрируемым преступлением. В случае, если размещение таких материалов осуществлялось с согласия или ведома администратора (владельца), он должен нести ответственность как пособник.

В целом можно заключить, что Федеральный закон № 218-ФЗ поставил перед правоведами множество вопросов, требующих разрешения, в том числе в части определения перспектив расширения использования в Особенной части УК РФ

исследуемого квалифицирующего признака. Таковой включен только в десять составов преступлений против личности; для остальных деяний, которые могут быть также совершены с публичной демонстрацией, предусмотрена возможность учета данного обстоятельства как отягчающего ответственность, хотя очевидно, что, например, публичная демонстрация преступлений против общественной безопасности явно повышает их общественную опасность, и адекватной реакцией законодателя было бы изменение категории преступления на более тяжкую посредством введения соответствующего квалифицированного состава.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ // Российская газета. 2024. 15 августа.

3. О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ // Российская газета. 2017. 22 декабря.

4. Пояснительная записка к законопроекту № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 12.11.2024).

5. Рахманова, Е. Н. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ / Е. Н. Рахманова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 5. С. 147–152.

6. Официальный сайт МВД России. Сведения о состоянии преступности. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 10.11.2024).

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

8. О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

9. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

УДК 343.24

УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Ю. С. Переслыцких, Е. А. Монахова,
студентки 3-го курса юридического факультета (бакалавриат)
Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Научный руководитель — Н. Г. Кулакова,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры уголовного права

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

***Аннотация.** В данном исследовании осуществляется углубленный анализ понятия «несовершеннолетний» в рамках уголовного законодательства Российской Федерации. Обращается внимание на существующие виды наказаний для несовершеннолетних правонарушителей, включая штрафы, ограничение прав, а также обязательные работы и исправительные меры. В статье также освещаются проблемы и недостатки, связанные с применением данных мер. Проанализированы предложения по внесению изменений в законодательство с целью повышения эффективности уголовной юстиции в отношении несовершеннолетних правонарушителей.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, уголовное наказание, виды, назначение наказания, штраф, обязательные работы, исправительные работы, лишение права заниматься определенной деятельностью*

Чтобы разобраться в динамике правонарушений среди молодежи, необходимо вникнуть в мотивы, подталкивающие их к преступлениям. В этом контексте выделяются не только сложные материальные условия жизни (неполные семьи, плохая компания), но и психологические особенности подростков. Подростковый период — это поиск своего места в обществе, стремление к принятию и признанию. Однако некоторые, к сожалению, выбирают путь криминала, стремясь утвердиться в своих кругах, что представляет собой серьезную социальную проблему.

Согласно действующему законодательству, а именно статье 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), к несовершеннолетним пра-

вонарушителям относят лиц в возрасте от 14 до 18 лет, когда они совершают преступления. Особенно важно выделить, что согласно законодательной базе несовершеннолетние лица не подлежат уголовному наказанию до достижения 14-летнего возраста. Данная норма отражает стремление защитить несформированную личность от негативного влияния осуждения и учет ее правосознания, что является неотъемлемой составляющей правового обеспечения [1].

Обеспечение защиты прав несовершеннолетних, совершивших правонарушения, выступает в числе первоочередных задач правовой системы. Специалисты в области ювенальной юстиции, такие как С. А. Исаков и Д. М. Абдуразаков, подчеркивают необходимость применения к данной категории правонарушителей наказаний, исходя из принципов индивидуализации и социальной справедливости. В этих условиях важно учитывать не только тяжесть преступления, но и возраст и уровень психологического развития подростка. Защита прав несовершеннолетних правонарушителей подразумевает применение таких мер, которые не только пресекают правонарушения, но и способствуют их предупреждению [3, с. 51].

Согласно статье 88 Уголовного кодекса РФ [1] для несовершеннолетних предусмотрены особые виды уголовного наказания, которые отличаются от тех, что применяются к взрослым. К ним относятся: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, исправительные и обязательные работы. Важно отметить, что к подросткам не применяются наиболее строгие меры наказания, такие как пожизненное лишение свободы; исключительные меры, такие как лишение воинских званий, ограничения в служебной деятельности и другие. Судьи, рассматривая дела о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними, должны принимать решение о назначении наказания, исходя из индивидуальных особенностей несовершеннолетнего правонарушителя, с учетом его психологии, характеристик и обстоятельств совершенного правонарушения.

С каждым видом наказания связаны специфические правила и условия исполнения. Уникальность подхода к несовершеннолетним правонарушителям заключается не только в снижении сроков и масштабов уголовной ответственности, но и в достаточно детальном учете индивидуальных особенностей каждой личности.

Наказания в виде финансового взыскания касаются не только подростков с определенным источником дохода, но и тех, кто не имеет такового. Суд, в свою очередь, в соответствии со статьей 88 УК РФ имеет право налагать ответственность на родителей или законных представителей несовершеннолетнего с их согласия [1]. Но возникает вопрос: действительно ли такая мера эффективна? Если родители «покроют» финансовые обязательства, как это повлияет на способность подростка оценить случившееся? Вряд ли он сможет осознать значимость своих действий, а в случае нового правонарушения они вновь помогут финансово. Таким образом, метод, по сути, не достигает своей цели — превентивного воздействия и осознания ответственности за правонарушение. В конечном счете это может привести лишь к снижению своего статуса в глазах окружающих и к формальному осуждению родителями. «Наказание оказывается в значительной степени формальным, потеряв индивидуальность и легкость» [4, с. 12]. Исходя из вышеизложенного, настоятельно рекомендуется исключить из части 2 статьи 88 УК РФ [1] возможность применения штрафа.

Не менее важной мерой является лишение права заниматься определенной деятельностью. Эта мера направлена на ограничение доступа несовершеннолетнего к сферам, которые могут негативно повлиять на его развитие. Однако на практике такая мера крайне редка и малопривлекательна для судов. Например, за последние десять лет (с 2008 по 2018 гг.) данное наказание применялось дважды [5, с. 128]. Причиной этого является то, что молодые люди часто не осознают важность своих будущих профессиональных решений, и такая мера кажется им незначительной. Данное обстоятельство может привести к возникновению трудностей в будущем трудоустройстве. Поэтому ряд специалистов предлагает исключить эту меру из Уголовного кодекса для несовершеннолетних [6, с. 51]. Это решение имеет веские основания. Суды чаще склоняются к менее строгим мерам, следовательно, не понимают серьезности наказания. Поэтому оптимизация законодательства предполагает исключение данной меры из перечня.

Обсуждая типы наказаний для подростков, следует уделить внимание исправительным и обязательным работам. По канонам УК РФ (статьи 49 и 50) [1] несоблюдение условий этих мер может привести к более строгим санкциям — лишению свободы. Однако следует отметить, что лишение свободы несовершеннолетних — крайняя мера, имеющая свои недостатки и ограничения, о чем уже упоминалось [7, с. 13]. В связи с этим необходимо стремиться к альтернативам, которые могли бы заменить лишение свободы, например ограничение

свободы. Этот вид наказания предполагает соблюдение строгих правил. Например, несовершеннолетний будет обязан оставаться в пределах определенного района, а также будет ограничен в общении с некоторыми людьми. Это может способствовать более эффективной реабилитации и уменьшить вероятность рецидивов.

При определении санкций для несовершеннолетних крайне важно учитывать особенности их психоэмоционального развития. Целью наказания должно быть не унижение или запугивание, а помощь в осознании своих ошибок и их исправлении. Поэтому необходимо тщательно подбирать инструменты воздействия: они должны быть мягкими, но при этом настойчивыми. Поэтому не должно быть жестких рамок, например, временного ограничения свободы в изоляторе. Вместо этого можно использовать более гибкие меры — ограничение свободы передвижения или контактов.

Некоторые эксперты указывают, что жесткие меры, такие как лишение свободы, не всегда приводят к позитивным результатам в отношении подростков, поэтому альтернативные методы, возможно, будут более подходящими для этой возрастной группы [8, с. 3].

Основные рекомендации по улучшению системы наказания для несовершеннолетних заключаются в следующем: сократить сроки лишения свободы, расширить перечень доступных альтернативных видов наказаний и повысить уровень контроля за их соблюдением.

В данной связи резюмируем основные предложения:

1. Законодательно установить запрет на применение взыскания с родителей или законных представителей несовершеннолетнего за невыплату штрафных санкций.

2. Исключить из статьи 88 УК РФ возможность лишения прав на осуществление определенной профессиональной деятельности.

3. Внести изменения в часть 3 и часть 4 статьи 88 УК РФ, дополнив их опцией замены обязательных и исправительных работ на ограничение свободы, если подросток неоднократно уклоняется от исполнения наказания.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановле-

ние Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 // Российская газета. 2011. 11 февраля.

3. Исаков, С. А. Виды наказаний для несовершеннолетних преступников и особенности их назначения / С. А. Исаков, Д. М. Абдуразакова // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 50–55.

4. Глушков, А. И. Проблемы назначения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних / А. И. Глушков // Наука и школа. 2017. № 2. С. 9–14.

5. Федотова, Е. Н. Совокупность наказаний, установленных статьей 88 Уголовного кодекса Российской Федерации, как система наказаний / Е. Н. Федотова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 122–130.

6. Соловей, А. С. К вопросу совершенствования уголовного наказания, применяемого к несовершеннолетним / А. С. Соловей // NovaUm.Ru. 2023. № 42. С. 50–52.

7. Федотова, Е. Н. Уголовные наказания, не связанные с лишением свободы, применяемые в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Федотова. Рязань, 2018. 26 с.

8. Черненко, И. В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Черненко. Томск, 2006. 24 с.

УДК 347.725

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ (АКЦИИ) В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА

Е. В. Пилюгина,

студентка 2-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — Н. Н. Курова,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются нормативная основа и судебная практика о наследовании доли (акции) в акционерном обществе. Анализируются понятия доли (акции) и корпоративных наследуемых прав. В ходе анализа действующего законодательства и судебной практики выявлены пробелы в регулировании процессов наследственного правопреемства доли (акции) наследниками. Предложены варианты законодательного усовершенствования института наследования корпоративных прав.

Ключевые слова: наследование, акция, доля, наследники, устав, акционерное общество, правовое регулирование

Изучение явлений, связанных с отчуждением долей, акций в хозяйственных обществах, приобретает все большую популярность среди ученых-цивилистов. Это связано, во-первых, с тем, что такие организационно-правовые формы ведения приносящей доход деятельности, как общество с ограниченной ответственностью и акционерные общества (далее по тексту — Общество), являются одними из самых популярных на отечественном рынке. Неслучайно исследователи называют эти организационно-правовые формы «монопольными» [1, с. 63]. Поэтому явления, связанные с долями, находятся под пристальным вниманием ученых, практикующих юристов и экономистов. Влияние сделок, совершенных с долями или акциями, на экономический рынок велико, следовательно, все участники гражданских правоотношений в той или иной мере зависят от процессов, происходящих на рынке. Во-вторых, пристальное внимание к происходящим в хозяйственных обществах процессам, в частности к отчуждению долей, связано с тем, что наличествует противоречивая судебная практика, показывающая, насколько разные решения принимают суды, опираясь на одни и те же нормативные правовые акты.

В частности, такой процесс, как отчуждение долей в ходе наследования, вызывает повышенный интерес и озабоченность юристов, сталкивающихся с ним на практике и задающих вопросы, на которые невозможно найти ответы в действующем законодательстве [2]. Ведь данная процедура затрагивает не только интересы наследников, «которые могут по-разному относиться к идее продолжения дела наследодателя, но и его бизнес-партнеров, кредиторов, а также работников соответствующих организаций, нормальное функционирование которых может быть существенно затруднено» [3, с. 52].

И здесь одним из существенных вопросов наследственных правоотношений во всех хозяйственных обществах выступает следующий: является ли наследование доли (акции как доли) наследованием корпоративных прав наследника? Проблема возможности перехода личных имущественных прав и обязанностей, от которых напрямую зависит эффективное функционирование юридического лица, от наследодателя к наследнику обсуждается давно в научной среде. От объема компетенций, полученных наследником, от четкой законодательной регуляции наследования имущественных и личных неиму-

ществующих прав и обязанностей зависит успешность и эффективность гражданского оборота в государстве в целом, ведь рыночная экономика — это постоянный «делкооборот», в том числе те или иные действия участников корпоративных организаций, как, например, согласование крупной сделки или избрание исполнительного органа общества.

Так, при наследовании акций существует проблема в моменте, когда наследник становится таковым. Согласно п. 4 ст. 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации [4].

Однако в п. 1 ст. 29 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» четко прописано, что сами права на эмиссионную ценную бумагу (в данном случае на акцию) переходят к приобретателю:

- 1) в случае учета прав на ценные бумаги в реестре — с даты внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя;
- 2) в случае учета прав на ценные бумаги в депозитарии — с даты внесения приходной записи по счету депо приобретателя [5].

Здесь законодатель подчеркивает особую правовую природу акций, устанавливая в разных федеральных законах порядок перехода права на данную ценную бумагу.

Анализируя судебную практику, можно прийти к выводу, что суды не всегда принимают во внимание положение о внесении записи в реестр акций как обязательный атрибут перехода права на них. Рассмотрим это на примере постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.06.2020 по делу № А53-35233/2019, в котором суд указывает, что наследник является таковым в силу прямого указания закона, а также участником акционерного общества (п. 3 ст. 1176 ГК РФ) вне зависимости от внесения соответствующей записи в реестр акционеров данного Общества. А, значит, наследник обладает всеми корпоративными правами [6].

Тем не менее в аналогичной ситуации другой суд специально подчеркнул, что сам по себе статус наследника не дает корпоративных прав без соответствующей записи в реестре. Суд исходил из того, что «истцы не вправе осу-

ществлять конкретные имущественные и неимущественные права, удостоверенные акциями Общества, в том числе участвовать в общих собраниях акционеров, получать документы и информацию о деятельности Общества и т. д., если запись о них как об акционерах Общества отсутствует в реестре владельцев ценных бумаг Общества» [7]. Апелляционная инстанция по данному делу указала, что «суд первой инстанции правомерно пришел к выводу, что истцы могут обладать правом на акции Общества, которые входят в состав наследственного имущества, однако не обладают корпоративными правами, удостоверенными такими акциями, до того времени, как будет внесена приходная запись по счету депо или лицевому счету в системе ведения реестра акций Общества» [7]. В таких ситуациях как раз и возникает противоречие между наследованием самого права участника Общества и наследованием акции как имущества.

Интересной видится проблема о возможном наследовании доли дробной акции, где также встает вопрос о природе акции как праве (корпоративном) и как доли (имущественном).

Так, в Решении от 18.09.2019 по делу № А62-2759/2019 суд, рассуждая о делении акции, приходит к следующим выводам: акция как ценная бумага предполагает, что ее существование определяется исходя из записей по лицевому счету (исходя из специфики бездокументарной акции невозможно владеть ею как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания). Именно акция в целом (а не доля в праве на нее) предоставляет совокупность прав акционеру. Соответственно, при долевой собственности на акции осуществление вытекающих из них прав возможно только по согласию всех собственников, в связи с чем предполагается открытие лицевого счета владельца ценных бумаг для учета права общей долевой собственности на ценные бумаги (так как акция не подлежит дроблению, за исключением строго определенных законом случаев, например в силу п. 3 ст. 25 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Кроме того, приобретение при наследовании по закону $\frac{1}{4}$ доли в праве на акции не означает поступление в собственность наследника конкретного количества акций (или дробной акции) [8].

Само понятие «наследование доли» для Обществ имеет двойственную природу. Употребление двойного понятия доли (акции) в судебной практике и доктрине указывает на нечеткое его понимание — какой именно объем прав наследуется в данном случае.

Таким образом, в действующем законодательстве Российской Федерации необходимо урегулировать процесс наследования долей в Обществах, устраняя существующие пробелы, чтобы всем участникам экономического оборота было доступно понимание правовой природы наследования и возможность участвовать в данных правоотношениях.

Видится, следует провести разграничение между наследуемыми вещными и корпоративными правами. Необходимо четко разделить два понятия — получения статуса участника Общества и приобретения прав на участие в Обществе. Это нужно сделать для того, чтобы придать правовым отношениям, касающимся наследования акций, исключительный и важный «оттенок» для участников и для третьих лиц.

Итак, из главы 65 ГК РФ «Наследование отдельных видов имущества» следует выделить отдельную главу 66 «Наследование отдельных видов прав», куда переместить положения закона, касающиеся наследования прав, связанных с участием в корпоративных организациях, а именно статью 1176, посвященную наследованию прав в хозяйственных обществах и товариществах, производственных кооперативах, и статью 1177 о наследовании прав в потребительском кооперативе. Настоящие названия данных статей сами за себя говорят о предмете правоотношений — о праве, а не об имуществе.

Кроме того, в п. 3 ст. 1176 ГК РФ необходимо включить понятия, подчеркивающие, что получение статуса участника акционерного Общества и получение права на участие в Обществе не являются одномоментным и тождественным действием. В частности, рассматриваемый пункт следует дополнить предложением следующего содержания: «Переход права на участие в акционерном обществе происходит при регистрации акций». И вот именно с момента такой регистрации акций наследник начинает обладать всей полнотой корпоративных прав. Исходя из такой логики, чтобы субъективное право при принятии наследства было полным, нужно, чтобы наследник получал право на управление Обществом.

В завершение следует подчеркнуть единую правовую природу понятий «доля» и «акция» в отношении наследования в Обществе. Для того, чтобы устранить путаницу в юридической терминологии, предлагается последнее предложение п. 3 ст. 1176 ГК РФ дополнить термином «доли в акционерном обществе», изложив его в следующей редакции: «Наследники, к которым перешли эти акции (доли в акционерном обществе), становятся участниками акционерного общества».

1. Кузнецов, А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы / А. А. Кузнецов // Вестник гражданского права. 2023. № 3, 4. С 62–98.

2. Сивков, В. В. У нас не сформирована культура передачи ценностей / В. В. Сивков. URL: <https://www.newsko.ru> (дата обращения: 26.07.2024).

3. Батрова, Т. А. Проблемы сохранения бизнеса при наследовании / Т. А. Батрова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 6. С. 51–55.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

5. О рынке ценных бумаг : федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.06.2020 по делу № А53-35233/2019. URL: <https://www.my.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2024).

7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.07.2023 по делу № А41-55638/2022. URL: <https://www.my.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2024).

8. Решение Арбитражного суда Смоленской области от 18.09.2019 по делу № А62-2759/2019. URL: <https://www.my.arbitr.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

УДК 342.726

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ИЗ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. А. Поваров,

студент 1-го курса Института магистратуры и заочного обучения
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Научный руководитель — Е. В. Комбарова,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры конституционного права

имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. В статье проводится анализ отдельных аспектов государственной политики Российской Федерации в отношении защиты прав и законных интересов соотечественников за рубежом (в пределах стран-членов СНГ). Отмечаются имеющие место пробелы и коллизии в законодательстве, акцентируется внимание на страте-

гическом характере нормативной правовой основы внешней политики государства в области защиты соотечественников. Делается вывод о необходимости дальнейшего теоретического и правоприменительного совершенствования механизмов защиты прав россиян, проживающих как в ближнем, так и в дальнем зарубежье.

Ключевые слова: соотечественники, защита прав и законных интересов, государственная политика, концепция, правовые механизмы

Необходимость пристального внимания и серьезного отношения к судьбам россиян, проживающих за пределами Российской Федерации (далее — РФ), обусловлена как объективными факторами сегодняшнего дня, так и долгосрочными стратегическими национальными внешнеполитическими интересами России. Как отмечает В. П. Михайлов, несмотря на тот факт, что большинство стран ближнего зарубежья являются участницами мировых конвенций по защите прав человека, предполагающих международное сотрудничество в данной сфере, дискриминация наших соотечественников по социально-экономической, культурно-языковой и политической линии продолжается. Препятствия возникают при ведении бизнеса, судебных разбирательствах, при устройстве на работу и даже в реализации права говорить на родном языке [1, с. 10–12].

На сегодняшний день в России действует Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы, согласно положениям которого основными задачами партнерского взаимодействия с соотечественниками является их консолидация, сохранение общероссийской культурной идентичности, обеспечение правовой защиты и поддержка социально незащищенных категорий соотечественников [2]. Однако, несмотря на внушительный перечень мероприятий и действие аналогичных Комплексных планов в последние годы, ситуация по-прежнему остается обостренной: рост националистических настроений, шовинизма и неприязни остается существенной проблемой для россиян из ближнего зарубежья, что подтверждают последние сведения информационных агентств [3]. В этой связи тема исследования представляется достаточно актуальной.

Правовые основы взаимодействия Российской Федерации с соотечественниками определены в ряде «отправных» нормативных правовых актов, среди которых: Конституция Российской Федерации [4], Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» [5], Федеральный закон «О государственной поли-

тике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [6], Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [7] и др.; а также рядом международных договоров и Указов Президента РФ. В условиях действия существенного количества нормативных правовых актов четкость и определенность в направлении внешней политики РФ по защите соотечественников за рубежом по-прежнему оставляет желать лучшего. Например, законодательство содержит несколько определений понятия «соотечественники», к которым относит несколько категорий лиц. В одном ряду упоминаются граждане, пользующиеся защитой своего государства в соответствии с международным правом, а также лица, не входящие в правовое поле России. Данное обстоятельство вызвало определенные дискуссии и серьезное неприятие ряда положений среди профессионального сообщества еще в момент принятия закона. Первопричины широкого толкования термина «соотечественники» основываются на многонациональном и многоконфессиональном характере российского государства. Тем не менее имеет место двойственная позиция: получение поддержки со стороны объединений по защите прав русских в ближнем зарубежье и избежание лишнего вмешательства со стороны международного сообщества, в том числе в аспекте ответственности [8, с. 7–8].

В свете последних существенных демографических проблем, вся серьезность которых стала просматриваться еще с начала 2000-х годов, был принят ряд государственных мер по обеспечению добровольного переселения соотечественников на территорию Российской Федерации, о чем гласили указы Президента РФ от 22.06.2006 [9] и от 14.09.2012 [10]. Обозначенные в указах программные установления исходят не только из принципов добровольности участия в программе переселения, но также основываются на финансовой обеспеченности мероприятий из государственного бюджета, адресности государственных гарантий и мер социальной поддержки максимально широкому кругу субъектов, которые могут принять участие в такой программе.

Итоги первого этапа реализации программы показали определенные результаты. Так, с 2007 по 2012 год в Россию прибыло более 135 тысяч переселенцев, большинство из которых — из стран СНГ [11, с. 233]. В данной области реализации государственной политики по поддержке соотечественников, таким образом, наблюдается определенный успех, что отвечает национальным интересам России и, в условиях упрощенного порядка получения гражданства, создает

благоприятные условия для переселения соотечественников на Родину [12, с. 912–914]. Однако, как отмечает Э. Ф. Айдынбеков, на последующих этапах реализации программы возник ряд существенных проблем в ходе обеспечения прав и свобод соотечественников. По предварительным прогнозам число участников должно было составить более полутора миллионов человек, в то время как к 2017 году в ней приняли участие только 911 тысяч человек. Тяжело разрешались проблемы с жильем — лишь 10 % участников программы получили собственные квартиры, в то время как остальные либо проживали в центрах временного размещения, либо в съемном жилье [13, с. 73]. Возникали существенные проблемы с легализацией граждан, обусловленные отсутствием у них родственников или собственного жилья в пределах Российской Федерации, в результате чего имели место схемы коррупционного характера и новоприбывшие граждане получали фиктивные документы на проживание [14, с. 51].

Государственная политика в сфере поддержки соотечественников в этой связи должна быть сосредоточена не только на совершенствовании нормативной основы, но и на четком регулировании конкретных способов и действий по оказанию этой поддержки, особенно когда речь идет не об удаленной поддержке постоянно проживающих за рубежом соотечественников, будь то финансирование или организация культурно-досуговых мероприятий, а о последовательном правовом и фактическом сопровождении лиц при возвращении их на территорию Российской Федерации. То же самое можно сказать относительно некоммерческих и неправительственных организаций на территории иностранных государств. Как пишет В. П. Михайлов, ситуация является крайне серьезной во всех постсоветских государствах: в Узбекистане законом запрещено создавать независимые организации, отчего русская диаспора вынуждена существовать в рамках Русского культурного центра без возможности получения финансирования из России; в Туркмении на весь Ашхабад всего лишь одна русская школа, отсутствует продажа российских газет и журналов; аналогично — в Прибалтийском и ряде других регионов [1, с. 16]. Обсуждаемая проблема в этой связи носит комплексный, цивилизационный характер.

Таким образом, проблема защиты прав и законных интересов соотечественников за рубежом остается крайне актуальной. В целях совершенствования правовых механизмов поддержки россиян, проживающих за границей, представляется актуальным и своевременным не только дальнейшая научная и законода-

тельная проработка проекта закона «О репатриации», но и разработка проекта межгосударственного соглашения в виде Конвенции между странами-членами СНГ, продолжение совершенствования и пересмотра положений действующего закона «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом», а также увеличение степени государственного участия в создании фондов поддержки соотечественников. Необходимо в данном отношении понимать, что внешняя политика государства является комплексным отражением внутренней политики. Социальный характер государства подтверждается не только в отношении граждан, находящихся на территории РФ непосредственно, но и тех, кто находится за пределами границ России. Для этого имеет смысл использовать и внедрять различные правовые механизмы взаимодействия, ибо для россиян за рубежом единственным гарантом их интересов остается Российское государство. Цивилизационное пространство России после распада СССР остается крупнейшим во всей Евразии, и для создания комфортных условий проживания соотечественников имеет смысл не только переселять их на территорию РФ, но и создавать достойную среду, оказывать всемерную экономическую и культурную поддержку, дабы создавать благоприятный образ России среди других государств и народов, повышать ее авторитет и культурное влияние.

1. Михайлов, В. П. Российские соотечественники и миграционная политика России : статьи. Выступления. Доклады. Аналитика. Проект закона «О репатриации в Российскую Федерацию» / В. П. Михайлов. М.: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции), 2018. 378 с.

2. Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2024–2026 годы (утв. Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом 17.01.2024). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408426045/?ysclid=m2x4kcen1m139494547> (дата обращения: 31.10.2024).

3. Там хорошо, где нас есть. Социологи выяснили, где на постсоветском пространстве Россию любят, а где не очень. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5735797?ysclid=m2x73oimv8509713105> (дата обращения: 31.10.2024).

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 2020. 04 июля.

5. О гражданстве Российской Федерации : федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

6. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

8. Балашова, Т. Н. Проблемы реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом / Т. Н. Балашова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 1. С. 5–10.

9. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 // Собр. законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.

10. О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : указ Президента Российской Федерации от 14.09.2012 № 1289 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 38. Ст. 5074.

11. Чистик, Г. И. Сравнительно-правовой анализ государственной программы по поддержке соотечественников из-за рубежа в России и Казахстане / Г. И. Чистик // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке : материалы конференции. Ростов н/Д, 2016. С. 228–235.

12. Герасимова, В. А. Российский соотечественники за рубежом / В. А. Герасимова // Постсоветские исследования. 2019. № 1. С. 904–922.

13. Айдынбеков, Э. Ф. Современные проблемы и особенности переселенческой политики Российской Федерации / Э. Ф. Айдынбеков // Статистика и экономика. 2017. № 1. С. 69–75.

14. Демьянчук, В. А. Актуальные проблемы получения гражданства Российской Федерации по государственной программе добровольного переселения соотечественников / В. А. Демьянчук, В. В. Яценко // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : сборник научных статей. М., 2016. С. 51–55.

УДК 347.157.1

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЛКОЙ БЫТОВОЙ СДЕЛКИ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ

Д. В. Рашев,

студент 2-го курса юридического института (бакалавриат)

Вятский государственный университет, г. Киров

Научный руководитель — Я. О. Кукреш,

старший преподаватель

кафедры гражданского права и процесса

Вятский государственный университет, г. Киров

Аннотация. В российском праве часто возникают вопросы относительно определения мелкой бытовой сделки. Простому обывателю, не владеющему специальными юридическими знаниями, сложно понять, что подпадает под понятие мелкой бытовой сделки. Вместе с тем и в судебной практике возникают трудности при разрешении дел, касающихся данного понятия. Автором выявлена проблема отсутствия формулировки «мелкой бытовой сделки» в ст. 28 ГК РФ, что, в свою очередь, порождает трудности для понимания, а также для единообразия судебной практики; предложен способ ее решения.

Ключевые слова: мелкая бытовая сделка, малолетний, денежные средства, изменения законодательства, Гражданский кодекс РФ, правоприменение

Гражданско-правовой институт сделок играет важную роль в формировании, изменении и прекращении гражданских правоотношений. Процесс совершенствования законодательных актов в данной области продолжается постоянно. В то же время одной из приоритетных задач Российской Федерации является создание условий для успешного «роста» молодежи. В связи с этим регулирование гражданского законодательства, которое включает нормы, относящиеся к правам малолетних на участие в сделках, становится особенно актуальным.

Согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) сделки представляют собой действия физических и юридических лиц, цель которых — установить, изменить или прекратить гражданские права и обязанности. В ГК РФ также имеются нормы, касающиеся участия малолетних (лиц) в сделках. Например, статья 28 ГК РФ выделяет три типа сделок, которые могут реализовывать малолетние в возрасте от 6 до 14 лет: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, связанные с безвозмездным получением выгоды, которые не

требуют нотариального заверения или государственной регистрации; 3) сделки, связанные с распоряжением средствами, предоставленными законным представителем для определенной цели [1]. Однако в Гражданском кодексе не уточняется, что подразумевается под «мелкой бытовой сделкой», и это создает проблемы для судов в аспекте интерпретации данной нормы.

Автор провел анализ судебной практики в различных регионах, выявив интересные решения районных судов. В одном из случаев, когда малолетний приобрел мобильный телефон марки «Lenovo» в магазине, суд вынес решение о недействительности этой сделки. Основанием для такого решения стало то, что сделка не отвечает следующим критериям: 1) цена должна быть незначительной для ребенка; 2) сделка должна быть направлена на удовлетворение его личных и бытовых потребностей, таких как игрушки, книги, канцтовары и т. д. В другом случае, когда малолетний купил телефон «Samsung» на деньги, украденные у его отца, суд пришел к выводу, что сделка действительна, поскольку истец не доказал, что сумма, уплаченная за телефон, была для него значимой [4]. Автор делает вывод, что при вынесении решений суды не опираются на нормы, закрепленные в Гражданском кодексе, а используют категории, которые могут иметь разные значения. Это подчеркивает необходимость четкого определения понятия мелкой бытовой сделки.

Изначально автор считал, что адекватным решением проблемы будет указание фиксированной денежной суммы в критериях определения мелкой бытовой сделки. Однако, проведя анализ судебной практики и научной литературы, приходит к выводу, что такой подход неприемлем. Прежде всего, установление конкретной суммы не позволит учитывать уровень инфляции, который изменяется со временем, особенно в условиях текущего экономического кризиса в России. Кроме того, фиксирование точной суммы мелкой бытовой сделки не учитывает различия в доходах и значимость этой суммы для разных семей. К примеру, если законопроектом будет установлена сумма мелкой бытовой сделки в 1 000 рублей, то для семьи с доходом 15 000 рублей эта сумма может быть значительной, тогда как для семьи с доходом в 300 000 рублей сумма в 1 000 рублей вряд ли окажется весомой для бюджета. Следовательно, законодательное установление фиксированной суммы для мелкой бытовой сделки невозможно по вышеизложенным причинам.

Автор предлагает обратить внимание на критерии, которые учитываются правоприменителями в судебной практике [5]. Первый критерий — сущностный, подразумевающий, что сделка должна соответствовать личным нуждам несовершеннолетнего и его возрасту, а также уровню социальной, физической и духовной зрелости. По мнению автора, этот критерий является наиболее полным, так как в указанный период развития наблюдаются быстрые изменения в потребностях и потребительских интересах. Он поможет оценить значимость сделки, которую заключает малолетний, учитывая степень его зрелости. Вторым критерием состоит в том, что стоимость сделки должна быть незначительной как для ребенка, так и для финансового состояния семьи. Он необходим для предотвращения сделок, которые могут привести к финансовым трудностям для семьи. Суд может запрашивать данные в налоговых органах и у работодателей о доходах семьи за последний год для определения их финансового положения.

Таким образом, при классификации сделки как мелкой бытовой стоит опираться на два критерия: сущностный и стоимостный. С целью повышения эффективности регулирования гражданских правоотношений с участием лиц в возрасте от 6 до 14 лет и обеспечения единства толкования норм автор предлагает внести изменения в пункт 2 статьи 28 Гражданского кодекса РФ и изложить норму в следующей редакции:

«2. Малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать:

1) мелкие бытовые сделки, то есть сделки, направленные на удовлетворение личных потребностей, соответствующих возрасту, уровню социальной и духовной зрелости малолетнего, а также являющихся незначительными по сумме как для малолетнего, так и для финансового положения семьи;

2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;

3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законными представителями или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения».

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Букшина, С. В. Мелкая бытовая сделка: понятие и осуществление несовершеннолетним / С. В. Букшина // Известия АлтГУ. 2014. № 2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/melkaya-bytovaya-sdelka-ponyatie-i-osuschestvlenie-nesovershennoletnim>. (дата обращения: 31.10.2024).

3. Аблятипова, Н. А. Правовое регулирование совершения сделок малолетними в системе гражданских правоотношений / Н. А. Аблятипова, Т. А. Стрельчук // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-soversheniya-sdelok-maloletnimi-v-sisteme-grazhdanskih-pravootnosheni>. (дата обращения: 02.11.2024).

4. Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 15.02.2016 № 2-954/2016 2-954/2016~М-187/2016 М-187/2016 по делу № 2-954/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8lUEk8Mk1sUX/> (дата обращения: 30.10.2024).

5. Решение Савёловского районного суда г. Москвы от 04.05.2018 № 2-3406/2018 2-3406/2018~М-25441/2018 М-25441/2018 по делу № 2-3406/2018. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/civil/details/8943b10b-183a-4760-bd8e-598f843c05df?caseNumber=2-3406/18> (дата обращения: 03.11.2024).

УДК 343.25

ВОПРОС ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. А. Савченко,

студентка 3-го курса юридического факультета (специалитет)

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Научный руководитель — Е. А. Романенко,

канд. юрид. наук, доцент,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Российский государственный университет правосудия,

Центральный филиал, г. Воронеж

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема применения смертной казни в Российской Федерации. Автор анализирует современные тенденции и общественное мнение по этому вопросу, юридические, этические и социальные

аспекты, связанные с данным видом наказания. Поднимаются вопросы, касающиеся неуместности применения смертной казни в России.

Ключевые слова: смертная казнь, наказание, преступление, пожизненное заключение

Вопрос о применении смертной казни является спорным, дискуссионным в российской науке уголовного права. Несмотря на то, что фактически с 1996 года смертная казнь не применяется ввиду моратория, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) все же предусматривает смертную казнь как один из видов наказания [1].

Существует много позиций, касающихся восстановления института смертной казни как высшей меры наказания. К сторонникам применения данного вида наказания в России, например, относится А. С. Сидоркин, который пишет: «Право на жизнь является основополагающим правом, без которого невозможно осуществление других прав; ответной и справедливой реакцией на посягательство на это право является смертная казнь» [2, с. 32].

Однако, несмотря на доводы «за» смертную казнь, такие как снижение затрат на содержание тюрем за счет налогов, исключение рецидива преступления, сдерживание роста преступности, нами поддерживается противоположная позиция.

В качестве аргумента стоит упомянуть относительно недавний террористический акт, произошедший в Красногорском «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, который был организован одним из отделений международной террористической организации «Исламское государство» (запрещена в России) — «Вилаят Хорасан». На сегодняшний момент все четверо непосредственных исполнителей теракта содержатся под стражей [3]. В связи с данным событием вновь возник вопрос о целесообразности введения смертной казни, в том числе непосредственно к вышеуказанным преступникам. На наш взгляд, лишение жизни путем смертной казни в этом случае не позволит достигнуть главной цели уголовного наказания — восстановления социальной справедливости [1]. Это объясняется тем, что в сравнении с нынешней высшей мерой наказания — пожизненным заключением — и условиями, в которых они будут содержаться, смертная казнь путем расстрела выглядит более мягким видом наказания: двухместные или одиночные камеры 4–6 кв. м., отсутствие какой-

либо коммуникации, строгий контроль, отсутствие возможности сесть или лечь в камере до отбоя, сомнительные санитарные условия, скудное питание и т. д. Зачастую у таких заключенных обостряются хронические заболевания, ухудшается способность ориентации в пространстве, происходит депривация зрения и слуха, нередко проявляются психические отклонения. По данным ФСИН, в местах лишения свободы умирает около 2,5 тысячи человек в год, причем 80 % летальных исходов вызваны болезнями [4]. Большинство из осужденных к пожизненному заключению не проживают и половины отведенного срока ввиду условий их содержания. Можно сказать, что смертная казнь более гуманна, чем пожизненное заключение, так как пожизненное заключение без права амнистии по сути тоже является «смертным приговором», но только «растянутым во времени» [5, с. 102].

Кроме того, стоит отталкиваться от того, что применение смертной казни, как можно ошибочно предположить, не является фактором, способным сдерживать преступность. Наоборот, под угрозой наказания преступник будет совершать больше преступлений, например, путем убийства потенциальных свидетелей, потерпевших. Можно также полагать, что для террористов страх перед смертной казнью будет необоснованным, потому что их деятельность сама по себе предполагает риск смерти.

Также в аргументах «против» можно выделить риск следственной и судебной ошибок. Один из ярких примеров — приговор к высшей мере наказания Александра Кравченко, обвиненного в убийствах, совершенных Андреем Чикатило [6]. Не исключены и в настоящее время ситуации, когда к невиновному в совершении преступления применяются различные меры наказания, что свидетельствует о несовершенстве уголовно-правовой системы. В подтверждение этой позиции стоит упомянуть относительно недавно получившее огласку дело Сергея Михайлова, приговоренного к расстрелу за жестокое убийство несовершеннолетней, которое он не совершал. Он оговорил себя под давлением, которое на него оказывали милиционеры. Сергей провел несколько лет в камере «смертников», но уже в 1996 году настоящий убийца был задержан. Выйти на свободу невиновному удалось только в 2001 году [7]. Примечательно, что никто так и не понес ответственность за ошибочный приговор к смертной казни. Таким образом, в настоящее время возможность применения смертной казни

ставится под большое сомнение, потому что действующая судебная система не достигла такого совершенства, которое бы позволяло правомерно применять данный вид наказания.

Стоит упомянуть и тот факт, который сторонники смертной казни считают несправедливым и неоправданным: содержание преступников и исправительных учреждений в целом финансируется за счет налогообложения граждан. Экс-замглавы ФСИН Валерий Максименко прокомментировал вопрос о тратах так: «Приблизительные непосредственные расходы федерального бюджета на содержание одного осужденного в месяц составляют в среднем 4800 рублей или 57,6 тысячи рублей в год» [8]. Расходы идут не только на питание и одежду, но и на медицинское обслуживание, коммунальные услуги, содержание кадрового состава. Если посчитать сумму, затрачиваемую на содержание одного пожизненно осужденного (всего примерно 2 000 человек) в месяц гражданами, работающими официально и являющимися налогоплательщиками (по итогам 2023 года их число составило 71,9 млн человек), то выходит менее одной копейки, что существенно ниже, чем, например, в европейских странах. Также отметим, что оправдание убийства людей соображениями экономии не соответствует принципу гуманизма [9, с. 42].

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что наказание в виде смертной казни не дает возможности осуществить еще одну цель уголовного наказания — исправления осужденного [1]. Конечно, в современных реалиях исправительная система имеет больше карательный характер, чем воспитательный, однако каждый осужденный имеет право на осмысление содеянного и раскаяние.

Подводя итог, стоит сказать, что на данном этапе развития общества применение смертной казни как вида уголовного наказания труднореализуемо, более того — оно недопустимо. Намного важнее направить ресурсы на искоренение причин возникновения преступности — социального неравенства, бедности, отсутствия образования, места жительства, криминогенной обстановки вокруг человека, особенно если речь идет о несовершеннолетнем, и т. д. С точки зрения уголовного закона существует более гуманная по отношению к человеческой жизни и более справедливая с точки зрения общественного мнения альтернатива — пожизненное лишение свободы.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ //Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Сидоркин, А. С. Проблема отмены смертной казни сквозь призму общих принципов права / А. С. Сидоркин // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2010. № 4. С. 27–34.

3. Суд продлил арест четверым обвиняемым в совершении теракта в «Крокусе» // РЕН ТВ: официальный сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1281973-sud-prodlil-arest-chetverym-obviniaemym-v-sovershenii-terakta-v-krokuse> (дата обращения: 13.11.2024).

4. «Нужно менять систему»: что кроется за смертностью в тюрьмах // РИА Новости: официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20220822/tyurmy-1810773120.html> (дата обращения: 10.11.2024).

5. Волошин, И. А. Смертная казнь: «за» или «против» / И. А. Волошин, А. В. Чайка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 99–104.

6. «Ваш сын реабилитирован, но уже расстрелян»: как из-за маньяка Чикатило казнили невинного // Ростов. Комсомольская Правда: официальный сайт. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/27265/4399883/> (дата обращения: 13.11.2024).

7. «Меня чудом не успели казнить»: история Сергея Михайлова, приговоренного в 1990-х к расстрелу по ложному обвинению // RT: официальный сайт. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/913933-mihailov-smertnyi-prigovor-oshibka> (дата обращения: 13.11.2024).

8. Замглавы ФСИН назвал годовую стоимость содержания одного заключенного // ТВ Центр: официальный сайт. URL: <https://www.tvc.ru/news/144907>(дата обращения: 10.11.2024).

9. Зуйкова, А. С. Смертная казнь в России: «за» и «против» / А. С. Зуйкова // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2024. Т. 10. № 1 (25). С. 30–43.

УДК 342.951:351.82

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ХРАНЕНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Д. Г. Скопкина,

студентка 2-го курса юридического факультета (магистратура)
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель — И. М. Акулин,

д-р мед. наук, профессор,
зав. кафедрой организации здравоохранения и медицинского права
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Предметом рассмотрения в настоящей работе выступают особенности, характерные для судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности за нарушение правил хранения лекарственных средств. Предложена систематизация указанных дел по категориям в зависимости от административного правонарушения, за совершение которого лицо привлекается к ответственности. Выявлены основные проблемы, существующие в отечественной судебной практике по данной категории дел. В качестве вывода автором признана необходимость внесения определенности в судебную практику в части разграничения составов административных правонарушений, связанных с нарушением правил хранения лекарственных средств.

Ключевые слова: хранение лекарственных средств, административное правонарушение, административная ответственность

Федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее — Федеральный закон № 61-ФЗ) установлен приоритет государственного регулирования безопасности, качества и эффективности лекарственных средств (далее — ЛС) при их обращении [1]. Одним из средств обеспечения такой безопасности является установление юридической, в том числе административной ответственности за нарушение законодательно закрепленных требований к обращению ЛС. Довольно обширной является практика привлечения к административной ответственности за нарушение правил хранения ЛС.

В целом дела о привлечении к административной ответственности за нарушение правил хранения ЛС возможно разделить на две категории: к первой ка-

тегории относятся дела, возбуждаемые непосредственно по факту совершения административного правонарушения, ко второй — дела об оспаривании решения территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (далее — ТО Росздравнадзора) о привлечении к административной ответственности. При этом в рамках рассмотрения дел первой категории субъекты обычно привлекаются к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) — осуществление предпринимательской деятельности с грубым нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), за исключением случаев, предусмотренных ч. 1.1 ст. 14.4.2 КоАП РФ [2]. В рамках рассмотрения дел второй категории заявители, как правило, обжалуют привлечение к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ (нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов или подлежащих применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательных требований к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации либо выпуск в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям, за исключением случаев, предусмотренных ст.ст. 6.31, 9.4, 10.3, 10.6, 10.8, ч. 2 ст. 11.21, ст.ст. 14.37, 14.43.1, 14.44, 14.46, 14.46.1, 20.4 КоАП РФ) [2].

Субъектами административных правонарушений становятся как аптечные, так и медицинские организации (например, решение Арбитражного суда (далее — АС) г. Москвы от 28.02.2020 по делу №А40-291781/19-92-2299 [3], решение АС г. Москвы от 20.01.2020 по делу №А40-289696/19-72-2042 [4]). К самым распространенным нарушениям правил хранения ЛС относятся нарушения при хранении термолабильных ЛС, непомещение ЛС с истекшим сроком годности в карантинную зону, нарушение правил хранения ЛС, требующих защиты от действия света (п.п. 32, 12, 24 Правил хранения лекарственных средств, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального разви-

тия от 23.08.2010 № 706н «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств», соответственно [5]).

Интересно, что некоторые лица, привлекаемые к административной ответственности, при небольшом отклонении температуры хранения ЛС от установленных правил указывали на незначительность нарушения, утверждая, что ими были предприняты все надлежащие меры для соблюдения требований действующего законодательства. Обоснованным в данном контексте является решение АС Архангельской области от 12.03.2022 по делу № А05-1083/2022 [6]. Суд, отклоняя подобный аргумент, указал на то, что поскольку деятельность лицензиата связана с отпусканием лекарственных препаратов населению, то при ее осуществлении субъект данной деятельности обязан неукоснительно соблюдать установленные законодательством требования и условия. Не стал учитывать суд и довод о том, что благодаря специальной программе, которая позволяет отслеживать ЛС с истекающим сроком годности, отпуск ЛС, которое в нарушение правил хранилось вместе с другими ЛС и не было помещено в карантинную зону, был исключен. Позиция суда в данном случае подтверждает, что для признания нарушения правил хранения ЛС административным правонарушением вне зависимости от того, по какой статье КоАП оно квалифицируется, необязательно наступление каких-либо негативных последствий: противоправным считается сам факт нарушения установленных правил и требований к хранению ЛС.

Как уже было указано ранее, при нарушении правил хранения лекарственных средств лицо привлекается к административной ответственности либо по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ, либо по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ [2]. В данной вариативности заключается главная и наиболее ярко выраженная проблема, существующая на данный момент в судебной практике по таким делам. В качестве иллюстрации можно привести два судебных решения: решение АС Московской области от 17.07.2020 по делу № А41-30226/2020 [7] и решение АС г. Москвы от 28.02.2020 по делу № А40-291781/19-92-2299 [8]. Нарушения, допущенные лицами, которые были привлечены к административной ответственности (ООО «Д.-Ф.» и ООО «Б.» — фармацевтическая и медицинская организации, соответственно), были практически идентичными и в большей части заключались в нарушении температурного режима хранения ЛС с той лишь разницей, что в помещениях ООО «Б.», кроме того, не осуществлялся ежедневный учет параметров воздуха и не велся соответствующий журнал учета. Однако суд признал ООО «Д.-Ф.» винов-

ным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ, а ООО «Б.» было привлечено к административной ответственности ТО Росздравнадзора по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ (квалификацию впоследствии суд не изменял). Стоит отметить, что отсутствие единообразия и последовательности при квалификации нарушений, допускаемых при хранении ЛС, в данный момент существует в практике не только судов первой инстанции, но и Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ): так, ВС РФ оставлял без изменения как решения о привлечении к административной ответственности за аналогичные нарушения по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ (определение ВС РФ от 28.09.2016 № 306-АД16-11931) [9], так и решения по делам об оспаривании привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ (определение ВС РФ от 03.02.2016 № 305-АД15-18634) [10].

Отсутствие единообразного подхода в судебной практике к квалификации нарушений в рассматриваемой сфере увеличивает риск возникновения возможности слишком широкого усмотрения судов, что видится недопустимым, учитывая, в том числе, тот факт, что санкции указанных статей для юридических лиц разнятся: санкция по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ предполагает наложение штрафа в размере от ста до трехсот тысяч рублей, в то время как санкция по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ предполагает возможность не только наложения штрафа (в размере от ста до двухсот тысяч рублей), но и административного приостановления деятельности на срок до девяноста суток [2].

Подводя итог проведенному анализу, необходимо признать нарушения при хранении ЛС одной из самых распространенных категорий правонарушений в сфере обращения ЛС. Проанализированные дела обнаруживают однотипность допущенных нарушений. Главной проблемой и отличительной особенностью судебной практики по данной категории дел является неопределенность квалификации подобных нарушений, приводящая к тому, что идентичные нарушения могут быть квалифицированы судами по разным статьям КоАП РФ, что, в свою очередь, влечет за собой различную степень ответственности. Данная неопределенность осложняется тем, что сохраняется в решениях судов всех уровней — от судов первой инстанции до ВС РФ. Поэтому оптимальным решением данной проблемы представляется обозначение ВС РФ определенной позиции по данному вопросу в одном из постановлений Пленума или обзоре судебной практики с четким разграничением составов административных правонаруше-

ний, предусмотренных ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, применительно к нарушениям при хранении ЛС.

1. Об обращении лекарственных средств : федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.02.2020 по делу № А40-291781/19-92-2299 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.01.2020 по делу № А40-289696/19-72-2042 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Правил хранения лекарственных средств : приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23.08.2010 № 706н // Российская газета. 2010. 13 октября.

6. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 12.03.2022 по делу № А05-1083/2022 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Решение Арбитражного суда Московской области от 17.07.2020 по делу № А41-30226/2020 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.02.2020 по делу № А40-291781/19-92-2299 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2016 № 306-АД16-11931 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2016 № 305-АД15-18634 [Электронный ресурс] (Документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.59; 343.592

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Е. А. Соколова,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются общественные отношения в сфере общественной нравственности, выступающие в роли объекта уголовно-правовой охраны. Исследуются нормы уголовного права, регламентирующие преступления против общественной нравственности, а также научные труды, в которых рассматривается данная категория преступлений. Предлагается внесение дополнений в уголовное законодательство, а именно дополнение перечня объектов уголовно-правовой охраны общественной нравственностью, создание схожей главы в Уголовном кодексе Российской Федерации «Преступления против нравственности».

Ключевые слова: нравственность, общественная нравственность, уголовно-правовая охрана

Нравственность затрагивает каждого человека, влияет на его сознание, поведение, действия. В нашей жизни нравственность играет социальную роль и затрагивает все сферы жизнедеятельности. В части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) отмечено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Конституция РФ ставит нравственность в один ряд с такими фундаментальными конституционными ценностями, как основы конституционного строя, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства [2, с. 9]. Конституция приравнивает нравственные ценности к фундаментальным конституционным принципам, подчеркивая их существенное влияние на законодательный про-

цесс, в том числе в области уголовного права, где данные принципы находят более конкретное нормативное выражение.

В главе 25 Уголовного кодекса России (далее — УК РФ) рассматриваются деяния, посягающие на благосостояние населения и духовные основы общества. Здесь особый акцент сделан на защите социальных связей, которые сохраняют здоровье граждан и поддерживают общественные моральные нормы. Такие преступления представляют угрозу не только физическому, но и нравственному здоровью населения (общества) [3]. Тем не менее в статье 2 УК РФ, где описываются объекты уголовно-правовой охраны, понятие «общественная нравственность» не упоминается напрямую. В связи с этим возникает необходимость анализа с целью понять, может ли общественная нравственность быть рассмотрена как ценность, которой предоставляется защита в рамках уголовного законодательства, и имеет ли она статус «потенциальной жертвы» уголовно противоправных деяний.

Стоит отметить, что понятие общественной нравственности является основополагающим для ряда положений Уголовного кодекса РФ, хотя конкретное определение часто остается недостаточно ясным в юридической литературе. Для более глубокого понимания термина «нравственность» полезно обратиться к авторитетным источникам, таким как толковый словарь Ожегова, где нравственность описывается как совокупность внутренних духовных качеств и этических норм, которые определяют личные правила поведения. Дополнения к этому понятию вносят авторы в сфере этики и философии. К примеру, С. С. Киселев трактует нравственность как систему ценностей, опирающуюся на идеалы свободы, доброты и справедливости. А. М. Герасимов видит в ней учение о благе, укорененном в равноправии и свободе, тогда как Л. Е. Владимиров уделяет внимание пониманию и признанию значимости добра и справедливости [4, с. 97].

Синтезируя различные мнения, можно прийти к следующему обобщению: нравственность — это комплекс внутренних убеждений и качеств личности, основанных на универсальных принципах морали, таких как добро, честность, справедливость и уважение к свободе. Эти аспекты выступают основой для формирования общепризнанных стандартов поведения, которые в совокупности составляют социально-этический фундамент общества.

Важно сказать, что содержание понятия «общественная нравственность» в контексте современного уголовно-правового дискурса порождает дискуссии среди специалистов, поскольку прямого ее определения в действующем законодательстве РФ не существует. Однако в научных работах данная категория часто предстает объектом уголовной охраны и рассматривается через призму охраняемых общественных отношений, норм и принципов.

Исследователи уголовного права, такие как А. В. Мельниченко, подходят к определению этого понятия как к совокупности отношений, сформировавших в социуме определенные представления о чести, справедливости, долге, а также критерии различения добра и зла. Е. В. Миллеров углубляет понимание, предписывая общественной нравственности защиту не только общепринятых норм поведения, но и универсальных ценностей, таких как достоинство и справедливость [5].

Учитывая анализ вышеприведенных мнений, можно предложить определить «общественную нравственность» как комплекс устоявшихся в обществе моральных принципов, которые направлены на регулирование поведения человека и поддержание гармоничного сосуществования в рамках социального порядка.

Отталкиваясь от выраженных мнений, можно утверждать, что нравственность по своей сути принадлежит обществу и естественно включает в себя публичный аспект, что обуславливает недопустимость упоминания качества «общественная» в категориальных описаниях. Эта точка зрения также разделяется исследователями Е. В. Миллеровым и Е. В. Безручко, которые подчеркивают органичность нравственной регуляции в общественной жизни [6, с. 127].

Пренебрежение законом, искажение моральных ценностей, поведение, включающее насилие, жестокость — все это несет в себе моральную аномалию в обществе. Уголовное право отражает те этические ориентиры, которые приняты в обществе. Преступление тем самым вызывает не только юридические последствия, но и моральное осуждение со стороны общественности. В этой связи нормы в уголовном праве должны соответствовать моральным принципам, закреплять и защищать их. К тому же акты, противоречащие общественной нравственности, подрывают обыденный порядок жизни, «напрягая» душевное благополучие членов общества. Эффект от таких посягательств может быть широк и может коснуться не только локальных сообществ, но и распространяться на большие территории, вплоть до целого микрорайона или

региона, как это может происходить в случаях разрушения памятников культурного наследия.

Подчеркнем, что защита главных социальных ценностей, включая права индивида, собственность, общественный порядок, природную среду и стабильность конституционного строительства Российской Федерации, выступает в качестве основной задачи перед уголовным правом. Эти важнейшие аспекты представлены в моральных требованиях общества и часто тесно переплетаются с концепциями общественной нравственности, что порой делает затруднительным разграничение между общественной нравственностью как объекта преступления и нравственностью в целом.

Представить подобную сложность можно на примере такого преступления, как убийство матерью своего новорожденного ребенка [3], которое уничтожает основное право младенца на жизнь. В контексте нравственности жизнь является высшей ценностью. Она важна как с биологической, так и с социальной точки зрения, иначе говоря, является актом биосоциального существования, начинающегося с момента рождения и продолжающегося во взаимодействии с окружающим миром.

Уголовный кодекс Российской Федерации подчеркивает эту социальную важность, предоставляя жизни особую защиту и определяя юридическую ответственность за ее прерывание [3]. Это подтверждает идею о том, что жизнь в своем изначальном и нравственном аспектах заслуживает преимущественного значения и, следовательно, подлежит защите уголовным законодательством, являясь его краеугольным камнем.

Следовательно, в контексте совершенствования уголовного законодательства России возникает предложение о включении общественной нравственности в список защищаемых уголовным правом объектов, что потребует дополнения статьи 2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На практике преступления, воздействующие на здоровье населения и общественную нравственность, уже распределены на две маркированные категории в соответствии с их непосредственным объектом. В это разделение входят преступления против здоровья людей (статьи 228–239 УК РФ) и непосредственно преступления против общественной нравственности (статьи 240–245 УК РФ) [3].

Также ряд ученых предлагает дальнейшее подразделение преступлений, угрожающих общественной нравственности, на подгруппы. В частности, клас-

сификация Р. Р. Галиакбарова предлагает разделение на три основные группы: преступления против основных принципов половой морали; преступления, оскверняющие исторические и культурные памятники; преступления, нарушающие нравственные нормы в сферах социальной памяти и гуманного отношения к животным [7].

Можно с уверенностью сказать, что дополнение УК РФ нормой, закрепляющей общественную нравственность как объект уголовно-правовой охраны, законодательно подкрепит значимость этого аспекта в структуре правовой системы России и позволит более четко артикулировать и обосновывать меры защиты нравственных основ общества от преступных посягательств.

В рамках уточнения сфер общественной нравственности, подлежащих уголовно-правовой защите, некоторые ученые представили более детализированную классификацию преступлений против общественной нравственности. Согласно изысканиям таких экспертов, как Н. А. Андреева, А. В. Каташов, А. Н. Манджиева, М. А. Полоусова, эти преступления можно разделить на четыре группы [7]:

1. Преступления, затрагивающие здоровье населения и нравственные основы в области сексуальных отношений: вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ); организация проституции (ст. 241 УК РФ); получение сексуальных услуг от несовершеннолетних (ст. 240.1 УК РФ); распространение порнографических материалов (ст. 242 УК РФ); изготовление и оборот материалов с изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ); использование несовершеннолетних для порнографии (ст. 242.2 УК РФ).

2. Преступления против общественной нравственности, затрагивающие сохранение культурных ценностей и исторической памяти: уничтожение и повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ); прочие преступления в этой же сфере (ст. 243.1, ст. 243.2, ст. 243.3 УК РФ).

3. Преступления, нарушающие честь покойных и мир мест захоронений: надругательство над телами умерших или местами захоронения (ст. 244 УК РФ).

4. Преступления, нарушающие нормы гуманного обращения с животными: жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).

Эта детальная классификация представляет более ясную картину разнообразия преступлений, затрагивающих общественную нравственность, и подчерки-

вает необходимость их точного и четкого определения в законе для обеспечения эффективной уголовной охраны данных социальных ценностей.

Уточним, что в российском уголовном законодательстве деяния против здоровья населения и против общественной нравственности объединены, что может быть воспринято как не совсем корректное решение, поскольку каждое из этих преступлений нацелено на защиту своих уникальных социальных благ и имеет отличные друг от друга непосредственные объекты. Это различие четко прописано в законодательстве некоторых зарубежных стран, где общественная нравственность имеет свою отдельную главу, что позволяет более детально регулировать и защищать данные общественные отношения.

Рассмотрим, к примеру, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК РБ), структура которого имеет разделение на разделы и главы, аналогичное Российскому Уголовному кодексу. Преступления против общественного порядка и нравственности в УК РБ вынесены в отдельный раздел XI. Это позволяет отдельно адресовать и квалифицировать такие деяния, как хулиганство, жестокое обращение с животными, ложные сообщения об опасности, вандализм, пропаганда экстремизма, нарушение общественного порядка, суицидальная пропаганда, повреждение культурных ценностей, надругательство над могилами и прочие, что представлено соответствующими статьями от 339 до 348 УК РБ [8]. Несомненно, такое деление позволяет более четко определять и применять правовые меры к различным видам преступлений, воспринимая каждое из них как уникальное нарушение социально значимых отношений. Возможно, рассмотрение и адаптация подобного подхода к уголовному законодательству Российской Федерации помогли бы повысить точность и эффективность уголовно-правовой защиты.

Предложение акцентировать внимание на уточненном разграничении преступлений против общественной нравственности, выделив их в отдельный раздел Уголовного кодекса Российской Федерации, находит свое логическое обоснование в стремлении к большей юридической определенности и четкости. Такой подход позволил бы более ясно обозначить объекты преступлений, соответствующие общественному порядку и общественной безопасности.

Исходя из этого, предложение по обращению законодателя к данной практике и созданию в УК РФ схожего раздела — «Преступления против нравственности» — видится обоснованным и может поспособствовать повышению

эффективности уголовно-правовой борьбы с соответствующими нарушениями. В данный раздел должны быть включены те преступления, которые описываются как нарушения в сфере сексуальных отношений, вандализм, надругательство над историко-культурным наследием народа и негуманное отношение к животным. Такой раздел упорядочил бы нормы и внес ясность в понимание отношений, которые находятся под защитой уголовного законодательства.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Магадов, Ш. Р. Нравственность как конституционная ценность в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ш. Р. Магадов. М., 2012. 26 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954

4. Янина, И. Ю. Общественная нравственность в системе объектов уголовно-правовой охраны: понятие и классификация / И. Ю. Янина // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 96–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-nravstvennost-v-sisteme-obektov-ugolovno-pravovoy-ohrany-ponyatie-i-klassifikatsiya/> (дата обращения: 02.11.2024).

5. Шевченко, А. С. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны / А. С. Шевченко // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 4. С. 84–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-nravstvennost-kak-obekt-ugolovno-pravovoy-ohrany-1/> (дата обращения: 02.11.2024).

6. Миллеров, Е. В. Аксиологические аспекты правовой охраны нравственности развития несовершеннолетних в России / Е. В. Миллеров, Е. В. Безручко // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 123–129.

7. Андреева, Н. А. Понятие общественной нравственности и ее характеристика как объекта преступления / Н. А. Андреева, А. В. Каташов, А. Н. Манджиева, М. А. Полоусова // Аграрное и земельное право. 2020. № 4 (184). С. 128–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obschestvennoy-nravstvennosti-i-ee-harakteristika-kak-obekta-prestupleniya/> (дата обращения: 03.11.2024).

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. Ст. 2/50. URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=hk9900275> (дата обращения 07.11.2024).

УДК 347.23

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Н. Сукач,

студентка 4-го курса юридического института (бакавриат)

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

Научный руководитель — А. А. Белецкая,

старший преподаватель кафедры

трудового и предпринимательского права

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

Аннотация. Представленное исследование направлено на определение места права собственности в предпринимательской деятельности Российской Федерации. Анализируются действующие законодательные акты, составляющие нормативную основу права собственности субъектов предпринимательства. Рассматриваются позиции правоведов, связанные с проблемными вопросами в части обособления имущества индивидуальных предпринимателей. Сформулированы предложения по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: гражданское право, предпринимательское право, предпринимательская деятельность, право собственности, обособление имущества

После реформ, проведенных в конце прошлого столетия, в России была провозглашена рыночная модель экономики, которая пришла на смену командной экономике. Ключевую роль в новой экономической модели занимает сфера предпринимательской деятельности граждан и организаций, осуществление которой в условиях отсутствия частной собственности не представляется возможным.

В качестве нормативной основы права собственности выступает широкий круг законодательных актов, среди которых можно выделить Конституцию Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации. Так, статья 35 Конституции Российской Федерации прямо закрепляет, что каждый гражданин наделяется правом частной собственности, которое подлежит правовой охране со стороны закона и, как следствие, самого государства. Статья 34 указанного акта также включает в себя указание, в соответствии с которым до-

пускается возможность на основании соответствующего права использования имущества, находящегося в собственности гражданина, для осуществления предпринимательской деятельности в тех формах и теми способами, которые регламентированы актами действующего законодательства [1]. Гражданский кодекс Российской Федерации в статье 23 определяет, что правом собственности обладают не только физические, но и юридические лица. В части 3 указанной нормы также провозглашается, что коммерческие организации, то есть юридические лица, зарегистрированные с целью осуществления предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации и за ее пределами, признаются собственниками приобретенного ими имущества [2]. Исходя из приведенных конституционных положений и норм федерального законодательства, можно сделать вывод, что предпринимательство неразрывно связано с правом собственности, так как осуществление данного вида деятельности по умолчанию предполагает, что ее субъект должен обладать возможностью распоряжаться имуществом для того, чтобы получать выгоду.

Э. М. Мирбекова в своем исследовании приходит к аналогичному выводу и указывает, что право собственности в деятельности субъектов предпринимательства характеризуется следующими особенностями:

– физическое или юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, во всех без исключения случаях должно обладать определенным количеством имущества;

– имущество, которым распоряжается субъект предпринимательства, должно находиться в его частной собственности, а равно в иных формах собственности, предусмотренных актами действующего законодательства;

– субъект предпринимательства несет ответственность за результаты своей деятельности, в том числе собственным имуществом;

– каждый субъект предпринимательства, вне зависимости от организационно-правовой формы, наделяется правом на обращение в органы государства с целью защиты своего имущества от противоправных посягательств;

– субъект предпринимательства может обладать правом собственности и распоряжаться на его основании в рамках своей деятельности имуществом только при условии, если он обладает имущественной самостоятельностью [3, с. 153].

Из совокупности представленных выше тезисов наибольший интерес представляет указание на имущественную самостоятельность субъектов предпринимательства, так как она признается одним из основных признаков предпринимательской деятельности в Российской Федерации. С. А. Дерешев указывает, что под имущественной самостоятельностью субъектов предпринимательства следует понимать наличие определенной экономической базы, которая может в действительности, то есть как формально, так и фактически, быть использована для осуществления деятельности, направленной на систематическое получение выгоды. Такая экономическая база может предполагать наличие у предпринимателя имущества различных видов, включая денежные средства, недвижимость [4, с. 47].

Несмотря на то, что право собственности положено в основу предпринимательской деятельности, его нормативное правовое регулирование вызывает споры среди российских исследователей. В качестве одного из наиболее дискуссионных вопросов выступает определение необходимости обособления имущества индивидуальных предпринимателей.

Так, О. И. Холина высказывается, что отсутствие обособления имущества индивидуальных предпринимателей является проблемным в силу следующих причин:

- 1) деятельность индивидуальных предпринимателей вступает в противоречие с принципами предпринимательства;
- 2) нарушается баланс частных и публичных интересов;
- 3) создаются риски для устойчивости деятельности индивидуальных предпринимателей, которая составляет основу российской экономики [5, с. 217].

Противоположного мнения придерживается Э. С. Насретдинова. Автор указывает, что именно индивидуальный характер деятельности рассматриваемых субъектов предопределяет невозможность обособления его имущества, так как в ином случае могут возникнуть трудности и проблемы, связанные с наследованием, разделом совместно нажитого имущества, а также иными вопросами [6, с. 136].

По нашему мнению, решение обозначенной проблемы может заключаться в обособлении имущества индивидуальных предпринимателей. Выделение отдельной категории имущества, которым индивидуальный предприниматель владеет на праве собственности и распоряжается с целью систематического из-

влечения выгоды, может поспособствовать устранению некоторых спорных аспектов, которые в большей части связаны со сферой налогообложения. В то же время полное обособление имущества индивидуального предпринимателя, то есть исключение его, к примеру, из семейных правоотношений, не представляется возможным, так как в таком случае будут нарушены интересы супругов и иных близких родственников.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод, что право собственности неотъемлемо связано с предпринимательской деятельности, так как ее осуществление согласно действующему законодательству Российской Федерации невозможно в условиях отсутствия имущественной самостоятельности у соответствующего субъекта. Спорные вопросы, связанные с обособлением имущества индивидуальных предпринимателей, могут быть решены только посредством нахождения компромиссного решения, ориентированного на соблюдение баланса частных и публичных интересов. На наш взгляд, выделение отдельной категории имущества индивидуальных предпринимателей необходимо, так как подобные действия могут позволить предупредить спорные ситуации, связанные с налогообложением и иными правоотношениями.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Мирбекова, Э. М. Право собственности субъекта предпринимательской деятельности / Э. М. Мирбекова // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. 2018. № 1. С. 152–157.

4. Дерешев, С. А. Право собственности и иные вещные права как способы формирования имущественной основы предпринимательской деятельности / С. А. Дерешев // КиберЮрист. 2020. № 6. С. 39–47.

5. Холина, О. И. К вопросу об имущественном положении индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательского права / О. И. Холина // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 5. С. 217–224.

6. Насретдинова, Э. С. Особенности правового режима имущества индивидуального предпринимателя / Э. С. Насретдинова // Социальные науки. 2020. № 1. С. 136–142.

УДК 336.221

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. И. Суслов, А. С. Петрова,

студенты 5-го курса юридического факультета (специалитет)

Российский государственный университет правосудия,

Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель — Е. П. Антипова,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Российский государственный университет правосудия,

Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В работе изучается специфика фискального регулирования лиц, осуществляющих деятельность в качестве самозанятых. Анализируется динамика самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим. Выявляются особенности и определяются причины внедрения нового института «налог на профессиональный доход».*

***Ключевые слова:** налог на профессиональный доход, налоговые правоотношения, налогообложение, самозанятость*

Налогообложение самозанятых граждан является нововведенной и достаточно «молодой» мерой, так как в 2019 году впервые появляется налог на профессиональный доход. В эксперименте по его введению участвовали четыре субъекта в Российских регионах. Сегодня налог на профессиональный доход функционирует на всей территории Российской Федерации [1]. Действовать данный режим будет, как экспериментальная система, в течение десяти лет. Его полное введение на территории Российской Федерации обуславливается тем, что многие физические и юридические лица проявляют интерес к этому налоговому режиму. Министерство экономического развития Российской Федерации проанализировало динамику по самозанятым гражданам с 2020 года по 2023 год. Так, в Российской Федерации количество самозанятых достигло девяти миллионов человек, и в сравнении с предыдущим годом наблюдается его увеличение на 37 % [2].

Внедрение льготного налогообложения самозанятых граждан связано: во-первых, с необходимостью выхода из теневой экономики; во-вторых, со смяг-

чением или послаблением налоговой нагрузки на население; в-третьих, с оптимизацией доходной составляющей бюджета.

Проанализировав статистический материал национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [3], авторы получили результаты, отраженные ниже на диаграмме (рис.). Статистика была разделена по общему числу регистраций самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход», и был взят период в промежутке с 30.09.2020 по 30.09.2024.

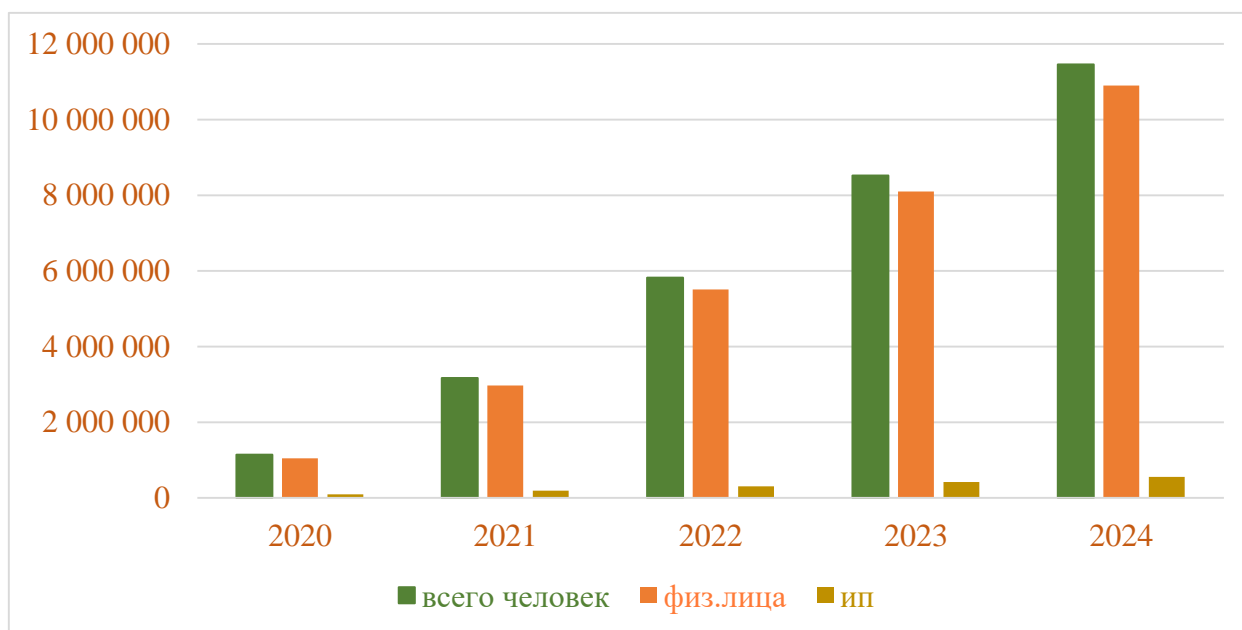

Рис. Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих «налог на профессиональный налог»

На основе проанализированного статистического материала приходим к следующим выводам.

1. Индивидуальные предприниматели в меньшей степени заинтересованы в применении специального налогового режима. В процентном соотношении число предпринимателей, воспользовавшихся возможностью перейти на данный налог, увеличилось на 585 % за весь рассматриваемый период. Таким образом, был сформулирован вывод, что, несмотря на увеличение общего числа случаев применения налога на профессиональный доход индивидуальными предпринимателями, оно остается значительно меньшим в сравнении с физическими лицами.

2. Статистические показатели между физическими лицами увеличиваются с каждым годом. Так, 30 сентября 2020 года количество таких физических лиц составляло 1 047 802, а 30 сентября 2024 года их количество составило уже 10 901 004 [3]. Таким образом, количество увеличилось на 1 000 %, что подтверждает тенденцию и заинтересованность физических лиц в применении обсуждаемого налогового режима.

3. Число зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «налог на профессиональную деятельность» в Российской Федерации существенно увеличилось по показателям на 1 100 % [3]. Такая тенденция означает проявление особой заинтересованности к льготному налогу, а также повышение среди самозанятых граждан интереса к занятию предпринимательской деятельностью.

Обратим внимание, что термин «самозанятость» как вид деятельности не имеет юридического закрепления на уровне федерального законодательства. Федеральная налоговая служба России в своем приказе толкует термин «самозанятые граждане» так: физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый порядок [4]. В то время как А. Е. Гаврик и В. А. Очаковский рассматривают данную терминологию в расширенном значении: «физическое лицо, которое самостоятельно осуществляет на свой страх и риск основанную на личном трудовом участии деятельность по оказанию услуг и выполнению работ, направленную на систематическое получение дохода» [5, с. 26]. В связи с этим мы считаем необходимым закрепить дефиницию «самозанятый гражданин» на федеральном уровне.

Отсутствие урегулированного на законодательном уровне определения понятия «самозанятость» выступает проблемным вопросом, что может привести к его разному толкованию судами и другими правоприменителями. Недавние законодательные акты свидетельствуют о тенденции к сужению трактовки термина «самозанятость». В узком значении к самозанятым относят лиц, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя (например репетиторов). В письме Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [6] разъясняется, что самозанятый гражданин является субъектом, осуществляющим приносящую доход деятельность и не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя. Данное разъяснение фактически определяет понятия «предпринимательство» и «самозанятость» как синонимичные в связи

с тем, что оба термина означают деятельность, направленную на получение прибыли, но имеют различия по признаку формальной легализации. Таким образом, указанные расхождения подтверждают факт того, что регламентация деятельности самозанятых требует закрепления на законодательном уровне.

Отметим, что налог на профессиональный доход является льготным. Его преимущество заключается в возможности четко организовать свою деятельность, а также сэкономить время и денежные средства, так как у гражданина отпадает необходимость в обладании специальными знаниями.

Еще одной особенностью является то, что рассматриваемый налог не требует отчетов и деклараций [7, с. 52]. Данная сфера достаточно хорошо автоматизирована, поэтому учет доходов ведется посредством мобильного приложения — автоматически. А. А. Синицын при проведении «круглого стола» в рамках деятельности комитета Совета Федерации по экономической политике, посвященного развитию института самозанятых, сообщил, что в настоящее время в Российской Федерации запущена платформа «Самозанятые». Данный сервис осуществляет поиск исполнителя на различные виды работ, автоматически производит проверку наличия статуса самозанятого, регистрирует доход, а также хранит различные документы, включая чеки об оплате [8].

У самозанятых граждан также отсутствует необходимость в уплате страховых взносов. В данном случае пенсионное страхование реализуется на добровольной основе [9]. Считаем, что это является одним из аспектов, требующих более детальной проработки в контексте данной системы. Впоследствии этот факт может существенно повлиять на размер пенсии. Для того, чтобы избежать возможных проблем в будущем, самозанятым необходимо заранее позаботиться о накоплении пенсионных средств. В противном случае, если не платить страховые взносы, трудовой стаж не будет учтен.

На наш взгляд, введение института самозанятости подразумевает несколько целей. Первой целью, как уже говорилось, является вывод граждан из «теневой» деятельности. Второй немаловажной целью является учет дохода граждан, так как регистрация поступлений денежных средств на счета физических лиц является значимой составляющей для экономики в Российской Федерации. Третьей целью, по нашему мнению, можно считать вовлечение населения в бизнес.

Таким образом, формируется вывод, что заявленный эксперимент показывает хорошие результаты и оказывает положительное воздействие на формирова-

ние экономики Российской Федерации, выводя граждан из «теневого» сферы деятельности. Вышесказанное также подтверждает тезис о важности регулирования проблемных вопросов статуса самозанятых граждан на законодательном уровне. При этом окончательные итоги удастся подвести только в 2028 году, так как эксперимент по введению предметного специального налогового режима имеет ограниченный срок действия.

1. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» : федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 49. Ст. 7494.

2. Илюшникова, Т. А. Господдержка помогает самозанятым масштабировать бизнес [Электронный ресурс] / Т. А. Илюшникова. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_gospodderzhka_pomog_aet_samozanyatym_masshtabirovat_biznes.html (дата обращения: 12.10.2024).

3. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 16.11.2024).

4. Об утверждении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим "Налог на профессиональный доход" (НПД) федерального проекта "Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами", входящего в национальный проект "Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы"»: приказ ФНС России от 02.07.2021 № ЕД-7-20/620@ [Электронный ресурс] // СПС «СудАкт» (дата обращения: 10.11.2024).

5. Гаврик, А. Е. Изучение института самозанятых граждан в Российской Федерации / А. Е. Гаврик, В. А. Очаковский // Научный журнал «Эпомен». 2018. № 11. С. 24–31.

6. Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 03.03.2020 №16-1/В-87 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2024).

7. Гениман, Е. Г. Самозанятость как особый вид налогового режима / Е. Г. Гениман // Вестник науки. 2024. № 5 (74). Т. 2. С. 50–55.

8. Самозанятые: официальный сайт. URL: <https://самозанятые.рф/> (дата обращения: 16.11.2024).

9. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Е. Д. Сухорослова,

студентка 2-го курса (специалитет)

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), г. Санкт-Петербург

Научный руководитель — Л. С. Булгакова,

старший преподаватель

кафедры государственно-правовых дисциплин, советник юстиции

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В современном мире довольно часто возникает проблема при привлечении лица к административной или уголовной ответственности, непосредственно связанная с тем, что правоприменитель неверно квалифицирует совершенное деяние. Поэтому необходимо уметь отличать административное правонарушение от уголовного преступления, а также знать, как эти деяния связаны между собой.*

***Ключевые слова:** административное правонарушение, уголовное преступление, административная преюдиция, вина*

В настоящее время существует проблема разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений. Это связано непосредственно с тем, что отрасли уголовного и административного права имеют смежные составы.

Для более точного освещения данной проблемы необходимо определить сходства между административным правонарушением и уголовным преступлением:

во-первых, каждое из них является противоправным, то есть это деяние, «направленное против права, совершенное вопреки ему» [1, с. 87];

во-вторых, вина субъекта, совершившего любое из этих противоправных деяний, является важным элементом при назначении наказания (так, в соответствии со ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ) преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным кодексом под угрозой наказания, а согласно ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее

— КоАП РФ) административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом об административных правонарушениях или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность);

в-третьих, юридическая ответственность за административное правонарушение и уголовное преступление наступает по достижении лицом возраста 16 лет; исключения составляют преступления, предусмотренные ст. 20 УК РФ, согласно которой за определенные преступления уголовная ответственность наступает с 14 лет [2].

Далее необходимо определить различия этих правонарушений:

1) первое, что необходимо отметить, это составы административных правонарушений. Большинство из них имеют материальный состав, формальный состав не предусмотрен, в отличие от уголовного преступления. «Наличие последствий при формальном составе не является обязательным» [4, с. 7] фактором для привлечения лица к уголовной ответственности;

2) также важно обратить внимание, что субъектом может быть физическое лицо, однако юридическое лицо может им быть только при совершении административного правонарушения, причем в отношении второго «форма вины не выделяется» [5, с. 56]; данное положение прописано в ст. 2.1 КоАП РФ;

3) в отличие от уголовного права в административном праве такие категории, как преступления небольшой, средней и иной тяжести, не используются. Это связано с тем, что административные правонарушения обычно имеют менее серьезные последствия и не требуют такой же детализированной классификации. Вместо этого административное право сосредоточено на конкретных нарушениях и соответствующих санкциях, которые могут варьироваться от штрафов до административного ареста, но без четкой классификации по степени тяжести;

4) при определении наказания в уголовном праве учитываются такие факторы, как рецидив, совокупность преступлений. В административном праве не применяются данные критерии. Следовательно, и к юридической ответственности за совершенное преступление лицо привлекается по Уголовному кодексу (уголовная ответственность), а за административное правонарушение субъект будет привлечен к административной ответственности.

Уголовное и административное право находятся в тесном взаимодействии, что делает использование административной преюдиции актуальным. Суть административной преюдиции заключается в том, что состав преступления формируется на основе признаков административного правонарушения. При этом в качестве критерия для разграничения преступления и проступка выступает факт наложения административного взыскания за аналогичное деяние [6, с. 3].

Необходимо рассмотреть, как на практике происходит разграничение административных правонарушений и уголовных преступлений.

Так, гражданин А. в период с 26 июня по 13 июля 2022 года совершил действия, связанные с хищением чужого имущества, а также попытку мелкого хищения. В результате рассмотрения этих действий суд приговорил А. к лишению свободы по статье 158.1 УК РФ, которая касается мелкого хищения, совершенного лицом, ранее подвергнутым административному наказанию. Суд основывал свое решение на том, что до указанных деяний А. уже привлекался к административной ответственности в марте того же года за мелкое хищение чужого имущества стоимостью от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей, что было квалифицировано по части 2 статьи 7.27 КоАП РФ. Однако производство по этому делу было прекращено из-за истечения срока давности привлечения к административной ответственности. Следовательно, уголовное дело против А. должно было быть прекращено из-за отсутствия признака состава преступления, предусмотренного статьей 158.1 УК РФ [7]. Важно отметить, что для привлечения к ответственности по данной статье одним из обязательных признаков объективной стороны является наличие административной преюдиции. В случае ее отсутствия невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности.

Таким образом, понимание сходств и различий между административными правонарушениями и уголовными преступлениями является ключевым для формирования адекватной реакции государства на противоправные деяния. Это знание позволяет органам власти эффективно применять законодательство, обеспечивать защиту общественных интересов и поддерживать правопорядок.

1. Левкович, Р. В. Правонарушение его признаки и виды / Р. В. Левкович // Вестник науки. 2018. № 9. С. 86–89.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

4. Попов, А. Н. Объективная сторона состава преступления : учебное пособие / А. Н. Попов, Л. А. Зимирева, П. В. Федышина. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 64 с.

5. Басов, С. Л. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях: учебное пособие / С. Л. Басов. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 56 с.

6. Зуев, В. Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией: лекция / В. Л. Зуев; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Гл. упр. кадров. М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1995. 32 с.

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2024 № 49-УД23-36-К6 [Электронный ресурс] // СПС «Легалактс» (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 343. 241

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ЦЕЛИ

С. М. Хаирова,

студентка 2-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — И. В. Федорова,

старший преподаватель

кафедры уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. На основе определения уголовного наказания в статье проводится анализ его характерных признаков, рассматриваются особенности основных целей. Обоснован вывод, что институт уголовного наказания служит средством достижения справедливости, а также функционирует как инструмент защиты общества и его отдельных личностей от правонарушителей.

Ключевые слова: уголовное наказание, ответственность, мера принуждения, справедливость, преступление, лишение прав, виновный

Институт уголовного наказания зародился еще в период возникновения первых древних государств. В те годы основным видом наказания служила смертная казнь, которая отражала жестокие тенденции времени. И только после того, как в XVIII веке «прошла волна» развития гуманистических идей, начался процесс «смягчения» наказаний. Серьезное воздействие на общество в период гуманизации оказал трактат Чезаре Беккариа «О преступлении и наказании», основной смысл которого заключался в следующем: «Не жестокость наказания, а его неотвратимость обеспечивает его предупредительное значение» [1, с. 114].

В России исторически понятие наказания утвердилось только в XIX веке. В этом же столетии впервые были созданы работы, посвященные исследованию наказания как уголовно-правовой категории. Наиболее выдающимися авторами подобных работ были: Ф. Десп, Н. Суворов, И. Фойницкий, И. Милован и др. [2, с. 216–219].

На современном этапе определение наказания дается в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица» [3].

В настоящее время значимость уголовного наказания заключается в его социально-правовой функции, которая способствует обеспечению безопасности граждан, охране правопорядка, окружающего мира и т. д. В уголовно-правовой литературе признаки наказания классифицируют по разным основаниям. Так, по мнению С. В. Максимова, систематический анализ определения наказания в ч. 1 ст. 43 УК РФ [3] позволяет выделить следующие три группы его признаков, характеризующие: 1) сущность наказания; 2) содержание наказания; 3) форму наказания [4, с. 251]. О. В. Филимонов полагает, что признаки наказания следует разделить на две группы: 1) характеризующие сущность наказания; 2) указывающие на основания, порядок и правовые последствия его применения [5, с. 306].

Исходя из определения уголовного наказания, данного в ч. 1 ст. 43 УК РФ [3], можно выделить несколько его ключевых признаков.

Во-первых, уголовное наказание представляет собой меру государственного принуждения (носит публичный характер). Данный признак подразумевает воздействие государства посредством комплекса принудительных мер в отношении лица, совершившего противоправное деяние, в целях защиты интересов всего общества и его отдельных личностей. Он имеет следующие характеристики:

1) мера государственного принуждения имеет определенные пределы. Так, в частности, ст. 44 Уголовного кодекса [3] определяет закрытый перечень видов наказаний, которые могут применяться к виновным;

2) в качестве меры государственного принуждения выступают полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, а также должностных лиц, которые непосредственно изменяют положение лица, на которое направлено наказание;

3) уголовное наказание устанавливается только УК РФ [3], из чего следует, что оно не может применяться в случаях, не предусмотренных уголовным законодательством;

4) меры государственного принуждения основываются не только на физическом воздействии, но и на психическом. То есть они направлены и на эмоциональную составляющую виновного субъекта, его сознания. При психическом принуждении происходит утверждение воли того, кто принуждает, вне зависимости от желания того, кого принуждают.

Во-вторых, единственной процессуальной формой наказания является обвинительный приговор суда. Этот признак означает, что:

1) только специальный орган (суд) имеет исключительное право на назначение уголовного наказания, его размера и вида (ч. 1 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса РФ [6] (далее — УПК РФ)). Отсюда следует, что другие государственные органы не могут осуществлять данную функцию;

2) уголовное наказание имеет публично-правовой характер, потому что согласно ст. 296 УПК РФ [6] обвинительный приговор суда выносится от имени Российской Федерации. Таким образом, наказание, которое предусматривает обвинительный приговор суда, выражает официальное осуждение неправомерного поведения со стороны государства.

Основанием для возбуждения уголовного дела служит наличие всех элементов состава преступления в совершенном деянии: субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона (ст. 8 УК РФ [3]). Так, субъективная сторона

соотносится с понятием «вины», установление которой необходимо, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности. Отсюда вытекает третий признак: наказание применяется только к виновному лицу и носит персонафицированный характер. Данный признак утверждает следующее:

1) в соответствии с принципом вины согласно ст. 5 УК РФ [3] и определением преступления, данного в ч. 1 ст. 14 УК РФ [3], деяние должно быть совершено виновно, то есть умышленно (в форме прямого или косвенного умысла) либо по неосторожности (в форме легкомыслия или небрежности);

2) одним из базовых принципов судебного процесса РФ считается принцип презумпции невиновности: по нему обвиняемый является невиновным до тех пор, пока его вина в совершении преступного деяния не будет доказана судом в форме вступившего в законную силу обвинительного приговора. Отсюда следует, что уголовное наказание может быть назначено только тому лицу, которое: признается виновным в совершении преступного деяния по обвинительному приговору суда; является вменяемым физическим лицом, достигшим определенного возраста (то есть соответствует признакам субъекта преступления, согласно ст. 19 УК РФ [3]);

3) кроме того, уголовное наказание применяется персонафицированно (только к конкретному лицу, которое совершило преступление), и тем самым уголовная ответственность не может быть возложена на другого человека. Особность индивидуализации наказания проявляется при совершении преступления в соучастии: так, в зависимости от роли и участия в преступном деянии лицу назначается соответствующее наказание с учетом всех признаков (отягчающих или смягчающих);

4) если лицо причинило вред невиновно (ст. 28 УК РФ [3]), то в данном случае уголовная ответственность (и соответствующее наказание) исключается.

В-четвертых, уголовное наказание имеет карательную сущность, потому что заключается в лишении или ограничении определенных прав и свобод лица. Можно сказать, что этот признак раскрывает основную суть уголовного наказания. Он подразумевает следующее:

1) в зависимости от содержания наказания затрагиваются определенные виды прав. Так, например, затрагиваются субъективные права при назначении лицу наказания в виде лишения свободы (право на свободу выбора места пребы-

вания, свободное передвижение и т. д.); а при назначении лицам наказания в виде штрафа затрагиваются имущественные права [7, с. 197].

2) лишение или ограничение прав и свобод лица, подвергнутого наказанию, не должно противоречить требованиям ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, где говорится, что «каждый член общества должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [8].

Для того, чтобы оценить эффективность и социальную значимость уголовного наказания, требуется проанализировать его цели. Под целью понимается конечный результат, к которому стремится государство, — осуждение и установление наказаний лицам, совершившим преступные деяния [9, с. 21]. Часть 2 ст. 43 УК РФ указывает на то, что уголовное наказание преследует следующие цели: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [3]. Рассмотрим этот тезис подробнее.

Цель восстановления социальной справедливости. Важно отметить, что данная цель впервые устанавливается в уголовном законодательстве РФ. В более ранний период аналогом этой цели служило «возмездие» [10, с. 271–274]. Подразумевается, что некоторые действия недопустимы и должны влечь за собой определенные последствия. То есть «зло должно быть наказано», а нарушенный порядок в мире должен быть восстановлен.

Примечательно, что уголовное наказание обычно не имеет восстановительного характера. Так, в качестве примера служит ситуация, когда при совершении человеком хищения, штраф, который выступает в данном случае мерой уголовного наказания, выплачивается не потерпевшему (как пострадавшей стороне), а государству [9, с. 23]. Уголовный кодекс РФ не предусматривает обязательное возмещение ущерба, которое причинило преступление. Это возможно сделать только через гражданский иск, предъявленный после возбуждения уголовного дела (ст. 44 УПК РФ [6]).

Цель исправления осужденного. Значимость уголовного наказания заключается также в его воспитательной функции. То есть оно призвано не только наказывать правонарушителя, но и способствовать его исправлению: может побудить

осужденного переосмыслить свое поведение и встать на путь исправления, чтобы в будущем не совершать противоправных деяний. Согласно ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие» [11].

Цель предупреждения совершения новых преступлений. Данная цель подразумевает работу органов государственной власти, местного самоуправления и должностных лиц, которая направлена на устранение причин, стимулирующих совершение новых преступлений. То есть наказание применяется и для создания примера для потенциальных правонарушителей. Осознание того, что противоправные действия влекут за собой наказание, может способствовать снижению уровня преступности в целом.

Предупреждение преступлений делится на два вида: частная превенция, которая заключается в предотвращении совершения нового преступления самим правонарушителем (из-за страха наказания виновное лицо воздерживается от совершения новых преступлений), и общая превенция [12], направленная на все общество и не имеющая индивидуального характера (устрашение всех при помощи наказания конкретного осужденного, чтобы «другие боялись»).

В судебной практике встречаются случаи отмены приговора суда, когда назначенное наказание не позволяет достигнуть целей, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. Так, например, апелляционная инстанция Оренбургского областного суда за 3 квартал 2022 года по уголовным делам не согласилась с выводами Кваркенского районного суда Оренбургской области от 18 июля 2022 года о том, что исправление обвиняемой (которая, в свою очередь, хранила и продавала гражданам спиртные напитки, содержащие в себе большое количество опасной жидкости, вследствие чего это послужило причиной смерти 34 человек) возможно без изоляции от общества, так как суд первой инстанции не учел характер и степень общественной опасности совершенного преступления, относящегося к категории тяжких, а также фактические обстоятельства дела (в частности, количество изъятой опасной продукции). На основании этого суд апелляционной инстанции изменил приговор суда первой инстанции, который являлся недостаточно справедливым (одной из целей уголовного наказания является восстановление справедливости) и назначил более строгое наказание:

виновная отправилась отбывать наказание в виде лишения свободы в колонию общего режима, то есть условный срок стал реальным [13].

Итак, уголовное наказание представляет собой важный институт уголовного права и играет ключевую роль в системе обеспечения общественного порядка и безопасности. Оно функционирует как инструмент защиты общества от правонарушителей, а также средством достижения справедливости в обществе.

На основе вышеизложенного можно подвести итог: под уголовным наказанием следует понимать комплекс принудительных мер, применяемых от имени государства по приговору суда и в соответствии с законом к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и выражающихся в лишении либо ограничении определенных прав и свобод виновного. Данные признаки исходят из соответствующих целей уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление преступника, превенция преступлений, а также защита общества путем изоляции правонарушителей.

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. А. Хрущов. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1806. С. 114. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002986820/ (дата обращения: 21.10.2024).

2. Савин, А. А. Уголовное наказание — понятие, признаки, сущность / А. А. Савин, С. А. Семенов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 216–219. URL: <https://URL:cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-nakazanie-ponyatie-priznaki-suschnost/viewer> (дата обращения: 21.10.2024).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Уголовное право Российской Федерации : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. 251 с.

5. Филимонов, О. В. Понятие и цели наказания / О. В. Филимонов // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина. М., 1997. 306 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

7. Суденко, В. Е. Уголовное право. Общая часть : лекции / В. Е. Суденко; под ред. Н. А. Духно. М.: Юридический институт МИИТа, 2016. 197 с.

8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 05.11.2024).

9. Жовнир, С. А. Понятие, признаки, цели уголовного наказания. Система наказаний, их классификация : учебное пособие / С. А. Жовнир. Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. 21 с.

10. Осипкина, Л. С. Цели наказания в истории российского уголовного законодательства / Л. С. Осипкина // Наука и современность. 2015. № 36. С. 271–274. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-nakazaniya-v-istorii-rossiyskogo-ugolovno-zakonodatelstva> (дата обращения: 07.11.2024).

11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

12. Васильков, К. А. Классификация видов превенции в рамках современного правового поля / К. А. Васильков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 78–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41040953> (дата обращения: 13.11.2024).

13. Обзор судебной практики апелляционной инстанции Оренбургского областного суда за 3 квартал 2022 года по уголовным делам (утв. на заседании президиума Оренбургского областного суда 27.12.2022) URL: <https://len8.kodms.ru/press/obzor-sudebnoj-praktiki-apellyacionnoj-instancii-orenburgskogo-oblastnogo-suda-za-3-kvartal-2022-goda-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 13.11.2024).

УДК 340.62

ОКАЗАНИЕ УСЛУГ И ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 238 УК РФ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н. В. Чеботарева,

студентка 4-го курса юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин
СГУ имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье рассматриваются коллизионные ситуации, возникающие при квалификации ненадлежащего выполнения работ или оказания услуг согласно ст. 238 УК РФ. Осуществляется правовая оценка условий ответственности различных субъектов преступления. Предлагаются практические рекомендации, устраняющие спорные вопросы установления ответственности по ст. 238 УК РФ.

Ключевые слова: *выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, квалификация, субъект преступления, умысел, общественная опасность*

В последнее десятилетие в связи с насыщенным рабочим графиком большинства людей постоянно возрастает потребность в получении услуг, увеличивается потребительская активность населения. В связи со спросом рождается предложение, и многие поставщики в погоне за прибылью не всегда полноценно соблюдают установленные правила при реализации вышеуказанной «продукции». Государство в Уголовном законе (далее — УК РФ) предусмотрело меры ответственности за причинение вреда здоровью потребителей ненадлежащим оказанием услуг или качеством товаров; незаконное оформление сертификатов, проведение фиктивных проверок, подтверждающих качество продукции, которая безопасной не является, также преследуется по закону [1]. Ответственность за наступление смерти лица по неосторожности при вышеупомянутых условиях также предусмотрена, при этом формальность состава преступления подразумевает прямой умысел. Самому случаю недобросовестного оказания услуги или хранения товара законодатель дает характеристику преступления небольшой тяжести. Если же этот факт привел к ухудшению здоровья или смерти потребителя услуги, то виновное лицо понесет наказание за тяжкое преступление.

Несмотря на видимую ясность, признак общественной опасности требует дополнительного правового исследования. Для более наглядного объяснения используем практическую ситуацию. Суд установил, что обвиняемая, работая продавцом-консультантом в торговой точке, нарушив правила хранения отдельных видов товара, умышленно сохраняла просроченные продукты с целью их дальнейшей продажи. Сознательность действий нарушителя, по мнению суда, выразилась в самом факте продажи указанных товаров тайному покупателю. Приговором назначено наказание за хранение продукции, не соответствующей стандартам безопасности с намерением продажи [5]. Вышестоящая судебная инстанция определила, что несоответствие товара стандартам качества, безусловно, является нарушением законодательства, но не всегда создает угрозу для жизни и здоровья потенциального покупателя. Суд резюмировал, что данное деяние не является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела в соответ-

ствии нормами уголовного права. Когда не доказана прямая угроза, предусмотрена возможность применения правил административного взыскания [2].

Разъяснительные положения п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 18) подтверждают позицию о разграничении уголовной и административной ответственности при ненадлежащем оказании услуг с учетом критерия фактической угрозы нанесения серьезного физического ущерба [3]. Исходя из этого, отсутствие реальной угрозы жизни и здоровью потребителей не формирует состав преступления ст. 238 УК РФ [1]. Факт нарушения правил хранения и оказания услуг подлежит оценке по ст.ст. 14.4, 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]. Исходя из анализа трактовки уголовного законодательства, полагаем, что не существует точных и ясных критериев для оценки вероятности последствий риска, что приводит к отдаленности границ между административным проступком и преступным нарушением норм безопасности.

Следующая проблема при квалификации содеянного по ст. 238 УК РФ — установление вины. Суды основываются на формулировке умышленной формы вины, приведенной в ст. 25 УК РФ [1]. Обращаем внимание, что ч. 1 ст. 238 УК РФ сконструирована с признаками формального состава преступления [1]. Думается, следует подвергнуть сомнению данное убеждение, поскольку при определении вины за преступление важно указывать на то, какую конкретно общественную опасность осмысливал и стремился осуществить преступник, а также описать, в чем именно заключается общественная опасность совершенных деяний.

Еще одним базовым элементом правильной квалификации является установление причинной связи между нарушениями и последствиями. Подобное пояснение содержит п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»: содеянное влечет уголовную ответственность при условии причинной связи нарушений с наступившими последствиями [4]. Поэтому правоприменителю надлежит установить, что именно недобросовестное хранение вызвало опасные послед-

ствия, для чего суды имеют право приглашать экспертов из соответствующей сферы для предоставления ими необходимого заключения.

Законодательные нормы предусматривают ответственность как руководителей, так и физических лиц [6]. Очевидная, на первый взгляд, формулировка п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 18 на практике порождает казусные ситуации с выбором ответственного субъекта. Как и в случае со специальными нормами ст. 216 УК РФ [1], необходимо детально исследовать дилемму о том, кто будет являться субъектом: степень виновности руководителя (обеспечение оборудованием, финансирование), область контроля специальных органов (по какой причине они не выявили нарушения на этапе административного правонарушения). Следует согласиться, что вменять ст. 238 УК РФ сотруднику продовольственного магазина, который не может за свой счет купить необходимое оборудование для безопасного хранения продукции, — преждевременно.

Таким образом, при детальном исследовании проблем квалификации деяний, предусмотренных ст. 238 УК РФ [1], стоит сделать следующие выводы:

- обратить внимание в части 1 ст. 238 УК РФ на причинно-следственную связь между неправильными условиями работ, оказания услуг, хранения товаров и реальной опасностью указанных условий для жизни и здоровья потребителя;

- указать в части 1 ст. 238 УК РФ, какие общественно-опасные деяния осознавало и желало совершить виновное лицо;

- в разъяснения судебной практики, а именно в п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 18 [3], включить формулировку о необходимости исследования степени вины: добавить условия привлечения к ответственности не только сотрудников, но и руководителей организаций за отсутствие должного материально-технического обеспечения и других условий, находящихся в сфере ведения руководителей. В п. 8 того же Постановления следует добавить условие об исследовании необходимых проверок со стороны контролирующих органов на наличие нарушений, которые в дальнейшем могли стать причиной общественной опасности. Если со стороны контролирующих органов ранее нарушения не были выявлены, то рассмотреть возможное привлечение контролирующих организаций к ответственности не только в рамках их надзорных полномочий, подтверждающих соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности, но и в рамках коррупционной составляющей.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 18 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

4. О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2018 № 41.

5. Об отмене приговора по ст. 238 УК РФ, прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления [Электронный ресурс] : постановление Президиума Омского областного суда от 10.07.2017 № 44У-81/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Ардеева, А. В. Некоторые проблемы квалификации по статье 238 УК РФ за оказание пациентам медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности / А. В. Ардеева // Исследования молодых ученых : материалы LXVI Междунар. науч. конф. (06 октября 2023 г., г. Казань). Казань: Молодой ученый, 2023. С. 28–36. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/500/18181/> (дата обращения: 02.11.2024).

УДК 340.130; 342.4

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА ВИРТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е. А. Черкасова,

студентка 2-го курса юридического института (бакалавриат)

Вятский государственный университет, г. Киров

Научный руководитель — Я. О. Кукреш,

старший преподаватель

кафедры гражданского права и процесса

Вятский государственный университет, г. Киров

Аннотация. В современном мире все большее значение приобретают виртуальные объекты собственности, и это требует их регулирования в рамках гражданского законодательства. В Российской Федерации в настоящее время отсутствуют правовые

нормы, которые регулировали бы виртуальное игровое имущество. Это создает условия для нарушения имущественных прав пользователей, таких как взлом аккаунта, уклонение от оплаты переданного игрового атрибута или блокировка аккаунта. В связи с этим необходимо законодательно закрепить цифровой контент и разработать правовые механизмы противодействия противоправным деяниям, связанным с цифровым имуществом. Автор статьи рассматривает различные подходы к решению этой проблемы, а также анализирует судебную практику Российской Федерации и других стран. Цель исследования — дать определение виртуальной собственности и выявить конкретные проблемы, которые существуют в этой сфере.

Ключевые слова: виртуальная собственность, виртуальный объект, объекты гражданского права, иные имущественные права

В российском законодательстве на данный момент не существует определения термина «виртуальная собственность». Если обратиться к Федеральному закону от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], который регулирует отношения в сфере информационных технологий, можно заметить, что в нем такое понятие или его аналог отсутствует. Это недоработка законодателя, а также один из ключевых аспектов в регулировании данной проблемы.

После анализа доступной информации по данной теме предлагается ориентироваться на следующее: виртуальная собственность может быть определена как совокупность виртуальных объектов, представляющих собой нематериальные предметы виртуального мира. Каждый такой объект включает в себя компьютерную программу, которая моделирует его характеристики и визуализирует его внешний вид [2]. Виртуальная собственность представляет собой комплекс неосязаемых активов, таких как земельные участки, строения, элементы декора, одежду и прочие объекты, доступные для приобретения и использования в рамках компьютерных игр, социальных сетей и иных онлайн-платформ.

В виртуальном мире существуют разнообразные объекты: они могут быть как копиями реальных предметов, так и полностью вымышленными. Общим для них является то, что они не имеют материального воплощения и существуют только в виртуальном пространстве. В частности, в многопользовательских онлайн-играх виртуальные объекты становятся частью игрового мира и могут быть проданы или обменены между игроками.

Для более детального рассмотрения данной темы обратимся к судебной практике нашей страны. В 2011 году П. обратился в суд с иском к ООО «Лайт

Вижн Интерактив», требуя взыскать с компании денежные средства, пени, расходы, штраф и компенсацию морального вреда. Истец обосновал свои требования тем, что два года назад он зарегистрировал игровой аккаунт на сайте и играл в игру, владельцем которой является ответчик. С 23 сентября 2010 года по 19 ноября 2011 года истец перевел на свой аккаунт 500 рублей через системы «...» и «...», чтобы приобрести дополнительные сервисы игры. 17 декабря 2011 года на сервере «Невада» после окончания игрового боя истец обнаружил на игровой карте SET+15 броню для своего игрового персонажа. Однако его аккаунт был заблокирован, а SET+15 был изъят администратором игры. После того как истец направил ответчику претензию, его аккаунт был заблокирован повторно со ссылкой на «мультиководство». Ответчик неоднократно блокировал аккаунт истца, нарушая его права как потребителя. Компания не предоставила заявленную услугу в соответствии с правилами компьютерной игры, техническими возможностями и параметрами [3].

Суд частично удовлетворил требования, но в 2013 году дело поступило в Московский городской суд, который отменил первоначальное решение, обосновав свое тем, что между истцом и ответчиком было заключено пользовательское соглашение. Суд также сослался на статью 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая гласит: «Требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари, а также требований, указанных в пункте 5 статьи 1063 настоящего Кодекса» [4].

В 2019 году Московский городской суд, рассмотрев апелляционное представление, отказал в удовлетворении иска участника многопользовательской онлайн-игры о взыскании компенсационных выплат с разработчика данной игры. Заявитель утверждал, что ответчик неправомерно заблокировал принадлежащее ему платное игровое имущество без должных оснований, вследствие чего он понес убытки. Апелляционная инстанция квалифицировала платные элементы внутри игры как права на использование неактивированных данных и команд игрового программного обеспечения, предназначенных для оптимизации игровых процессов, повышения уровня персонажей и иных аналогичных целей. Суд установил, что поскольку доступ к самой игре предоставляется

пользователям безвозмездно, на правоотношения сторон не распространяются положения законодательства Российской Федерации «О защите прав потребителей» и иные нормативы, регламентирующие взаимодействие продавца, осуществляющего коммерческую деятельность с целью извлечения прибыли, и потребителя, являющегося физическим лицом и считающегося более уязвимой стороной договора [4].

При рассмотрении дела судом первой инстанции было определено, что все действия, совершаемые ответчиком и пользователем в рамках игрового процесса, такие как регистрация аккаунта, участие в сценариях игры и наложение внутриигровых санкций на персонажей за нарушение установленных правил, полностью подчиняются внутренним правилам разработчика. Данные действия не подпадают под судебную защиту.

Кроме того, в данном деле был проведен анализ так называемых «золотых монет», используемых в указанной компьютерной игре. Суд признал, что ввиду нематериальной природы таких валютных единиц, а также ограниченной сферы их применения и специфических условий приобретения они представляют собой исключительно виртуальные активы, не обладающие реальной стоимостью и неспособные использоваться в качестве платежного инструмента вне рамок самой игры или соответствующего веб-сайта. Указанные «золотые монеты» не обладают материальными характеристиками и не предназначены для расчетов с третьими сторонами [5].

Таким образом, в настоящее время суды, как правило, ссылаются на статью 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее — РФ) и приходят к выводу, что отношения между участниками и организаторами многопользовательских компьютерных игр не подлежат судебной защите, поскольку они относятся исключительно к игровому процессу и регулируются внутренними правилами организатора.

В то же время важно подчеркнуть, что на уровне Гражданского кодекса РФ понятие «игры» не имеет четкого определения. В свою очередь, Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ [6], касающийся организации и исполнения азартных игр, устанавливает, что азартные игры основываются на договоренности о потенциальном выигрыше между участниками или между участником и организатором, причем правила определяются организатором.

В наши дни преобразование устоявшихся правовых норм, относящихся к судебной практике, представляет собой значительную трудность, в то время как законодательство явно не определяет многопользовательские компьютерные игры как один из своих пунктов. В Гражданском кодексе РФ, а именно в параграфе первой статьи 1062 общее понятие «игра» охватывает различные ее формы, в том числе и многопользовательские виды [4].

Показательным является то, что в других странах также существуют прецеденты, касающиеся регулирования прав виртуальной собственности. Так, например, Китайский апелляционный суд в 2003 обязал компанию, занимающуюся онлайн-играми, вернуть виртуальные предметы игроку, чей аккаунт был взломан и разграблен. 24-летний Ли Хунчэнь (Li Hongchen) потратил два года и более 10 000 юаней (примерно 36 000 рублей на момент судебного разбирательства) на накопление виртуальных денег и оружия в онлайн-игре «Хуньюэ», или «Красная луна». Однако в феврале Хунчэнь обнаружил, что его вещи были украдены хакером, получившим доступ к центральным серверам игры. Компания Beijing Arctic Ice Technology Development, разработавшая игру, ответила, что его вещи не имеют реальной ценности и представляют собой лишь «кучи данных». Хунчэнь подал на компанию в суд, требуя компенсацию в размере 10 000 юаней. Суд постановил, что игровая компания должна вернуть виртуальные вещи Хунчэня. Компания была признана виновной в том, что из-за ошибок в работе серверов хакер смог получить доступ к аккаунту Хунчэня [7].

Интересным моментом также является то, что в 2023 году в Китае в газете Odaily Planet Daily News Народный суд Китая опубликовал статью «Идентификация имущественных атрибутов виртуальных валют и распоряжение имуществом, участвующим в деле», в которой анализируются уголовно-правовые атрибуты виртуальных валют. В статье указано, что виртуальные валюты обладают экономическими атрибутами, которые могут быть отнесены к собственности, а действующие законы и политика не характеризуют виртуальные валюты как незаконные предметы. Следовательно, в соответствии с действующими правовыми и политическими рамками виртуальные валюты, которыми владеют соответствующие организации, по-прежнему являются законной собственностью и защищены законом. В этой статье рекомендуется рассматривать деньги и имущество, задействованные в деле, с базовой точки зрения законности. Считается, что за преступные действия с использованием виртуаль-

ных валют все деньги и имущество, задействованные в деле, не могут быть конфискованы или возвращены. Они должны рассматриваться отдельно на основе унификации уголовного и гражданского законодательства и порядка, чтобы достичь сбалансированной защиты прав личной собственности и социальных и публичных интересов [8].

Изучив судебные прецеденты в зарубежных странах, можно прийти к заключению, что в них вопросы, связанные с виртуальной собственностью, решаются более успешно, чем в нашей стране. В Китае, как и во многих других государствах, виртуальная собственность регулируется законами об интеллектуальной собственности и авторском праве.

Говоря о том, как решить вопрос о правах на виртуальную собственность, следует отметить, что в российской правовой теории есть несколько точек зрения на эту проблему. Первая точка зрения заключается в том, что виртуальная собственность может рассматриваться как объект вещного права, включая право собственности. Вторая точка зрения предполагает, что эти отношения должны рассматриваться в контексте интеллектуальной собственности. Третья точка зрения предполагает, что объекты виртуальной собственности следует рассматривать как «иное имущество».

Согласно первому подходу виртуальные объекты представляют собой ценные вещи, поскольку их можно покупать и продавать за реальные деньги. Вещами в гражданском праве признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара [9]. Автор статьи считает, что в настоящее время невозможно применять нормы о собственности к таким объектам, поскольку они не являются вещами. Главным аргументом является то, что виртуальные объекты являются нематериальными, поэтому гипотеза приравнивания виртуальной собственности к вещам является неверной, так как нарушает основной принцип вещи как объекта гражданского права.

Второй подход основывается на положениях Гражданского кодекса РФ, согласно которым объектами гражданских прав признаются результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, охраняемые законодательством (интеллектуальная собственность). В большинстве случаев пользовательские соглашения, заключаемые при вступлении в виртуальный мир (например, в многопользовательскую онлайн-игру), указывают на то, что виртуальные объекты, приобретаемые пользователями за реальные денежные сред-

ства, рассматриваются как объекты интеллектуальных прав. Пользователи получают возможность применять эти права на основе неисключительных лицензий, предусмотренных статьей 1236 Гражданского кодекса РФ. Таким образом, пользователь становится лицензиатом, тогда как владелец виртуального мира (лицензиар), обычно являющийся компанией-разработчиком игры, передает лицензиату права на использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. Важно отметить, что лицензиар оставляет за собой право предоставлять аналогичные лицензии другим субъектам [10]. Тем не менее на практике виртуальные объекты часто становятся предметами сделок купли-продажи, несмотря на то что в соглашениях речь идет о передаче прав по лицензионному договору. Обычные пользователи зачастую не осведомлены о тонкостях таких договоренностей из-за недостатка специализированных юридических знаний.

В отношении третьего подхода, который рассматривает виртуальную собственность как «иное имущество», можно сказать, что он наиболее логичен. Этот подход объединяет в себе элементы двух предыдущих, подчеркивая, что виртуальная собственность является объектом купли-продажи, но не имеет материальной формы [10]. Такой подход позволил бы применять к отношениям, связанным с игровым имуществом, нормы о неосновательном обогащении, деликтах и соответствующих видах договоров.

Таким образом, проблема регулирования вопросов, связанных с виртуальной собственностью, остается достаточно острой. Необходимо разработать и принять соответствующие законодательные акты, которые позволят предотвратить правонарушения в данной сфере и обеспечить возможность судебной защиты в случае их возникновения. Автор предполагает, что отношения, связанные с игровым имуществом, не должны регулироваться положениями статьи 1062 Гражданского кодекса РФ. Кроме того, необходимо внести изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», включив в него понятие «виртуальный объект». Также следует дать четкое определение понятию «игра», учитывая современные реалии.

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

2. Беликова, К. М. Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом / К. М. Беликова // Юридические исследования. 2021. № 7. С. 1–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-pravovoy-kvalifikatsii-virtualnoy-sobstvennosti-v-rossii-i-zarubezhom> (дата обращения: 20.10.2024)

3. Постановление Президиума Московского городского суда от 24.05.2013 по делу № 44г-45 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 21.10.2024).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33-21065/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2024).

6. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ // Российская газета. 2006. 31 декабря.

7. Brown, P. Property rights in cyberspace games and other novel legal issues in virtual property / P. Brown, R. Raysman // The industrial journal of law and technology. 2006. Vol. 2. URL: <https://www.ijlt.in/journal/property-rights-in-cyberspace-games-and-other-novel-legal-issues-in-virtual-property> (дата обращения: 21.10.2024).

8. Identification of the property attributes of virtual currencies and disposal of the property involved in the case // Odaily Planet Daily News. 2023. URL: https://rmfyb.chinacourt.org/content/202309/01/article_894069_1389708796_5043282.html (дата обращения: 22.10.2024).

9. Гражданское право : учебное пособие / А. В. Асосков, В. С. Ем, В. В. Витрянский [и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. 341 с.

10. Бунина, Н. С. Правовая природа виртуальных объектов в компьютерных играх / Н. С. Бунина. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/30/pravovaya_priroda_virtualnyh_obektov_v_kompyuternyh_igrah (дата обращения: 20.10.2024).

УДК 346.1; 330

КАТЕГОРИЯ «РИСК» В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. Н. Черникова,

студентка 4-го курса юридического института (бакалавриат)

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет, г. Белгород

Научный руководитель — А. А. Белецкая,

старший преподаватель

кафедры трудового и предпринимательского права

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет, г. Белгород

Аннотация. Предпринимательская деятельность по своей природе сопряжена с риском. Этот фактор пронизывает все сферы бизнеса, начиная от выбора стратегии и заканчивая заключением сделок. В статье рассмотрено содержание категории «риск» в контексте предпринимательского права, проанализированы различные подходы к классификации предпринимательских рисков, исследованы правовые механизмы управления рисками в предпринимательской деятельности и даны некоторые практические рекомендации по совершенствованию отечественного законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере.

Ключевые слова: предпринимательское право, риск, предпринимательская деятельность, бизнес, риск-менеджмент, управление рисками, классификация рисков

Категория «риска» занимает центральное место в предпринимательском праве, так как она непосредственно связана с процессом осуществления хозяйственной деятельности и является одним из ее основных признаков. Риск в предпринимательстве определяется как вероятность наступления неблагоприятных последствий, связанных с принятыми решениями, и возможность несения экономических потерь. Истоки данного термина в слове «*risikon*» — (греч.) скала, утес. Издавна испанские моряки остерегались ударов о скалы во время плаваний, и если провести аналогию — предприниматели точно так же опасаются разного рода угроз, которые могут возникнуть в предпринимательских отношениях и негативно повлиять на ведение дел [1, с. 32].

Несмотря на то, что понятие «риск» в большей части является экономической категорией, оно признается и с точки зрения права — его без труда можно

найти в нормативных правовых актах. К примеру, данное понятие упомянуто в ряде статей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ): ст. 2, ст. 401, ст. 705, ст. 929, ст. 933 и т. д. Их содержание говорит о том, что предпринимательская деятельность предполагает наличие рисков, связанных как с внутренними факторами (управление, финансирование), так и с внешними (экономическая ситуация, законодательные изменения) [2; 3]. Кроме того, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (глава 14) устанавливает административную ответственность за нарушения в области предпринимательской деятельности, охватывая разные аспекты данного вопроса, в том числе и риски, возникающие из нарушений требований безопасности, незаконной деятельности и др. [4].

Однако следует отметить, что российское законодательство не содержит четкого определения понятия «риск»: можно лишь вывести его, исходя из подп. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ: «риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов — предпринимательский риск» [3]. Это, конечно, создает определенные трудности для правоприменительной практики, особенно в тех случаях, когда необходимо установить наличие вины предпринимателя в наступлении неблагоприятных последствий. В связи с этим многими учеными-правоведами предлагается разработать и внедрить в отечественное законодательство единое определение риска, которое будет учитывать все аспекты этой категории.

Тем не менее, пока единое определение риска в предпринимательстве не узаконено, при рассмотрении дел Верховный Суд Российской Федерации использует понятие обычного предпринимательского риска: «...оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками» (абз. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48) [5].

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации тоже высказал свою позицию по поводу категории предпринимательского риска и связал ее с возможными «деловыми просчетами» (п.п. 3, 5.2. Постановления Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 3-П; п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 10.04.2003 г. № 5-П) [6; 7].

Теперь рассмотрим подробнее виды предпринимательского риска. Так, Ю. М. Осипов утверждает, что существуют три вида таких рисков: инфляцион-

ный, финансовый и операционный. С. В. Валдайцев выделяет всего две категории рисков: коммерческие и технические [8, с. 27]. Руководствуясь теоретическими исследованиями С. М. Васина, который довольно подробно изучил подходы разных правоведов, можно предложить следующую классификацию основных предпринимательских рисков [8, с. 27–38]:

1) финансовый риск связан с возможностью потери средств, инвестированных в бизнес, он возникает при недостаточном объеме прибыли, неэффективном управлении финансами, изменениях в экономической конъюнктуре;

2) производственный риск возникает при несоблюдении технологических процессов, недостаточном уровне квалификации персонала, наличии форс-мажорных обстоятельств и проявляется в снижении качества продукции, невыполнении производственных планов, потере оборудования;

3) коммерческий риск обусловлен неопределенностью в спросе на продукцию или услуги, конкуренцией на рынке, изменениями в потребительских предпочтениях и может привести к нерентабельности, снижению объемов продаж, потере клиентов;

4) юридический риск связан с возможностью судебных разбирательств, применения санкций за нарушение законодательства, несоблюдение контрактных обязательств и может повлечь за собой финансовые потери, убытки, штрафы, арест имущества;

5) инновационный риск связан с внедрением новых технологий, разработкой новых продуктов, выходом на новые рынки и может повлечь финансовые потери, потерянные инвестиции, снижение конкурентоспособности.

Приведенный нами перечень не является исчерпывающим и может быть существенно дополнен при проведении дальнейших исследований.

Далее следует сказать о том, что существует множество инструментов и механизмов для управления предпринимательскими рисками. Во-первых, в качестве одного из таких инструментов выступает страхование. Страхование от различных видов риска (неожиданное событие, несчастный случай и др.) позволяет минимизировать финансовые потери в случае наступления неблагоприятных событий [9, с. 91]. Во-вторых, можно использовать диверсификацию — распределение рисков между различными направлениями бизнеса, видами деятельности или инвестициями, которое снижает зависимость от одного фактора риска [10, с. 169]. В-третьих, весьма распространен также метод интеллектуального анализа — получение и анализ информации о рынке, конкурентах, изменениях в законодательстве, что позволяет предпринимателю принимать обоснованные решения и снижать юридический и коммерческий риски [11,

с. 210–211]. Эти и многие другие механизмы в значительной степени помогают предпринимателям более эффективно организовать ведение бизнеса, бороться с теми или иными рисками и предотвращать их появление в будущем.

Таким образом, категория «риск» занимает важное место в системе предпринимательского права. Она отражает неопределенность результатов хозяйственной деятельности и требует разработки эффективных механизмов управления. Понимание сущности и видов рисков, а также механизмов управления ими позволяет предпринимателю принимать обоснованные решения, минимизировать потери и повышать результативность своей деятельности. В свою очередь, правовое регулирование риска в сфере предпринимательства играет важную роль в обеспечении стабильности и безопасности предпринимательской деятельности, защищая интересы как предпринимателей, так и потребителей. Одним из ведущих предложений по совершенствованию национального законодательства, регулирующего отношения в области предпринимательской деятельности, все так же остается разработка и введение легального определения риска с целью уменьшения трудностей и устранения коллизий при рассмотрении дел судами.

1. Морозов, С. Ю. Предпринимательское право : учебник для вузов / С. Ю. Морозов [и др.]. М.: Юрайт, 2024. 592 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 // Российская газета. 2016. 24 ноября.

6. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 3-П // Собр. законодательства РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

7. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.04.2003 № 5-П // Собр. законодательства РФ. 2003. № 4. Ст. 1656.

8. Васин, С. М. Управление рисками на предприятии : учебное пособие / С. М. Васин, В. С. Шутов. М.: КНОРУС, 2015. 300 с.

9. Тимофеев, Р. А. Страхование как метод управления рисками / Р. А. Тимофеев, К. В. Кунилова // Экономика, финансы и управление: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. VII Междун. науч.-практ. конф. Пенза, 2024. С. 90–92.

10. Салманов, О. Н. Управление финансовыми рисками малого и среднего предпринимательства / О. Н. Салманов, К. В. Утюж // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 4. С. 164–171.

11. Овсянников, Д. А. Риск-менеджмент в системе управления бизнес-процессами субъектов малого и среднего предпринимательства / Д. А. Овсянников, М. А. Суржиков // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления : сб. науч. ст. 6-й Всерос. науч.-практ. конф. с междун. участием. Курск, 2024. С. 208–211.

УДК 343.72

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ
МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ, В ОТЕЧЕСТВЕННОМ
И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

П. Л. Черных,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. С развитием информационных технологий появляются новые виды мошенничества и совершенствуются уже известные их виды. В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с квалификацией мошенничества, совершенного в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, в отечественном и зарубежном уголовном праве. Исследуются российские и

зарубежные нормативные правовые акты, а также особенности сложившейся судебной практики.

Ключевые слова: мошенничество, информационные и телекоммуникационные технологии, электронные денежные средства

В наше время все чаще можно увидеть в средствах массовой информации заголовки, связанные с совершением мошенничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий по всему миру. Согласно результатам исследования Глобального альянса по борьбе с мошенничеством (GASA) [1] в 2023 году около 12 % населения Земли подвергались мошенническим действиям, что представляется весомым показателем. Пресечение совершения мошеннических действий в наши дни в связи со значительным ростом криминальной активности в России и сложившейся политической обстановкой является одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов, о чем свидетельствуют многочисленные доклады их сотрудников. Более того, появляются новые виды мошенничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, сущность которых также стоит понимать и различать, в том числе правильно квалифицировать, что вызывает некоторые сложности по различным причинам.

Отметим, что легального определения понятия «мошенничество в сфере информационных и телекоммуникационных технологий» в законодательстве Российской Федерации нет, вследствие чего исследователи формулируют свои варианты определения указанного понятия и предлагают внести изменения в законы государства. Так, на основе изученных подходов авторов к определению рассматриваемого понятия предлагаем следующее определение: «Мошенничество в сфере информационных и телекоммуникационных технологий — это дистанционное хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием ресурсов, необходимых для сбора, обработки, хранения и распространения информации».

С развитием информационных технологий мошенничество может совершаться из любой точки мира, что усложняет процесс раскрытия таких преступлений. Затруднителен поиск «неустановленного лица», как часто обозначают неизвестных субъектов преступления в постановлениях о возбуждении уголовного дела и иных актах правоохранительных органов. Интересной представля-

ется позиция Н. Д. Литвинова: «Достоинством дистанционного мошенничества является то, что оно никогда не перерастет в грабеж или разбой. При отсутствии положительного отклика на свои «предложения» криминальный оператор просто ищет другой объект мошенничества» [2, с. 78]. Действительно, изначально злоумышленник преследует корыстную цель, поэтому ищет наиболее выгодные пути ее достижения.

Согласно судебной статистике, приведенной интернет-ресурсом «Судебная статистика РФ» [3], в 2023 году было рассмотрено 36 507 случаев мошенничества различных видов. При этом всего было осуждено 27 483 человек: из них 19 199 — по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] «Мошенничество», 78 человек — по статье 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», 15 человек — по статье 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Более того, по части 3 статьи 158 «Кража» было осуждено 53 536 человек, что является немалым количеством по сравнению со всеми разновидностями мошенничества.

Ярким примером является дело по части 1 статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации в отношении жителя Сыктывкара, рассматриваемое Первомайским судебным участком города Сыктывкара Республики Коми. Так, гражданин И., найдя чужую банковскую карту на улице, решил воспользоваться ею в продуктовом магазине и обманом, выдавая себя за владельца карты, передал продавцу средство платежа для произведения оплаты, вследствие чего сумма ущерба составила 4 079 рублей. Возникает проблемный вопрос, связанный с квалификацией таких противоправных деяний. Исследователи и правоведа обращают свое внимание на конкуренцию норм, правильное разграничение пункта «г» части 3 статьи 158 и статьи 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — РФ), то есть «кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 Кодекса)», и «мошенничества с использованием электронных средств платежа» [4].

Согласно абзацу первому пункта 25.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использо-

ванием чужой или поддельной платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [5]. Необходимо определить, закреплена ли на законодательном уровне обязанность работников торговых организаций проверять соответствие документов покупателя, удостоверяющих личность, документам, привязанным к банковской карте. Проанализированные нормы позволяют сделать вывод об отсутствии такой обязанности, поэтому в приведенной ситуации обман как способ совершения мошенничества не имеет места быть. Соответственно, деяние из примера подлежит квалификации по п. «Г» ч. 3 ст. 158, а не ст. 159.3 [4]. Однако в отдельных субъектах РФ судебная практика складывается по-разному.

Следующим проблемным вопросом, связанным с квалификацией мошенничества, совершенного в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, является неоднозначность в определении места совершения мошенничества. Это связано с одним из признаков такого мошенничества — дистанционностью. Появляется некоторое затруднение ввиду ряда факторов, включающих в себя местоположение преступника и потерпевшего, место причинения имущественного ущерба, дислокацию специальных средств, с использованием которых осуществляется противоправное деяние, и так далее. Необходимо различать место совершения преступления и место окончания такого противоправного деяния. Исходя из положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 [6], место совершения противоправного деяния будет являться ключевым при определении территориальной подсудности, однако есть и исключения из этого общего правила. Так, например, учитывая современную тенденцию развития банковских отношений и информационно-телекоммуникационных технологий, можно выделить участвовавшие случаи непоступления безналичных денежных средств со счета потерпевшего на банковский счет виновного: это означает, что мошенник не сможет пользоваться или распоряжаться ими.

В Китайской Народной Республике под мошенничеством в сфере информационных и телекоммуникационных технологий понимается «совершение мошеннических действий в отношении государственной и частной собственности с использованием телекоммуникационных сетевых технологий посредством дистанционных, бесконтактных и иных методов с целью неправомерного за-

владения» [7]. Примечательно, что в Китае создан Закон [7], регулирующий вопросы борьбы с мошенничеством в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. При этом уголовным законодательством КНР помимо статьи «Мошенничество» без квалифицирующих признаков предусматривается следующий вид такого мошенничества — с использованием компьютера (статья 287). Возникает проблемный вопрос: подпадает ли мошенничество, совершенное с использованием искусственного интеллекта, под эту статью, или оно должно быть квалифицировано иначе? Специальный Закон, названный ранее, лишь отсылает к Уголовному кодексу и не конкретизирует, каким составом охватывается такое мошенническое деяние. Предполагаем, что на данном этапе правоприменительной практики в Китае использование нейросетей с целью хищения денежных средств у граждан может квалифицироваться и как «обычное» мошенничество, и как мошенничество с использованием компьютера в совокупности с «незаконным использованием информационных сетей» в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела. Также вероятно, что с появлением легального определения мошенничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий и точечным регулированием борьбы с этим явлением в уголовное законодательство Китая будут вноситься изменения, связанные с выделением отдельных составов.

В отличие от КНР, в Республике Казахстан нет специального закона, в полной мере защищающего данные от быстроразвивающегося мошенничества, однако Уголовным кодексом Республики Казахстан [8] предусмотрен следующий состав: «мошенничество, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием пользователя информационной системы» [8]. Исходя из этого, для правильной квалификации преступления необходимо определить, кто является пользователем информационной системы и какими признаками должно обладать деяние, чтобы подпадать под этот состав, а также будет ли иметь место совокупность преступлений. Так, согласно пункту 9 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 года № 6, это «действия виновного, направленные на завладение имуществом или правом на имущество пользователя информационной системы, совершенные посредством информационных технологий (компьютера, компьютерных программ, интернета, сотового телефона и т. п.), путем размещения в информационной системе заведомо недостоверных сведений или программ, с целью реализации его пре-

ступного умысла на обман пользователя посредством Qiwi-кошелька, интернет-банкинга и т. д.» [9]. Примечательно, что средством совершения преступного деяния являются информационные технологии, которые могут быть представлены в различных вариациях, и в некоторых случаях мошенничество и неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций будут составлять совокупность. Также необходимо определить, что является местом совершения преступления, учитывая, что деяние совершается в пространствах информационной системы. В силу указанного ранее Нормативного постановления таким местом будет являться местоположение потерпевшего, чьи денежные средства были перечислены мошеннику. Однако подлежит уточнению проблемный вопрос, связанный с ситуацией, когда потерпевший не переводит свои денежные средства, а они у него списываются ввиду воздействия различных программ, при этом счет списания, например, находится за рубежом. Полагаем, что и этот случай будет подпадать под разъяснение, приведенное Верховным Судом Республики Казахстан.

Таким образом, и в российском, и в зарубежном уголовном праве существуют проблемные вопросы, связанные с квалификацией мошенничества, совершенного в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, на что обращают внимание многие исследователи и правоведы [10]. Безусловно, каждое государство осуществляет свою политику, связанную с законодательным регулированием борьбы с таким противоправным деянием. Однако стоит отметить, что для устранения некоторых проблемных вопросов, связанных, в том числе, с квалификацией преступлений, законодательная база должна быть модернизирована и приведена в соответствие с современным уровнем развития технологий. Также должны быть выделены отдельные составы преступлений, чем уже занимаются некоторые из государств. Мошенничество в сфере информационных технологий представляет собой сложный и быстро развивающийся институт, характеризующийся повышенной степенью общественной опасности, а для борьбы с ним необходимо его правильно определить и квалифицировать.

1. Global Anti-Scam Alliance. URL: <https://www.gasa.org/contact> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Литвинов, Н. Д. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения / Н. Д. Литвинов // JSRP. 2015. № 12 (32). С. 73–80.
3. Судебная статистика РФ: официальный сайт. URL: <https://sudstat.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. 2003. 18 января.
6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 // Российская газета. 2017. 11 декабря.
7. Цай, И. Закон КНР о противодействии мошенничеству в телекоммуникационных сетях. Законы Китайской Народной Республики / И. Цай. URL: <https://chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoj-narodnoy-respubliki-o-protivodeystvii-moshennichestvu-v-telekommunikacionnyh-i> (дата обращения: 12.11.2024).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 12.11.2024).
9. О судебной практике по делам о мошенничестве : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29.06.2017 № 6 // Казахстанская правда. 2017. 27 июля.
10. Воробьев, В. В. Преступления, совершаемые с применением искусственного интеллекта: вопросы готовности уголовного законодательства / В. В. Воробьев // XI Юридические чтения: Личность, общество и государство в условиях глобальных трансформаций: юридический взгляд и правовые решения: Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 160-летию со дня рождения выдающегося юриста А. Ф. Кони, 135-летию со дня рождения видного юриста и социолога П. А. Сорокина, 30-летию Конституции Республики Коми, г. Сыктывкар, Республика Коми, 4–6 апреля 2024 года : сборник статей / отв. ред.: В. Д. Потапов, В. В. Воробьев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. С. 70–76.

УДК 343.85

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ю. Д. Чужакова,

студентка 4-го курса Юридического института (бакалавриат)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — В. В. Воробьев,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье анализируется статья 31 Уголовного кодекса РФ, а именно положения об освобождении от уголовной ответственности при наличии признаков добровольного отказа. Особое внимание акцентируется на признаках добровольности и окончательности отказа, подчеркивается важность совокупности названных признаков. Рассмотрен ряд проблем, возникающих при столкновении теории и практики с пробелами законодательства, в том числе соотношение со схожим институтом «деятельного раскаяния».*

***Ключевые слова:** преступление, добровольный отказ, признаки, мотивы, исключение ответственности, соотношение институтов, уголовное право*

Уголовное право Российской Федерации с помощью различных правовых механизмов и средств способствует решению основных задач российской правовой системы. К первостепенным задачам отечественного уголовного права можно отнести следующие: охрана прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка, предупреждение преступлений, обеспечение мира и безопасности человечества [1]. Стремление к гуманизации уголовного законодательства предполагает наличие уголовно-правовых механизмов, позволяющих не только смягчить наказание, но и исключить привлечение к ответственности. Одним из институтов, созданных законодателем для достижения данной цели, является добровольный отказ от совершения преступления.

Добровольным отказом от совершения преступления согласно ч. 1 ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца [1]. Од-

нако, несмотря на длительное существование института добровольного отказа и его закрепление в УК РФ, в научной литературе не выработано единого подхода к точному установлению количества и содержания признаков, характеризующих данное явление [2, с. 131]. При этом наиболее распространенное мнение, которое встречается в исследованиях отечественных правоведов, заключается в том, что основными признаками добровольного отказа являются добровольность и окончательность [3, с. 14].

Признак окончательности подразумевает полное и беспрекословное прекращение субъектом начатых действий, направленных на получение преступного результата. В случаях, когда лицо прекращает преступные действия временно, по причине подбора более благоприятных условий (например, при намерении совершить кражу лицу не удалось проникнуть в жилое помещение без орудия взлома), то такой отказ будет являться вынужденным и временным, нежели добровольным и окончательным. Сущность признака окончательности состоит в полном отпадении умысла и желания довести начатое до конца. При этом следует понимать, что если в действиях лица на момент принятия решения об отказе от преступления уже имеется состав другого преступления, то данное лицо подлежит наказанию за совершенное им преступление.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [4] указывается, что как оконченное преступление по ст. 222 УК РФ надлежит квалифицировать незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение одной или нескольких основных частей огнестрельного оружия. Так, если лицо, приобретшее оружие для совершения убийства, вдруг передумало совершать убийство, оно не будет привлечено по статье 105 УК РФ, но квалификация его действий по ч. 1 ст. 222 УК РФ и привлечение к уголовной ответственности неизбежны [1].

При обстоятельствах, когда лицо осознает возможность доведения преступления до планируемого результата, но объективно такой возможностью не обладает, отказ также считается добровольным. Например, лицо не знает о том, что находится под наблюдением правоохранительных органов, но по собственным убеждениям принимает решения не доводить преступление до конца и прекращает действия, направленные на совершение преступления [5].

Признак добровольности является не менее сложным и дискуссионным при выявлении на практике. Ни в самой норме, ни в доктрине не существует букваль-

ного толкования понятия «добровольность». Важной особенностью при установлении отказа является наличие субъективной причины недоведения преступления до конца. То есть подразумевается осознанное решение лица отказаться от дальнейших действий, а именно проявление его интеллектуально-волевых качеств. При этом объективные факторы, которые привели к вынужденному отказу (например, насильник не догнал жертву, поскольку упал при попытке догнать), не могут учитываться при применении ст. 31 УК РФ [1], поскольку такой отказ свидетельствует о том, что общественная опасность деяния не исчезает.

Как правило, мотивы добровольного отказа вызваны психологическими аспектами. К ним можно отнести как угрызение совести и жалость к потерпевшему, так и утрату интереса к результату преступления. Законодатель не дает точного указания на перечень допускаемых мотивов, характерных для добровольного отказа от преступления. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что мотивы не имеют большого значения — важен сам факт принятия решения отказаться от совершения преступления.

Так или иначе установление мотивов необходимо для разрешения спорных ситуаций, вызванных, в том числе, сомнениями в добросовестности лица, отступившего от исполнения преступного деяния. В соответствии с ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации мотивы включены в предмет доказывания, что также подтверждает необходимость их установления [6]. На практике проблема определения добровольности заключается в сложности собирания доказательств, установления и доказывания наличия либо отсутствия критерия добровольности в отказе лица в совершении преступления. Не всегда показания лица, отказавшегося от преступления, достоверны и соответствуют реальному умыслу преступника [7, с. 77]. Для решения этой проблемы необходимы детальное изучение личности преступника, в том числе составление его психологического портрета, и объемная работа психолога-криминалиста.

Нередко ошибочно происходит отождествление понятий «деятельное раскаяние» и «добровольный отказ». Названные институты имеют некоторые сходства между собой. Например, основная цель их введения в Уголовный закон — профилактическая, подразумевающая стимулирование благоприятного поведения граждан. Однако следует понимать, что понятия различны по своей правовой природе и характерным признакам, и уметь разграничивать их.

Добровольный отказ имеет место лишь на первых стадиях совершения преступления и является основанием, исключающим уголовную ответственность

при наличии характерных признаков. Деятельное раскаяние, в свою очередь, всегда подразумевает наличие состава преступления и предполагает вариации исхода событий. Нередко деятельное раскаяние является лишь основанием, смягчающим наказание, когда освобождение от уголовной ответственности невозможно. Фундаментальное отличие институтов в том, что добровольный отказ происходит до наступления общественно опасных последствий, а раскаяние осуществляется уже после их наступления [8, с. 390].

Деятельное раскаяние выражается в активных, полезных и правомерных действиях лица (примерный перечень приведен в ст. 75 УК РФ [1]), которые носят характер взаимовыгодного компромисса между государством или потерпевшим и субъектом преступления. Добровольный отказ, напротив, выражен скорее пассивностью и бездействием в доведении преступления до конца.

Отличием также является обязательное наличие умысла в совершаемом деянии [9, с. 19]. В случае с деятельным раскаянием лицо могло совершить преступление по неосторожности, но в дальнейшем активно предпринимало меры, направленные на заглаживание вины. При добровольном отказе лицо имеет прямой умысел: об этом говорит законодатель, указывая на приготовление лица к совершению преступления.

Таким образом, институт добровольного отказа от преступления рассматривается учеными-юристами как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность за предполагаемое преступление, которое лицо намеревалось совершить. Выражая в себе основы гуманизма, норма, закрепленная в Уголовном кодексе РФ, является мотивацией отступить от доведения преступления до конца и способствует предупреждению совершения преступлений на начальных стадиях [2, с. 135]. Тем самым минимизируется вред, нанесенный общественному порядку, гражданам и государству. Несмотря на схожесть с институтом «деятельного раскаяния», институт «добровольного отказа» имеет ряд характерных отличительных признаков и иную правовую природу.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Безуглый, С. Н. Условия добровольного отказа от преступления / С. Н. Безуглый // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2016. № 3 (224). С. 131–135.

3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть / А. В. Наумов. М.: БЕК, 1996. 590 с.

4. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

5. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 14.10.2008 по делу № 25-Д08-33 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2024).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 3474.

7. Солодских, Д. С. Характеристика добровольного отказа от преступления и его соотношение со стадиями неоконченного преступления / Д. С. Солодских // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62–16. С. 76–80.

8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. В. С. Комиссарова [и др.]. М.: СТАУТ, 2014. 849 с.

9. Орлова, А. И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Орлова. Красноярск, 2017. 197 с.

УДК 347.6

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. М. к. Эюбова,

студентка 3-го курса Юридического института (магистратура)

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Научный руководитель — И. С. Чалых,

канд. юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Аннотация. В статье автор рассматривает категории и отдельные виды мер государственной поддержки материнства, отцовства и детства, дает им оценку; выявляет проблемы при реализации данных мер и предлагает пути их разрешения.

Ключевые слова: материнство, отцовство, детство, конституционное право, семейное право, государственные меры поддержки, гарантии, льготы

Конституцией Российской Федерации в статье 7 установлено, что Российская Федерация является социальным государством [1]. Это означает, что поли-

тика государства направлена на создание необходимых условий, призванных обеспечить достойную жизнь его гражданам. Часть 2 указанной статьи дополняет базовое установление и гарантирует, что в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [1].

В последнее время поддержка институтов семьи, материнства, отцовства и детства стала одним из основных направлений государственной политики в России. Семья представляет собой важнейший социальный институт, базовую ячейку общества. В статье 38 Конституции Российской Федерации определено, что семья находится под защитой государства [1]. Данный принцип, являясь конституционным, наряду с иными обуславливает обязательность предметного направления государственной политики, а также его отражение в иных, производных нормативных правовых актах Российской Федерации.

Создание благоприятных условий для формирования семей, а также их успешного функционирования является важной задачей любого государства, потому что вследствие социально-экономических условий, процессов глобализации общества, институт семьи перестал иметь такое же важное значение для граждан, как ранее. Таким образом, государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства является важной задачей современного государства.

В целом государственная поддержка представляет собой комплекс мероприятий, которые предпринимает государство путем установления различных мер поддержки, направленных на улучшение условий существования и развития различных институтов общества, будь то семья или бизнес. Меры поддержки имеют различный характер и могут подразделяться на:

– финансовые меры: финансирование деятельности, выделение бюджетных средств, разработка программ, выделение субсидий для занимающихся данной деятельностью;

– образовательные меры: могут выражаться в предоставлении социальных льгот и гарантий при осуществлении образовательной деятельности обучающихся;

– консультационные меры: предоставление информационных, методических и экспертных материалов, а также проведение обучающих мероприятий для развития, к примеру, бизнеса;

– имущественные меры: выражаются в передаче во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества, в том числе зе-

мельных участков, зданий, строений, сооружений, оборудования и других объектов на льготных условиях [3].

Государственная поддержка материнства, отцовства и детства — это система государственных программ и мероприятий, направленных на обеспечение здоровья матери и ребенка, укрепление семьи, поощрение материнства и создание благоприятных условий для воспитания детей. Она включает установление государственных минимальных социальных стандартов, создание условий для совмещения работы и семейных обязанностей, а также укрепление правовой защиты детства [4, с. 55].

Особое значение при рассмотрении охраны материнства, отцовства и детства имеют нормы международного права. Пункт 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации так определяет действие международных договоров в национальной системе права: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [1]. Многие международные договоры и конвенции были ратифицированы СССР, но, учитывая, что Российская Федерация является правопреемницей СССР, в том числе в аспекте международных обязательств, указанные международные правовые акты продолжают действовать и в настоящее время. Например, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, пункт 2 статьи 4 которой устанавливает, что «специальные меры, направленные на охрану материнства, не считаются дискриминационными» [2].

Таким образом, законодательство Российской Федерации следует как конституционным принципам и установлениям, так и международным. Исходя из этого, обеспечение материнства, отцовства и детства является масштабным направлением государственной поддержки, обусловленным действием как национального, так международного права. Применительно к нашему государству следует отметить, что координация вопросов, касающихся поддержки материнства, отцовства и детства, отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72 Конституции России [1]).

Государственная поддержка материнства, отцовства и детства в современной России включает в себя ряд мер, направленных на облегчение материаль-

ной нагрузки на семью, увеличение рождаемости и улучшение условий для воспитания детей. К основным программам и мероприятиям в рамках такой поддержки следует отнести следующие:

1. Материнский капитал [3]. Представляет собой финансовую меру поддержки со стороны государства, которая была введена в 2007 году и выражается в денежной выплате при рождении или усыновлении ребенка, имеющего российское гражданство. Данная мера направлена на стимуляцию рождаемости в стране. Она может реализовываться посредством улучшения жилищных условий, содействия в получении детьми образования и др. Однако реализация права на получение материнского капитала сопряжена с определенными сложностями. Например, проблемы, возникающие при оформлении документов и получении сертификата, а также желание распорядиться материнским капиталом не только по категориям, указанным в законе. Предложением по оптимизации здесь может стать внесение изменений в пункт 3 статьи 7 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [3]. Предлагается расширение возможных направлений использования средств материнского капитала, в том числе предоставление возможности использовать их для приобретения автомобиля или оплаты лечения.

2. Ежемесячные пособия по уходу за ребенком [5]. Данная мера также носит финансовый характер. Она распространяется на матерей, отцов, иных родственников, а также опекунов и попечителей, которые фактически осуществляют уход за ребенком, а также находятся в отпуске по уходу за ним. Основанием для назначения пособия является заявление о назначении ежемесячного пособия по уходу за ребенком, подаваемое работодателю вместе с заявлением о предоставлении отпуска по уходу за ребенком. К проблемным аспектам, которые возникают при реализации данной гарантии, можно отнести различия в круге лиц, которые обеспечиваются данной мерой поддержки: в зависимости от региона размеры пособий могут сильно различаться, что ставит граждан в неравное положение. Решением указанной проблемы может стать установление особых размеров пособий для семей с двумя и более детьми, а также для различных типов семей (например, для многодетных или семей с низким уровнем доходов).

3. Бесплатные медицинские услуги для беременных и рожениц [6]. Беременные женщины имеют право на бесплатное медицинское обслуживание в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования (ОМС). Оно включает наблюдение по беременности, роды и осмотры после родов, а

также госпитализацию при необходимости. Однако и при реализации данной гарантии возникают существенные проблемы. Например, отсутствие достаточного количества квалифицированных специалистов, способных в полной мере осуществлять медицинскую помощь. К сожалению, данная проблема является комплексной, и соответственно, ее решением может стать увеличение финансирования данной сферы, улучшение условий для медицинских работников, повышение престижа данной профессии.

4. Меры поддержки многодетных семей [7]. В этот перечень входят: послабление при получении единовременного пособия, субсидия на погашение ипотеки, скидки на коммунальные услуги, компенсации на оплату детского сада, а также региональные выплаты. К проблемам, возникающим при реализации мер поддержки многодетных семей, относят низкую результативность данных мер, недостаточную информированность семей о наличии указанным мер. Пути решения этих проблем включают пересмотр государственной системы социальной поддержки, включая не только улучшение качества и доступности услуг, но и обеспечение адресного информирования.

5. Обеспечение доступности детских яслей, садов и школ. В настоящее время в стране идет постепенное увеличение количества указанных учреждений, что является положительной динамикой при реализации данной меры государственной поддержки.

В целом государственная поддержка материнства, отцовства и детства в России является важным инструментом, способствующим улучшению демографической ситуации в стране и обеспечивающим благополучие семей и детей. Существуют меры, с помощью которых осуществляется государственная поддержка, но их правовое обеспечение, как и механизм реализации, не лишены недостатков, что не позволяет достичь запланированного уровня эффективности и целевых результатов. В первую очередь, как представляется, следует изменить подход к правоприменению путем внедрения индивидуального подхода к каждому получателю такой поддержки.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18.12.1979). URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2024).

3. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

4. Рябова, О. С. Меры государственной поддержки семьи, материнства и детства в Российской Федерации / О. С. Рябова // Вестник науки. 2019. № 10 (19). С. 53–59.

5. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

7. О мерах социальной поддержки многодетных семей : указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 // Собр. законодательства РФ. 2024. № 5. Ст. 665.

УДК 343.344

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 226 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Юсупова,

студентка 5-го курса (специалитет)

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Крымский юридический институт (филиал), г. Симферополь

Научный руководитель — В. А. Робак,

д-р юрид. наук, доцент,

зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин,

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Крымский юридический институт (филиал), г. Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 226 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при квалификации данного деяния. Обосновывается необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс, в том числе, предложены возможные варианты формулировок норм, направленных на устранение существующих пробелов и противоречий.

Ключевые слова: оружие, хищение, вымогательство, уголовное законодательство, корыстные мотивы

Одной из наиболее острых проблем современности является рост количества оружия, попадающего в незаконный оборот. Особое значение среди преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, имеют деяния, связанные с хищением либо вымогательством оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Эти преступления представляют собой серьезную угрозу общественной безопасности, поскольку в результате их совершения в незаконный оборот попадают предметы, обладающие высокой потенциальной опасностью. Такие предметы могут быть использованы для причинения вреда здоровью, а также представлять прямую угрозу жизни граждан и нормальному функционированию общества в целом.

В соответствии со ст. 226 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) преступным является деяние в виде хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств [1].

Вымогательство, как это предусмотрено ст. 163 Уголовного закона Российской Федерации, представляет собой требования передать чужое имущество или права на него либо совершить иные действия имущественного характера; при этом угроза применения насилия или уничтожения (повреждения) имущества является основой для квалификации деяния [1]. Этот состав преступления в полной мере может быть применим и в контексте статьи 226 УК РФ. Важно, что ключевым элементом для признания деяния вымогательством служит не факт фактической передачи имущества, а именно выражение требований со стороны преступника.

Большее количество вопросов вызывает квалификация хищения указанных предметов. Так, понятие хищение, закрепленное в примечании 1 ст. 158 УК РФ [1], применимо ко всем статьям Уголовного кодекса. Однако необходимо обратить внимание на то, что ст. 158 УК РФ закреплена в главе 21, и объектом преступления являются общественные отношения собственности. Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, — общественная безопасность.

Для преступлений, объективной стороной которых является хищение, необходимым признаком для квалификации является наличие корыстной цели. Так, для корыстной цели характерно стремление преступника извлечь материальную выгоду в результате незаконного изъятия и (или) распоряжения чужим имуществом, направленного на обогащение себя, соучастников или близких, материальное положение которых имеет для него личный интерес. [1] Таким

образом, эта цель может проявляться в стремлении улучшить свое финансовое положение или положение тех, кто связан с ним родственными или иными тесными связями.

Если проанализировать судебную практику по делам о хищении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, то можно получить представление о типичных формах преступных деяний, совершенных в этой сфере. Статистические данные показывают следующее соотношение различных форм хищения: кражи составляют 71 %, разбойные нападения — 12 %, грабежи — 9 %, присвоение — 7 %, а растрата — 1 % [2, с. 68].

Тем не менее следует подчеркнуть, что на практике встречаются случаи хищения указанных предметов, совершенных без корыстной цели. Около 25–30 % хищений оружия осуществляется при отсутствии такой цели. В этих случаях преступники могут использовать оружие для совершения насильственных преступлений, мести, самообороны, что также необходимо учитывать при правовой оценке. В подобных ситуациях очевидно, что мотивы преступника не сводятся исключительно к материальной выгоде. Например, в соответствии с приговором суда установлено, что подсудимый, действуя с умыслом и с целью незаконного завладения огнестрельным оружием, выхватил табельный пистолет у потерпевшего и скрылся с места преступления. Оказавшись на безопасном расстоянии, удостоверившись в отсутствии преследования и обладая возможностью распоряжаться похищенным оружием, он принял решение выбросить пистолет. В ходе судебного разбирательства было установлено, что подсудимый не предпринял попыток продать или использовать оружие, а просто избавился от него, что подпадает под признаки состава преступления, связанного с хищением оружия. За свои действия он был признан виновным по ч. 1 ст. 226 Уголовного кодекса РФ [3].

Более того, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 № 5 [4] не устанавливается корыстная цель как обязательный элемент, который должен присутствовать для квалификации данного преступления; также не закреплено законодательно требование о том, что оно должно совершаться исключительно с такой целью.

В доктрине уголовного права выделяется несколько подходов для решения данной проблемы:

– в случаях незаконного изъятия указанных предметов ввести уголовную ответственность как за отдельное преступление, не связанное с признаками хищения [5, с. 143];

– закрепить термин «неправомерное завладение» вместо «хищение» [6, с. 538];

– установить, что для квалификации хищения этих предметов не требуется наличие корыстной цели, и она не является обязательным элементом преступления [7, с. 8].

Анализируя данные варианты решения проблемы, важно отметить, что необходимо также разграничение ст. 222 и ст. 226 УК РФ: при изменении терминов «хищение» на «неправомерное завладение» следует конкуренция норм и исходящие из этого проблемы в правоприменительной практике. Разграничение данных понятий является затруднительным в практическом контексте, поскольку эти действия могут быть очень схожи, что вызывает сложности при применении соответствующих норм уголовного права.

Противоречия в применении этих норм наглядно демонстрирует пример из судебной практики в Ставропольском крае [8]. Согласно выводам суда первой инстанции, установившего фактические обстоятельства дела, Е., действуя без согласия своего брата, во владении которого находилось ружье, исходя из своих низменных побуждений, а именно чувства мести, незаконно завладел указанным предметом. В дальнейшем Е. скрыл похищенное ружье. Таким образом, он совершил хищение и по своему усмотрению распорядился похищенным имуществом, скрыв его в месте, неизвестном для собственника. Однако суд первой инстанции не признал действия Е. преступлением из-за отсутствия корыстной цели, в связи с чем вынес оправдательный приговор. Приговор суда первой инстанции и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда обжаловались прокурором. В кассационной инстанции суд разъяснил, что хищение огнестрельного оружия может быть совершено не только с корыстной целью. Под воздействием различных иных мотивов, таких как месть, желание продемонстрировать силу, ревность или стремление к мести, деяния также могут квалифицироваться по ст. 226 УК РФ. Следовательно, выводы суда первой инстанции, который счел действия Е. неправомерными из-за отсутствия корыстной цели, были признаны юридически необоснованными. В итоге кассационное представление прокурора было удо-

влетворено, а оправдательный приговор первой инстанции и постановление судебной коллегии по уголовным делам были отменены.

На практике применение нормы, регулирующей ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, вызывает определенные правовые споры и трудности. Это связано с неопределенностью в трактовке понятий и недостаточной четкостью действующих положений.

Для устранения этих пробелов и повышения правовой определенности представляется целесообразным дополнить ст. 226 УК РФ новым примечанием: «Под хищением в настоящей статье необходимо понимать безвозмездное противоправное изъятие и (или) обращение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, в пользу виновного или иных лиц» [2]. Данное дополнение способствовало бы более точной квалификации преступлений, улучшило правоприменительную практику и обеспечило большую защиту общественной безопасности.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Робак, В. А. Вопросы квалификации хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств / В. А. Робак // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 64–69.

3. Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области от 09.03.2011. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 25.10.2024).

4. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 // Российская газета. 2002. 19 марта.

5. Бикеев, И. И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук / И. И. Бикеев. Йошкар-Ола, 2000. 217 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. М.: Юристъ, 1996. 824 с.

7. Багрова, О. Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук / О. Л. Багрова. М., 2004. 164 с.

8. Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 07.08.2017 № 44У-233/2017 44У-450/2017 4У-702/2017 по делу № 1-32/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.10.2024).

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**VIII Всероссийская научно-практическая конференция
студентов, магистрантов и аспирантов**

г. Сыктывкар, 20–21 ноября 2024 г.

Сборник статей

Ответственный редактор **Ирина Сергеевна Чалых**

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word

Системные требования:

ПК не ниже Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере;
Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше;
видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек;
4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь.

Редактор *И. С. Урманчеева*

Корректор *Е. М. Насирова*

Техническое редактирование *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

2,4 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.

Подписано к использованию 27.12.2024.

Заказ № 119. Тираж 50 экз.

Адрес типографии:

167000. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 23Б

Издательский центр ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Тел. (8212) 390-472, 390-473.

E-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>